
TOL
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1976
ХО ШИ МИН
KATO
91/2-135

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 38 (2567)

18 СЕНТЯБРЯ 1976



Анатолий Михеевич Суровцев не только один из лучших строителей Москвы, но и прекрасный наставник. Репортаж о встрече наставников за «круглым столом» «Огонька» смотрите на стр. 6—10.

Фото А. Бочинина

В ПОЛЕТЕ «СОЮЗ-22»

СООБЩЕНИЕ ТАСС

15 сентября 1976 года в 12 часов 48 минут по московскому времени в Советском Союзе произведен запуск космического корабля «Союз-22», пилотируемого экипажем в составе командира корабля Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР полковника Быковского Валерия Федоровича и бортинженера Аксенова Владимира Викторовича.

Основной целью полета космического корабля «Союз-22», проводимого по программе сотрудничества социалистических стран в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, является отработка и усовершенствование научно-технических методов и средств изучения из космоса геолого-географических характеристик поверхности Земли в интересах народного хозяйства. Для решения этих задач на борту космического корабля установлена многозональная фотоаппаратура, разработанная специалистами ГДР и СССР и изготовленная на народном предприятии «Карл Цейс Йена» в ГДР.

Программой полета предусматривается также выполнение научно-технических, медико-биологических исследований и экспериментов.

С экипажем корабля «Союз-22» поддерживается устойчивая радио- и телевизионная связь.

Управление полетом космического корабля «Союз-22» и обработка поступающей информации осуществляются советским Центром управления с помощью станций слежения, расположенных на территории Советского Союза, и научно-исследовательских судов, находящихся в различных районах акватории Атлантического океана.

Самочувствие космонавтов В. Ф. Быковского и В. В. Аксенова хорошее, бортовые системы корабля работают нормально.

Космонавты товарищи Быковский и Аксенов приступили к выполнению программы полета.



Командир экипажа космического корабля «Союз-22» летчик-космонавт СССР Валерий Федорович Быковский.

Бортинженер Владимир Викторович Аксенов. **Фото А. Пушкарева (ТАСС).**

ВЕСОМЫЙ ХЛЕБ

Лимарий СЕМЕНОВ,
фото Г. РОЗОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Нам рассказывал Александр Иванович Астафуров:

— Потревожил мой комбайн лося. Выскочил он из Бирючей балки, вылетел в поле: направо комбайн Зайцевых, налево комбайн Власовых, вдали, там, где Соленая балка и деревья погуще, работает Анатолий Шибатов. Куда лосю бежать?..

— Зайцевы... Власовы... Это что — семьи?— поинтересовались мы.

— Да, семьи. А вот и мой сын, Петр. Вместе работаем.

...Загорелые, пропыленные лица комбайнеров. Все они с одной улицы. Рабочие совхоза «Тростянский», Новоаннинского района, Волгоградской области. Отдаленный хлебный район...

Иван Николаевич Политов, директор совхоза «Тростянский», рассказывает:

— Необычный нынче год. Поздно посеяли. Весна была холодная, затяжная. Поздно убираем. Хлеба уродились хорошие, но полегли. Шли дожди. И обложные и налётные... И все же с девяти тысяч гектаров хлеб уже скошен и обмолочен. Большая заслуга в этом коренных тростянских хлеборобов. Многие из них семьями работают. Поедем на поля, познакомлю...

Мы поехали на последние, еще не убранные поля высокой пшеницы.

Навстречу нам лихо мчался мотоцикл. За рулем — девушка. Наташа Власова. Работает рядом с отцом, Алексеем Николаевичем.

— Куда путь держишь?— спросил директор.

— Вон к той балке. Видите?.. Там, где пшеница желтеет. Сейчас папа туда пригонит комбайн.

На дороге показалась колонна комбайнов. Комбайнеры увидели директора и остановились на несколько минут. Знакомимся. Астафуровы, Власовы, Зайцевы. За плечами каждой семьи больше шести тысяч центнеров намолоченного хлеба. Особый рассказ о Зайцевых. Глава семьи Георгий Петрович представляет крестьянскую династию: отцы и деды работали в здешних местах. Сын Алексей — штурвальный; старший, Геннадий, день работает в мастерской, день в поле. Георгий Петрович родился в этих краях и всю жизнь в поле. В совхозе и сейчас помнят его рекорд: скосил и обмолотил десять тысяч семьсот семьдесят центнеров.

— Повторите ли свой рекорд?— спросили мы.

— В нынешнюю страду, пожалуй, трудновато будет. Дожди, как на замок, закрывали хлеба. Рукой проведешь по валку — вода. Хлеб прорастал. Брать его было нелегко. Но теперь погода наладилась.

Сто тысяч тонн зерна обязался продать государству совхоз «Тростянский»: весомый вклад глубинного совхоза в урожай 1976 года. А взят тот урожай с неровных полей, среди балок, солончаковых болот. Трудный хлеб!



Новобранцы жатвы Наташа Власова, Александр Гончаренко, Петр Астафуров.



УМНОЖАТЬ ЗАВОЕВАННОЕ

В минувшей пятилетке наш колхоз «Заря коммунизма» добился высоких и качественных урожаев озимой пшеницы. Опыт, прекрасная техника, высокоурожайные сорта семян позволили колхозникам и в нынешнем году, несмотря на неблагоприятные погодные условия, получить неплохой урожай пшеницы — по 44, а ярового ячменя — по 41,5 центнера с гектара.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своей речи на совещании партийно-хозяйственного актива Казахстана дал глубокий анализ состояния дел в сельскохозяйственном производстве и определил задачи на будущее. Труженики нашего колхоза отдают все силы для подготовки высоких урожаев будущего года. А он закладывается сегодня. Мы уже перевыполнили план посевов озимой пшеницы и сделали это в лучшие сроки. Наша главная задача в десятой пятилетке — превзойти достигнутые рубежи.

Сейчас все усилия колхозников направлены на то, чтобы как можно успешнее выполнить свои обязательства и с максимальным опережением сроков продать государству сельскохозяйственную продукцию. Девятимесячный план продажи мяса был выполнен за восемь месяцев, а годовой план по продаже молока завершается уже в сентябре.

Колхоз имеет значительные посевы сахарной свеклы. Во всех звеньях горячо обсуждалось приветствие товарища Л. И. Брежнева харьковским свекловодам. Мы взвесили свои возможности и решили собрать в нынешнем году по 480 центнеров свеклы с каждого из 1200 гектаров. Это позволит нам продать государству сверх плана 20—25 тысяч тонн сладких корней. Только из этого сверхпланового сырья будет получено свыше трех тысяч тонн сахара.

Нынешней осенью сложились хорошие погодные условия, и наши колхозники максимально используют их: закладывают прочные основы под урожай второго года десятой пятилетки.

Л. ШЛИФЕР,
Герой Социалистического Труда,
председатель колхоза
«Заря коммунизма»

Кировоградская область,
Новоархангельский район.



«Ливень» хлебный...



Семейный обед.

МЕРОЙ ВЫСОКИХ ТРЕБОВАНИЙ

Мера требовательности к тем, кто решает важнейшие задачи экономического развития страны, все время растет — вот вывод, который я сделал для себя, познакомившись с речью Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на совещании партийно-хозяйственного актива Казахстана. Мы идем вперед, у нас немало выдающихся достижений, однако интересы народа, партии, государства требуют не успокаиваться на этом. Долг каждого из нас работать на уровне высоких требований десятой пятилетки, пятилетки эффективности и качества.

Эти принципы и лежат в основе деятельности коллектива нашего совхоза. Мы уже завершили уборку зерновых, собрав на круг по 45 центнеров колосовых с гектара, начали уборку картофеля, сеем озимые, ведем вспашку зяби. Но, повторяю, никто из нас не считает, что использованы все резервы, все возможности. Речь Леонида Ильича Брежнева ориентирует нас на то, чтобы совершенствовать организацию труда, повышать его производительность. Мы помним слова Леонида Ильича Брежнева: «Долг партийных организаций, главная задача всей организаторской и политической работы — обеспечить, чтобы трудовая активность советских людей возрастала и впредь, чтобы их живое участие в решении коренных экономических проблем все более усиливалось».

Ф. БРИКЕТ,
директор совхоза «Ждановичи», Минской области

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

88 МИЛЛИОНОВ ПАССАЖИРОВ

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Двадцать лет назад, 15 сентября 1956 года, из аэропорта Внуково стартовал реактивный первенец Аэрофлота — ТУ-104. Рейс выполнял экипаж в составе командира корабля Е. Барабаша, второго пилота С. Кустова, штурмана А. Лебедева, бортмеханика В. Томина, бортрадиста Р. Горина и бортпроводниц З. Кабановой и В. Бесовой. Через 7 часов 10 минут летного времени, совершив промежуточную посадку в Омске, воздушный лайнер приземлился в Иркутске. Так началась в гражданской авиации эра реактивных самолетов.

Прошло два десятилетия. ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ БАРАБАШ ныне возглавляет Центральное управление международных воздушных сообщений. Корреспондент «Огонька» В. Каджая встретился с ним в Шереметьевском аэропорту.

— Евгений Петрович, на каких самолетах вы летали до ТУ-104?

— Воевал я на ПО-2, сразу после Победы перешел в Аэрофлот. Летал на ЛИ-2, ИЛ-12 и ИЛ-14, в основном на международных линиях: Белград, Прага, София, Хельсинки, Рим, Париж, Тегеран... В середине 1955 года мне предложили переучиться на ТУ-104.

В мае 1956 года Аэрофлот уже получил серийные пассажирские машины, на которых мы совершали тренировочные полеты до Владивостока. И вот наконец памятный день — пятнадцатое сентября, первый рейс с пассажирами! Погода стояла солнечная, ясная. Вылетели ранним утром. По всему маршруту, до самого Иркутска, как по заказу, ни одного облачка...

ТУ-104 быстро вышел на международную арену. Уже 12 октября Борис Павлович Бугаев — ныне он Герой Социалистического Труда, маршал авиации, министр гражданской авиации СССР — открыл линию Москва — Прага. А вскоре мы организовали для наших олимпийцев, направлявшихся в Мельбурн, воздушный мост Москва — Рангун. Насколько мне известно, тогда самолет впервые перелетел через Гималаи. Зрелище было впечатляющее: высота десять тысяч метров, а вершины почти под самой машиной — могучие ледяные громады!



Е. П. Барабаш.

Промежуточная посадка была в Дели. Делийский аэропорт имел тогда полосу длиной 2250 метров, а для ТУ-104 требовалось как минимум 2500. Садились уже за крайним пределом. Еще труднее взлетали — отрывались буквально с последней плиты и энергично брали на себя штурвал, когда полоса уже скрывалась под кабиной. Каждый такой взлет требовал огромного напряжения сил.

— Какая реакция была за рубежом на появление ТУ-104?

— По всем техническим характеристикам наш лайнер в ту пору превосходил аналогичные машины других стран. На ТУ-104 и его модификациях в те годы было установлено 26 мировых рекордов! Ни один пассажирский самолет в мире не обладает таким «послужным списком». В аэропортах Дели и Рангуна, а потом Европы и Америки он выделялся, словно великан. Специалисты восхищались его элегантными обтекаемыми линиями, стреловидными крыльями... Конечно, для Запада это был сюрприз номер один. Американский «Боинг-707» и английская «Комета IV» начали регулярные перевозки в конце 1958-го, а французская «Каравелла» — лишь в 1959 году.

ТУ-104 вывел нашу гражданскую авиацию вперед, определил ее развитие на долгие годы. За 20 лет эксплуатации на внутренних и международных авиалиниях самолеты ТУ-104 перевезли свыше 88 миллионов пассажиров. И ТУ-104 продолжает оставаться одним из основных рабочих самолетов Аэрофлота.



ЛЕНИНАКАН

ДИНАСТИЯ

Каждое утро они идут из дому вместе: отец и трое сыновей. У проходной их путь расходится. Глава семьи Ованес Мкртычевич направляется в класс учебного комбината, а Паруйр, Мигран и Левон — в ткацкое производство. Так начинает свой трудовой день рабочая династия Степанянов — отец и сыновья.

В истории Ленинаканского текстильного комбината имена Степанянов можно встретить на каждой странице. В двадцатых годах Ованес Мкртычевич был среди

Левон, Мигран, Паруир и Ованес Степаняны.

Фото Ф. Варданяна.

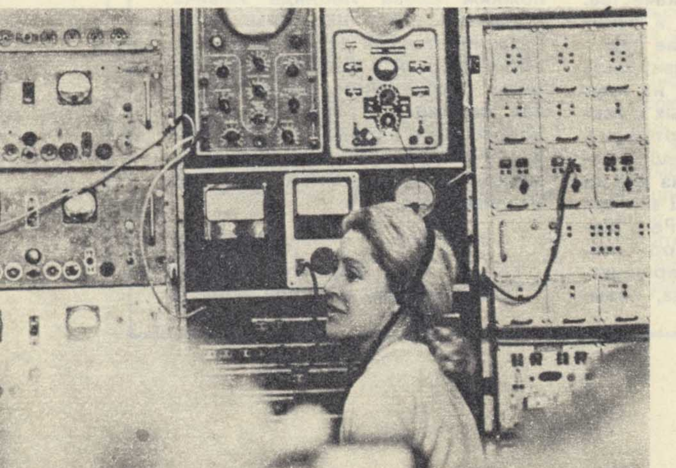


ВЛАДИВОСТОК

ВНИМАНИЕ, ЦУНАМИ!

В Дальневосточный гидрометеорологический институт поступает информация о цунами.

Фото автора.



Ее увидели, когда она еще была за несколько километров от берега. Огромная водяная стена с реактивной скоростью мчалась к берегу. Ставшее на дыбы море обрушилось на чудесный город, превратив его в груду развалин...

Это — дошедшее до нас свидетельство очевидцев трагедии Лиссабона. Землетрясение 1575 года разрушило город гигантской волной.

Цунами — грозное явление природы. На Дальнем Востоке оно не раз давало знать о себе.

Какие же меры предпринимает человек по защите от цунами? Об этом я спросил заместителя директора Дальневосточного гидрометеорологического института Г. В. Свинухова.

— Наука пока бессильна предотвратить подобные явления природы, — ответил он. — Но вовремя оповестить о надвигающейся опасности — это ее обязанность. В нашем институте работает отдел цунами. Его задача — создать новую автоматизированную службу оповещения. В годы десятой пятилетки планируется дать своеобразную границу для цунами, вдали от островов Курильской гряды и Камчатского побережья установить донные датчики. Информация с них будет поступать в единый центр и обрабатываться на ЭВМ.

Группа ученых института, возглавляемая физиком Ю. Р. Оршанским, недавно завершила свой первый рейс «охоты за цунами» на научно-исследовательском судне «Валерьян Урываев». Экспедиция получила новые данные для создаваемых атласов цунами в дальневосточных морях.

В. КУЗНЕЦОВ, собкор «Огонька»

Новое здание Ташкентского цирка оборудовано по последнему слову техники. Оно под стать современному архитектурному облику столицы Узбекистана. Мастера манежа из братских республик, познакомившиеся с новым цирковым комплексом, говорят: «Ташкентский — лучший в стране».

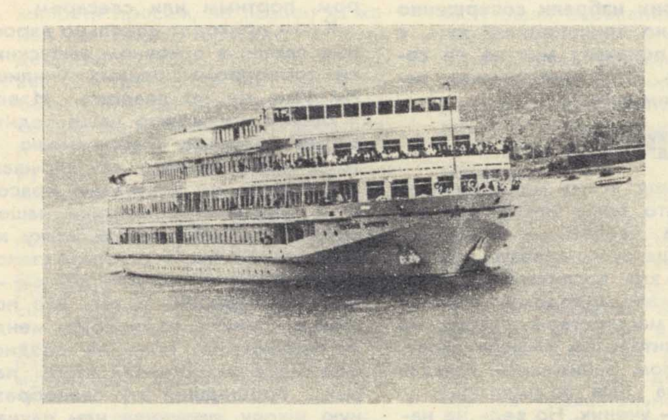
Фото А. Авазова.

тех, кто выпустил здесь первые метры тканей, освоив станки, присланные в дар русскими текстильщиками из города Вичуги. По следам отца пошли и сыновья. Сейчас братья Степаняны известны по всей республике. А младшего, Миграна,— кавалера ордена Трудового Красного Знамени, награжденного Почетным знаком ЦК ВЛКСМ,— хорошо знают текстильщики Иванова, Грузии, Азербайджана. Вот уже третью пятилетку подряд он со своими братьями завершает досрочно. Из тканей, которые в эти годы выпустили Степаняны, можно сшить одежду для населения трех миллионных городов.

В пору подготовки к XXV съезду КПСС на комбинате родилась замечательная инициатива: помочь молодым текстильщикам, стаж работы которых невелик, достигнуть уровня передовиков отрасли. Среди инициаторов этого патриотического движения были братья Степаняны.

Недавно по установившейся традиции молодые текстильщицы, удостоенные «Золотого ключа» — символа профессионального мастерства, преподнесли своим учителям вымпелы с надписью «Лучший наставник». Среди тех, кто получил их, были отец и братья Степаняны.

А. САВАЯН



Теплоход «Евгений Вучетич». Фото Ирины Пап.

ДОМ ОТДЫХА НА ПЛАВУ

КИЕВ

Нынешним летом на седой глади Днепра впервые появился пассажирский красавец теплоход «Евгений Вучетич». Он построен в ГДР, оборудован по последнему слову техники, с учетом новейших достижений дизайна. В его удобных каютах размещаются 360 пассажиров. Судно одноклассное, все каюты одинаково хороши: они прекрасно обставлены, в каждой и душ и санитарный блок, кондиционированный воздух. По убранству и оборудованию теплоход похож на уютный дом отдыха.

Этот самый большой теплоход на реке (два подобных судна ходят по Волге) стал флагманом днепровского пассажирского флота. Его маршрут с туристами на борту Киев — Очаков — Николаев — Киев занимает 12 дней.

С. КАЛИНИЧЕВ, собкор «Огонька»

ЧУВАШСКИЙ ХМЕЛЬ

ЧЕБОКСАРЫ

Павел Михайлович Никитин, директор чувашского треста «Хмельпром», только что проводил гостей. В Чебоксарах состоялся двухдневный Всероссийский семинар по хмелеводству, на который съехалось около двухсот хмелеводов РСФСР, а также посланцы Украины и большая делегация Чехословакии. Мы попросили П. Никитина рассказать нам о чувашском хмеле, показать его. И через час уже держали путь в Мариинско-Посадский район, в хмелеводческий совхоз «Восток».

Что такое хмель? Растение вьющееся. Употребляется для изготовления пива, но к хмельному состоянию сам хмель как продукт не имеет никакого отношения. Главное качество его горьких веществ, его смол — способность хорошо консервировать, сохранять. Кроме того, в нем есть ароматические и дубильные вещества.

— Павел Михайлович, кому же нужен хмель?

— Пивоварам, хлебопекам (дрожжи), кондитерам, текстильщикам (устойчивая окраска тканей), парфюмерам, фармацевтам (производство лекарств от сердечно-сосудистых заболеваний). И даже вам, журналистам: типографская краска не обходится без хмеля. В его стеблях много протеина — отличного корма для скота. А столь ценные горькие вещества и эфирные масла находятся в шишечках.

В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» записано: «Увеличить производство... хмеля...» По сравнению с 1969 годом заготовки его к 1980 году должны возрасти более чем в два с половиной раза. Из 230 миллионов рублей, отпущенных государством в десятой пятилетке на развитие хмелеводства в России, чувашскому тресту выделено 94 миллиона. Почти половина новых хмельников будет заложена в Чувашии, в основном в совхозах. В конце пятилетки около Цивильска построят фабрику переработки хмеля мощностью в пять тысяч тонн в год. Она станет выдавать хмель в виде брикетов, гранул, порошка. Вот тогда окончательно и сформируется наш аграрно-промышленный комплекс.

Большую помощь оказывают нам друзья из Чехословакии: поставляют хмелеуборочные комбайны, сушилки и другие механизмы. К концу пятилетки на половине всей площади, которую займут хмельники, уборка будет полностью механизирована. Предпринимаются активные шаги и к производству своей, отечественной техники.

В совхозе мы познакомились с Зинаидой Николаевной Трофимовой. Она работает на хмеле всю свою жизнь, так же как и ее мать. И дома у нее, на приусадебном участке, 6 рядов хмеля. Собирают, варят домашнее чувашское пиво, сдают шишки государству: каждый килограмм хмеля оплачивается наравне с шерстью — 8 рублей!

— Хмель не отпускает от себя с зари до зари,— говорит Зинаида Николаевна.— Тем более во время уборки. Сами шишечки мягкие, а стебли, ох какие колючие! Но мы, чуваши, давно хмелем занимаемся, еще наши деды и прадеды разводили его, чтобы пиво варить. Чувашское пиво — хмель, да мед, да солод из ржи. Называется «карчама». У нас и песня есть во время сбора хмеля: «Хмла бахчи»...

Сейчас в тресте более двух тысяч гектаров хмельников. И колхозы жалуют эту культуру. Выгодно, прибыльно!

Ия МЕСХИ, спец. корр. «Огонька»

Поливка плантации хмеля. Фото В. Исаева.



О ТОВАРИЩАХ, О СЕБЕ...

— Каждый человек обладает золотоносной жилой, которая порой ему самому неведома. Задача наставника — вовремя обнаружить ее. Ибо то, чем богат человек, должно приносить пользу не только ему самому, но и обществу.

В. Довгаль.

— Наставничество — старое русское слово. Оно и в словаре Даля есть. Наставничество применялось в реальных училищах и гимназиях. Машинист всегда был наставником по отношению к своему помощнику и кочегару. На кораблях есть капитан-наставник. Это историческое, емкое слово обрело теперь в новых условиях абсолютно новый широкий смысл. Наставничество — это организация труда подростка от гудка и до гудка, это знание, чем живут молодые люди и после гудка, это любовь к ним и всяческая помощь.

С. Витченко.

— Наставник — это учитель жизни.

В. Целуев.

— Самая большая награда для наставника — увидеть в человеке, которого ты опекал, на которого затратил много душевных сил, частицу своего труда.

А. Суровцев.

— В наставничестве главное быть щедрым. Есть люди, для которых богатство — мебель, машина, хрустальные вазы. Для других — душа человека. Если душа богатая — одалживай, никогда не обеднеешь!

Т. Ростиашвили.

— Каким должен быть наставник — пожилым или молодым? Думаю, что в первую очередь он должен быть совестливым, добросовестным человеком, с правильной жизненной позицией, человеком, которому можно было бы подражать. Наставнцк — человек, охотно помогающий людям.

А. Шакшин.

— Кто такие наставники? Это не те люди, которые сами себя выпячивают, а те, о которых другие говорят хорошо.

С. Северинцев.

— Наставник! Это звание не присваивается автоматически. Его надо завоевать конкретными делами.

В. Сидоров.

— Наставником должен быть обязательно заслуженный человек, пользующийся авторитетом. Наставником может быть только тот, кто не жалеет ни времени, ни души своей для воспитания молодого поколения.

В. Кирьян.

Прекрасно это — встретиться с людьми, которым есть что сказать друг другу. Что же сегодня свело вместе наших гостей — колхозного бригадира, немолодого уже человека, Героя Социалистического Труда Семена Онуфриевича Гончарко и ленинградца с «Электросилы» рабочего парня Владимира Целуева, криворожского шахтера Владимира Никитича Довгаля и московскую ткачиху Героя Социалистического Труда, члена ЦК КПСС Марию Сергеевну Иванникову, Героя Социалистического Труда макеевского сталевара Василия Семеновича Кирьяна и ленинградца Героя Социалистического Труда Степана Степановича Витченко, человека, умудренного годами и опытом, бывшего полковника, бывшего бригадира слесарей-сборщиков «Электросилы»! Казахстанского шахтера Героя Социалистического Труда Алексея Алексеевича Кубайчука и строителя Москвы Анатолия Михеевича Суровцева, тбилисского токаря члена ЦК КП Грузии Трифона Вахтанговича Ростиашвили и заведующего отделом профтехобразования ЦК ВЛКСМ В. Сидорова! Что общего между ними! Что общего между заливщиком Минского моторного завода Сергеем Константиновичем Северинцевым и ленинградцем, мастером межзаводского учебно-производственного центра Диодором Васильевичем Кайданом или сибирским нефтяником-буровиком Героем Социалистического Труда Анатолием Дмитриевичем Шакшиным и эстонским поваром Энделем Куллангом!

Их роднит одно желание, одна забота — выпестовать молодое поколение, подготовить хорошую смену. К ним с полным основанием могут быть отнесены слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВА, сказанные им на XVII СЪЕЗДЕ ВЛКСМ: «НАСТАВНИКИ — ЭТО КАДРОВЫЕ РАБОЧИЕ, ОБЛАДАЮЩИЕ ВЫСОКИМ МАСТЕРСТВОМ, БОГАТЫМ ЖИЗНЕННЫМ ОПЫТОМ, И, Я БЫ СКАЗАЛ, ТАЛАНТЛИВЫЕ ПЕДАГОГИ. ОНИ ПО ДОБРОЙ ВОЛЕ, ПО ПРИЗВАНИЮ ДУШИ УЧАТ МОЛОДЕЖЬ ТРУДОЛЮБИЮ, МАСТЕРСТВУ, ВОСПИТЫВАЮТ ЕЕ НА ГЕРОИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ НАШЕГО СЛАВНОГО РАБОЧЕГО КЛАССА». Занимаясь каждый своим — хлеборобским, строительным, сталеварским, нефтяным, поварским, токарным или шахтерским — делом, они — педагоги по призванию, добровольные наставники молодежи — сходятся все на том, что воспитание современных молодых рабочих — это во многом дело самих рабочих, но тех, кто выше мастерством, кто богаче опытом, кто имеет к этому вкус. Вопрос только в том, как лучше этим заняться, что принять на вооружение из огромной копилки опыта и что отбросить как отжившее в нынешних условиях, какие препятствия одолеть и что перенять у товарища по призванию. Вопрос сложный, как сложна сама жизнь. Рецептов готовых не придумаешь.

Из двух с лишним миллионов наставников, работающих в стране, тринадцать сели за «круглый стол» «Огонька» и повели разговор. Каждый говорил о том, что его тревожит, что у него наболело. Мы не даем полностью все выступления с множеством вопросов, возникавших и у гостей «Огонька» и у журналистов,— мы стремились выразить суть, главное. Итак, слово наставникам.

НАСТ

ВЛАДИМИР НИКИТИЧ ДОВГАЛЬ говорит, что в работе с молодыми людьми они избрали совершенно сознательно единственный путь, с которым поначалу многие не соглашались. Этот путь можно назвать одним словом —

Доверие

— Больше всего меня волнует вопрос: что такое наставничество и что за человек — наставник? Ведь проще всего сказать, что наставник — это воспитатель, который помогает молодому человеку овладеть мастерством и стать на ноги в житейском смысле слова. Таким делом занимались всегда: у мастера был подмастерье, у учителя — ученик. Но ведь не называли же этих людей наставниками. Значит, наставничестао — качественно новое движение, которое могло возникнуть только в наше время.

Мне кажется, наставник — это прежде всего... геолог. Да-да, геолог! У каждого человека есть своя золотоносная жила, о которой он порой даже не подозревает. Я горняк, работаю под землей и знаю, как много надо перелопатить пустой породы, пока доберешься до этой жилы, или, как мы говорим, до рудного тела. Помочь человеку найти себя, свое дело, свое место в жизни — вот высшее призвание наставника! Я мог бы привести немало примеров, когда мы годами возились с парнем, стараясь сделать из него горняка, и в конце концов сдавались. А через год-другой узнавали, что он стал хорошим шофером, портным или слесарем.

К нам приходят довольно взрослые парни, в основном выпускники горнопромышленных училищ. Им уже лет по двадцать. И вот я решил как можно чаще ходить в эти училища. Рассказываю о горняцком труде, не скрываю трудностей, но не жалею красок и в описании романтики нашей профессии. Само собой, вожу их в шахту. От этого сильные становятся еще сильнее, убежденные — еще убежденнее, а тот, кто пошел в горняки по ошибке, меняет профессию, пока не поздно. Еще не было случая, чтобы парень, прошедший эту своеобразную школу, причинял нам какие-то хлопоты. Когда человек занимается любимым делом, ему не до прогулов, пьянок и дебошей. В этом я убежден!

Но эту школу проходят далеко не все. Встречаются и так называемые трудновоспитуемые. Подходит ко мне как-то начальник участка и говорит: «Слушай, Владимир Никитич, возьми к себе Саньку Н. Все от него отказались, прямо хоть увольняй. Дерзит, никого не слушает, работать не хочет. А ты мужик крепкий, в случае чего спуску не дашь. Жалко все-таки парня, собьется с пути». Ладно, говорю, давайте вашего Саньку... Приходит на следующий день заросший по уши крепыш, в ботинках без шнурков, в шапке-ушанке с одним ухом, с нахальными глазами, и с ходу заявляет, что он выпускник горнопромышленного училища и потому на побегушках не будет. Ишь, думаю, гусь какой гонорливый, и твердо говорю, что делать придется то, что прикажу, потому как в бригаде распоряжаюсь я и слушать себя заставлю. А он, между прочим так, бросил: «Я пять лет борьбой занимаюсь. Грамот и дипломов у меня столько, что я в них колбасу заворачиваю». Ого, думаю, с характером! Ладно, говорю, поехали в шахту, а там посмотрим...

Проходит месяц, второй, а Санька наш какой-то скучный: работать-то работает, но без настроения. Пригласил его домой. За обедом разговорились. Выяснилось, что за два года на руднике Саньке ни разу не давали никакой ответственной работы, использовали по принципу подними да брось. А в училище, между прочим, был одним из лучших. Сначала он ждал, терпел, сменил несколько бригад, а потом его заело, и начал делать все назло. Резануло меня это признание прямо по сердцу! Что за черствые и равнодушные люди, ведь губят толкового парня! Да и я хорош... Ладно, говорю, будешь работать со мной в паре. Загорелся парень, засветился весь...

Раньше не было случая, чтобы Санька вовремя явился на работу — хоть немного, но опоздает. А на следующий день примчался

первым... Ребятам я строго-настрого приказал забыть всякие шуточки и подначки, словом, оставить Саньку в покое. Сам я первые дни работал не в полную силу — надо было дать Саньке втянуться в мой ритм. Потом помаленьку начал увеличивать обороты. Санька — тоже. И пошло! Заработки, само собой, тоже пошли. А тут бригаду фотографируют на доску почета, потом — статья в газете. И на фотографиях никто не заслоняет Саньку: стоит он среди всех — полноправный член знаменитой бригады.

Так Александр Н. стал одним из лучших рабочих бригады и сам помогает молодым. Стал душой общества. И неплохого общества: о нашей бригаде фильм создан...

По-моему, доверие — основа основ наставничества. Причем доверие взаимное. От того, насколько доверяет тебе воспитанник, насколько видит в тебе друга — старшего, умудренного опытом, но именно друга, зависит все. Без доверия не может быть никакого душевного контакта и все наши беседы и благие намерения обречены на провал.

венным нормам жизни рабочего человека.

Бригада, в которой я тринадцать лет работал наставником, необычная. Необычность ее в том, что она исключительно молодежная, и еще в том, что сюда приводили ребят, которых из подворотен вытаскивали. Таких, во всяком случае, половина. Как к ним подступиться, с чего начать? Ведь и к станкам страшно было подпускать. Провел я их по заводу, рассказал, что к чему, показал новейшие генераторы и те детали к ним, которые мы должны делать, объяснил, что если мы плохо сработаем, то труд всего завода пойдет насмарку. Смотрю, задумались. Значит, дошло до ребят, поняли, что игры закончились и начинается серьезная трудовая жизнь, причем от их отношения к делу будет зависеть, станет ли работать, скажем, Красноярская ГЭС. Пробудить чувство ответственности — это была моя главная задача. Те три года, которые ребята проводили в бригаде, давали им очень много — в армию они уходили самостоятельными, надежными парнями, которым можно доверить

ученику Володе Целуеву. Он здесь присутствует и тоже скажет свое слово.

■

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ЦЕЛУЕВ говорит, что какую бы деятельность по воспитанию подростка ни проводить в цехе, в бригаде, словом, на производстве, но если у подростка есть родители, надо обязательно их знать и, следовательно,

Держать связь с родителями

— Иногда родители учат своего сына или дочь не тому, что надобно. Пришла к нам в бригаду девушка. Сначала была ученицей, потом постепенно стала повышать свой разряд, заработок соответственно увеличивался. Ей повезло, она попала в хорошую, дружную бригаду, занялась общественной работой. Словом, живет интерес-

хе, поговорили о том, как ему жить и с кем дружить. Но этого, конечно, мало — разговоры да уговоры. Оказалось, что наш друг любит рисовать и у него даже есть свои работы. Решили показать их в цехе, чтобы все посмотрели и узнали об этом его таланте. Пока ведет себя хорошо, но, в общем, сложный молодой человек, очень сложный.

Работа ребят в бригаде складывается по-разному. Одни начинают с простейших операций. Месяца через два осваивают их и сами просят дело посложнее. Но нельзя им сразу доверять сложное дело: раз не получится, два не получится, а потом молодой рабочий «сломается», потеряет всякий интерес к работе. Никакие беседы и проработки не помогут — такой уж у него психологический тип. Но есть и другие: сцепив зубы, бьются над деталью, пока не сделают ее без сучка и задоринки. Такого человека надо сразу ставить на ответственную операцию. Так вот: очень важно с самого начала почувствовать этих ребят, не перепутать их психологический тип, иначе будешь

АВНИКИ

■

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ ВИТЧЕНКО вспомнил, как раньше, в двадцатые годы, в стране нашей был избыток рабочей силы, ряды рабочего класса пополнялись в основном за счет взрослых людей, а ныне основной источник пополнения — подростки, и, следовательно, главное

Внимание — подросткам

— Конечно, и взрослые люди, впервые появляющиеся на производстве, нуждаются в поддержке со стороны опытных, но эта помощь носит характер шефства, с тем чтобы человек получил профессию. Наставничество же расширяет понятие шефства и идет дальше, глубже. Что такое пятнадцати-семнадцатилетний подросток? Это народ особенный. Уже не дети, но еще и не взрослые. Это годы отрочества, когда человек уже на пути к зрелости. У одних этот процесс идет более или менее гладко, у других не без преодоления ухабов, не без срывов. Иной раз парень не осознает, что он совершает проступок или даже преступление. Ему все еще кажется, что он просто шалит. И вот именно в эти годы многое зависит от того, кто протянет руку молодому человеку и сможет ли он привить ему настоящий вкус к труду, к нравст-

любое дело. После армии в бригаду никого не брали, такое у нас было правило. Ты, мол, человек взрослый, стал на ноги — и счастливого тебе плавания. На завод — милости просим, но помни, из какой ты вышел бригады, и будь добр, не подводи. И никто не подвел. За тринадцать лет моей работы в бригаде эту школу прошли свыше ста пятидесяти подростков, и за каждого из них я готов поручиться — все они стали рабочими в высшем смысле этого слова.

«ОГОНЕК». Мы знаем, что вы полковник в отставке, много лет служили в погранвойсках, воевали, имеете немало боевых наград. Помогает ли вам старая профессия в работе с подростками? К тому же вы привыкли к армейской дисциплине, а тут надо десятки раз говорить одно и то же какому-нибудь разболтанному мальчишке.

С. С. ВИТЧЕНКО. Дело в том, что я был политработником. Моя служба заключалась в постоянной, терпеливой и кропотливой работе с людьми. Причем в самой разной обстановке — в мирной и боевой, в походе и на привале. Надо ли говорить, как многому это научило.

К нам, в Ленинград, из разных городов приезжали люди знакомиться с опытом нашей наставнической работы. Она интересует сейчас многих. Проблема молодежи — сложная проблема. И хорошо, что мы советуемся, спорим, ищем, создаем систему рабочей педагогики. Сам я уже отошел от руководства бригадой и передал бразды правления своему

но. Но родителям это почему-то не понравилось. Они на нашем же заводе работают, уже двадцать лет, и взяла их обида: как же так, дочь обгоняет по всем статьям. Пошли нарекания дома, у девушки портится настроение, опускаются руки. Досадно, не правда ли? Пришлось проводить довольно деликатную воспитательную работу с родителями: не сердитесь, мол, на дочь, радуйтесь ее успехам.

Или другой случай. Рос паренек без отца. Трудно это. Но иная мать всю тяжесть воспитания возьмет на себя и вырастит хорошего человека. Здесь же получилось все сложнее. Взять хотя бы бытовые условия, в которых живет этот молодой рабочий. Мы заглянули к нему домой. Конечно, не обязательно жить шикарно, но обязательно, чтобы в доме было чисто, уютно. У них этого нет. Значит, в бригаде у него одно (мы требуем от всех аккуратности и порядка), а дома другое. Мы учим одному, а мать — другому. Вроде бы она его наставляет, чтоб он хорошо работал, а другими своими высказываниями да и поведением перечеркивает это. Паренек стал чуждаться дома, все больше времени проводил на улице. А это, как известно, ни к чему хорошему не приводит: однажды за нарушение общественного порядка чуть было не передали на него дело в народный суд. Но мы все же решили побороться за этого парня, устроили товарищеский суд в це-

биться как рыба об лед, а толку никакого.

«ОГОНЕК». Но как сделать выбор? Чтобы определить психологический тип человека, надо ведь иметь специальную подготовку.

В. Г. ЦЕЛУЕВ. Вы правы, дело это не простое. Я считаю, что наставнику нужна серьезная теоретическая подготовка. Жизненный опыт, конечно, необходим, его ничем не заменишь, но знания в области педагогики и психологии не помешают. Для этого и существует учеба наставников. В Ленинградском Дворце труда, например, регулярно собираются наставники различных районов города и слушают лекции лучших специалистов из пединститута и университета. Польза от этого огромная.

■

АНАТОЛИЙ МИХЕЕВИЧ СУРОВЦЕВ думает, что очень важно работать с людьми ежедневно, ежечасно. Если приостановить, запустить эту работу, хоть на маленький срок ослабить дисциплину, потом приходится наверстывать долго и мучительно. Поэтому главное в работе наставника —

Дисциплина

— Говоря о дисциплине, я отнюдь не имею в виду окрик. Беседу с людьми, как бы они ни провинились, обязательно надо вести в спокойных тонах, не срываться даже тогда, когда человек совершил большой проступок. Мой на-

ставник и бригадир Геннадий Владимирович Масленников, передавший мне эстафету, учил именно этому и, между прочим, брал в бригаду самых трудновоспитуемых. Традиция сохранилась и сейчас. Из нашего коллектива вышло уже двадцать пять человек, которые работают на всех стройках Москвы и в разных должностях, так как многие из них окончили техникумы или институты. Что же касается самой бригады, то нам в прошлом году доверили строить шестнадцатиэтажные дома новой серии, и наши ребята сократили сроки строительства и монтажа в три раза. Это можно сделать только в коллективе, где есть дисциплина. Но я хочу не о домах, не о производственных успехах сказать, а о людях.

Как-то взял я на себя заботу о шестнадцатилетнем пареньке из, казалось бы, хорошей, культурной семьи. Парень был разболтанный, на грани хулиганства. Взял я его в бригаду монтажником-верхолазом. Сколько мучений принял с ним — трудно описать! Ушел он служить в армию, танкистом. Закончил службу и вдруг появляется в дверях моей квартиры. Прямо с поезда, с чемоданом. А сам живет тоже в Москве, но домой сразу не пошел, а ко мне, к своему наставнику. Прожил у меня четыре дня, сыну моему подарил шлем танкиста, все рассказывал о службе в армии. А потом уж пошел домой. Вернулся в бригаду на свое место. Но через полтора года говорит: «Анатолий Михеич! Все время чувствую твою опеку, твою помощь и вот думаю: а смогу ли жить самостоятельно? Надо испытать. Как думаешь?» Я согласился, хоть и тяжело было расстаться. Сейчас он работает на БАМе, в Тынде.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА ИВАННИКОВА говорит о том, что ее беспокоят сельские девушки, которые приезжают в город на производство и тоже становятся городскими. Здесь много сложностей, острых ситуаций, и поэтому надо

Больше заботиться о сельских девчатах

— Наш коллектив пополняется молодыми работницами, в основном из ПТУ. И в основном из Подмосковья. Конечно, они не такие бойкие, как наши москвички. Может быть, условия жизни у них другие, чем у нас, в Москве. Мы, наставники, стараемся их быстро обучить профессии, чтобы они могли обслуживать больше станков. Появляется материальный стимул, а с ним и интерес к труду, к профессии. Молодежь у нас неплохая. Там, где трудности, всегда идем на помощь. Но, к сожалению, есть еще и такая вещь, как улица, как соблазны большого столичного города. А девушки наши, недавно пришедшие из деревни, все видят, все впитывают — и хорошее и плохое, и случается, что кое-кто сворачивает с правильного пути. И это очень волнует нас, наставников. Мне кажется, настала пора широким фронтом и в первую очередь силами комсомола начать суровую и бескомпромиссную борьбу с пагубным влиянием улицы на молодежь. До каких пор мы будем мириться с «клубами» молодежи в подворотнях? Был случай, когда скромная, милая девушка из тихого подмосковного городка, приехав в столицу, вскоре попала на скамью подсудимых. Что привело ее на эту скамью? Связалась с дурной компанией, обосновавшейся на одной из московских улиц, в подворотне большого дома.

Недостаточно продуманно занимаемся решением проблемы свободного времени парней и девушек. А это очень острая проблема.

Я уже тридцать восемь лет на своем родном предприятии и порой просто диву даюсь, как выросли мои подружки. Вы думаете, с нами не возились и мастерицами мы стали сами по себе?! Еще как возились! Значит, теперь наш черед делать все возможное и невозможное, чтобы нынешние девчонки могли достойно продолжить наше дело.

ТРИФОН ВАХТАНГОВИЧ РОСТИАШВИЛИ рассказал о Тбилисском авиационном заводе имени Димитрова, где очень пестрый национальный состав. Здесь работают представители 38 национальностей. И наставнику надо

Учитывать национальность ученика

— Я родился на берегу реки Арагви, в маленьком горном селе. Половина моей жизни прошла там. Потом служба в армии, на берегу Волги. Приезжаю в часть — ни слова не могу сказать по-русски. Таскал за собой земляков, чтобы переводили. Так обидно было: написал домой, попросил быстрее прислать словарь. Полгода учил русские слова. Днем и ночью. Теперь свободно владею русским. И когда пришел на завод, моим учителем был русский рабочий — токарь Николай Тимофеевич Дубов. Он и сейчас работает у нас, и если мне дают сложную деталь, то хотя и знаю, что справлюсь с нею, все же иду посоветоваться к Дубову. Такая привычка. А вскоре и у меня появились свои ученики, двадцать пять токарей прошли мою школу. Среди них такой, как Омар Рехвиашвили, токарь пятого разряда, кавалер ордена Трудового Красного Знамени.

Время же идет вперед, на завод приходят новые подростки, и сейчас за мной как за опытным наставником закрепили троих — армянина, азербайджанца и грузина. Отличные ребята, всех троих я очень люблю. Мы разговариваем и на грузинском и на русском языках. Нет тут у нас проблем. На заводе четыреста наставников, и, когда совет наставников закрепляет за кем-нибудь из них ученика или обсуждает ход дела, он непременно учитывает языковые сложности, которые могут в какой-то степени помешать контактам. Сбрасывать это со счета никак нельзя.

ДИОДОР ВАСИЛЬЕВИЧ КАЙДАН полагает, что межзаводской учебно-производственный центр имеет свою специфику: сюда поступают подростки, не желающие ни трудиться, ни учиться и вообще имеющие расплывчатое представление о своем месте в жизни. Наставникам здесь приходится буквально

Пахать целину

— Мы готовим из этих ребят токарей, а они хотят быть космонавтами и больше никем. Вот и вколачиваешь в эти несмышленые головы простейшие вещи: «Прежде всего, друг, придется учиться»... У нас выработалась определенная система работы с этими парнями — оцениваем своих подопечных по десяти показателям. Какие это показатели? Прежде всего интерес к труду, к тому, как раскрылись способности. Исполнительность, самостоятельность, трудолюбие. Казалось бы, это сходные показатели, но каждый из них позволяет увидеть особую грань характера формирующейся личности. Далее: аккуратность содержания станка, инструмента, честность, работа над собой. Наконец, соблюдение порядка на производстве, дома, в общественных местах. Ежемесячно персонально с каждым разбираем его показатели. Конечно, оценки наши весьма условны, но они дают повод для разговора с ребятами. Стараемся почаще проводить индивидуальные беседы и вызывать ребят на равный спор по принципу «докажи свою правоту». Ведь именно в споре, как это ни странно, возникает контакт. Беседуем на самые разные темы. Говорим о товариществе и коллективизме, о вреде водки и ранней половой жизни. Разговор идет откровенный, острый. И мне кажется, что в какой-то мере нам удается возбудить у молодого человека стремление занять правильную жизненную позицию. Конечно, не всегда и не во всем мы достигаем успеха. Но как хорошо бывает на душе, когда видишь, что вот этот ершистый паренек — «что хочу, то делаю, вы мне не указ» — стал хорошим рабочим, любящим свою профессию, понимающим, что такое рабочий человек, каковы его жизненные принципы, каковы нормы его поведения и в цеху и дома. От этого испытываешь огромное удовлетворение: вот плоды терпеливой нашей педагогики, систему которой мы еще сами только-только прощупываем.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КУБАЙЧУК считает, что в современном обществе тот человек может принести пользу своей деятельностью, кто учится и непрерывно обогащается новыми знаниями. Он с самых первых лет наставничества взял в бригаде такой курс:

Учеба, учеба и учеба

— В 1963 году я организовал на шахте первую комсомольско-молодежную бригаду. Она состояла в то время из шестнадцати человек, все выпускники нашего горнопромышленного училища. Начал я присматриваться к ребятам. Вот Вася Кушнарчук — мягкий, душевный человек, но в трудных ситуациях решителен и энергичен. Ребята негласно признают в нем вожака. Ага, думаю, это же готовый звеньевой! А вот Иван Игнатьев излишне резок, не прощает никаких слабостей ни себе, ни людям. Володя Ходосевич и Вася Боцманов — из породы «вольных казаков». Василия эти «вольности» довели до того, что пришлось с ним распрощаться. Правда, долго без бригады он не смог: вернулся, каялся, обещал исправиться. Мы ему поверили и не пожалели об этом. Я верил в своих ребят и не ошибся: за какой-то год мы в пять раз увеличили скорость проходки. Когда же получили проходческий ком-

● Анатолий Дмитриевич Шакшин — Герой Социалистического Труда, буровой мастер из Нижневартовска. ● Заместитель шеф-повара в таллинском ресторане «Виру» Эндель Кулланг. ● Владимир Никитич Довгаль — депутат Верховного Совета УССР, бригадир бурильщиков шахты «Центральная» из Кривого Рога. ● Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Мария Сергеевна Иванникова и ее подшефная Алевтина Воронцова работают на Московской хлопчатобумажной фабрике имени М. В. Фрунзе. ● Герой Социалистического Труда Алексей Алексеевич Кубайчук (в центре) возглавляет бригаду проходчиков на шахте «Майкудукская». ● Заливщик Минского моторного завода Сергей Константинович Северинцев и его ученик Николай Шкатуло. ● Ленинградский машиностроительный завод. Диодор Васильевич Кайдан, мастер учебно-производственного центра, со своими питомцами.





байн, бывший «вольный казак» Володя Ходосевич стал его первым машинистом.

В ту пору задумались мы, как нам не только молодостью и свойственным ей энтузиазмом отличаться, а чем-то, как бы это точнее сказать, более прочным, долговечным. И пришли к выводу, что нам надо учиться. Знания — это капитал на всю жизнь. Но из шестнадцати человек тогда лишь трое или четверо были способны на такое дело — и работать и учиться. Шахтерская профессия нелегкая. Работа трехсменная, бригада комплексная. И для того, чтобы учиться в вечерней школе, в техникуме или в институте, приходилось создавать для ребят соответствующие условия. Но мы поставили перед собой цель и очень упорно к ней шли. И вот теперь можно сказать, что ценой больших усилий не все, конечно, но многие наши товарищи закончили техникумы и институты. Некоторые ушли из нашего коллектива на другую, более сложную работу, но все равно не оторвались от него окончательно. И, я верю, никогда не оторвутся, потому что здесь прошла испытания первая, самая горячая их любовь и дружба.

Сейчас в бригаде уже сорок человек, много новичков, а традиция учиться осталась. Товарищи все так же ходят в техникумы, сдают зачеты в институте. Потом, конечно, кто-то покинет бригаду. И это нисколько не обидно, если широко посмотреть на смысл жизни и смысл наставничества.



АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ШАКШИН задумывается, почему же порой кое-кто оказывается таким разболтанным, ничего не умеющим, почему его надо сразу же перевоспитывать, и не пора ли поразмыслить:

А что делают родители, школа, комсомол?

— Ребята еще не пожили как следует на свете, а уже являются к нам на буровую не с лучшими задатками. Мне кажется, есть тут вина и семьи и школы. Когда я учился, у нас из трех учителей двое были мужчины, и они держали нас, мальчишек, в строгости. Сейчас я тоже бываю в школах, но уже как отец. И вот на что обратил внимание: среди учителей ни одного мужчины не увидишь. С другой стороны — родители. Они считают: пусть школа воспитывает! Мне приходилось проверять таких «трудных детей». Интересуюсь, где работает папа или мама. Оказывается, в... ГОРОНО!.. Или мальчик отвечает: «Мой папа в управлении работает». А сам даже не встанет, когда с ним взрослый разговаривает.

Комсомолу надо больше заниматься с подростками. Помню, у нас была секретарем комитета комсомола Люда Чистова. Мы, парни, видели в ней настоящего руководителя, уважали ее, потому что она вместе с нами работала, не жалея своих сил. А сейчас у нас освобожденный комсомольский секретарь. Ему бы встать пораньше, поехать вместе с нами за семьдесят километров на буровую. Но нет. На производстве он почти не появляется. Сидит в своем кабинете и ждет, когда я, буровой мастер, принесу ему информацию о работе комсомольцев. Это барство, с которым нельзя мириться. Тем более, что речь идет о вожаке молодежи. И все это, думается мне, имеет прямое отношение к наставничеству. Ведь без помощи парткома, комитета комсомола наставник многого не добьется. Я это остро почувствовал, когда в шестьдесят четвертом в Башкирии перешел в отстающую бригаду. Вы только представьте: двадцать разболтанных, распущенных парней, не любящих и не умеющих работать! К тому же они привыкли, что все на них махнули рукой, что если на какую буровую не завезут вовремя трубы или продукты, то это непременно будет именно их буровая, что даже парикмахерская не для них, что кинопередвижка объезжает их стороной, единственное развлечение — сходить в деревню за вином да глушить толом рыбу. И вот с помощью парткома, с помощью комсомольцев занялся я организацией быта. Потом потихоньку стал показывать передовые методы проходки. Честно говоря, я не был в восторге от всей этой организационно-педагогической работы. Я буровой мастер, мое дело — метры давать, а тут возись с прогульщиками и лодырями. Но постепенно я входил во вкус и медленно, но верно мы выбирались в середняки. А потом уже и в передовые. И звание Героя Социалистического Труда я получил за то, чего добился в Башкирии. Как я понимаю, учитывались не только метры проходки, но и работа с людьми, работа наставника.

И еще. Очень важно, чтобы люди чувствовали возможность роста. Я уже говорил, что моя нынешняя бригада наполовину обновилась. Это потому, что ребята ушли на повышение.

«ОГОНЕК». А не жалко отпускать? Ведь сколько в этих парней вложено сил, ума и энергии! Только-только бригада стала хорошо сыгранной «командой», в которой каждый знает свой маневр, и вдруг на тебе — уходит в другую бригаду, а порой еще и в ту, с которой соревнуешься.

А. Д. Шакшин. Бригада — хорошо сыгранная команда? Так, конечно, можно сказать. Но раз уж вы используете спортивную терминологию, я так же и отвечу. Был бы у нас Третьяк в хоккее или Блохин в футболе, если бы их держали в хорошо сыгранной команде дублеров? Ни за что. Если перед парнем каждый день ставить все новые и новые задачи и он будет их решать, то рано или поздно настанет момент, когда ему понадобится самостоятельность. При всем уважении к наставникам он должен с ними расстаться и идти своим путем. Пусть испытает себя в большом и трудном деле.

ЭНДЕЛЬ КУЛЛАНГ объясняет, что, поскольку движение наставничества в такой сфере, как общественное питание, еще очень молодо, он с большим вниманием слушает своих коллег-наставников. Однако позволит себе рассказать им о том, какие у них, в ресторане «Виру» города Таллина, сделаны

Первые шаги

— Наш ресторан «Виру» так же, как и отель, большой. Сразу может принять тысячу гостей. Работает на кухне ресторана большой коллектив. Это в основном выпускники техникума и училища. Они обучаются там несколько лет и ходят к нам на практические занятия. Но это мы не называем наставничеством, поскольку прививаем им только профессиональные навыки. А вот если приходит к нам молодой человек работать поваром, то мы уже беремся за него как за кадрового рабочего: не только продолжаем учить, но и воспитываем, вникаем в человеческие качества новичка.

Сейчас на нашем предприятии двенадцать наставников и двадцать один подопечный. За мной закреплены две молодые поварихи — Тийна Аверкина и Наталья Баранова. Девочки хорошие, скромные, но по молодости своей они еще не ведают, что такое настоящая ответственность. Вот я и воспитываю их в этом направлении. Мы, наставники из «Виру», скрепляем свои отношения с учениками двусторонними соглашениями. Этим у нас занимается местный комитет профсоюза. Кроме того, у нас собирается совет наставников, где мы обсуждаем свои проблемы. Их много, однако у нас нет проблемы перевоспитания, потому что к нам приходят в основном хорошо воспитанные девушки и ребята. Но воспитываться человек должен, по-моему, всю жизнь, даже если он сам уже стал наставником.

В. СИДОРОВ говорит о том, что Центральный комитет комсомола в последние годы много занимался наставничеством. Как всякое массовое движение, находящееся, по существу, в начальной стадии, оно имеет и свои

Просчеты

— Не спешим ли мы иногда возводить человека в ранг наставника? Бывает так: мастер производственного обучения дает хорошие показатели, и его объявляют наставником. Неправильно это! Зачем торопиться? У нас есть Положение о наставниках, принятое ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Надо сначала внимательно присмотреться к человеку, претендующему на звание наставника, есть ли у него данные для этого, включая педагогические способности, а потом уже дипломировать. Вот Володя Целуев сказал, что наставник — это учитель жизни. Но учебник жизни написать нельзя. Это не наука, а искусство, талант. Другое дело, что искусство и талант можно и нужно развивать и шлифовать.

Некоторые наставники требуют соответствующих книг и учебных пособий. Мы в Ленинграде проверили, как читаются книги наших талантливых педагогов Макаренко и Сухомлинского. Оказывается, многие наставники их не читали! И еще один вопрос, который меня беспокоит. ПТУ становятся преобладающей формой обучения рабочей молодежи. Человек кончает ПТУ, приходит на производство, и здесь у него появляется наставник. А ему уже 17 лет, он уже как-то сформирован. Почему же влияние рабочего-учителя, наставника начинается так поздно? Почему не закреплять наставников за теми учащимися ПТУ, которые позже попадут в этот коллектив, на этот участок? Так можно заинтересовать и юношу и того наставника, который уже будет знать, кто станет его подопечным в цехе. И не только знать, но и формировать парня на первых порах.

● Герой Социалистического Труда, бригадир колхоза имени XX съезда КПСС, Кировоградской области, Семен Онуфриевич Гончарко беседует с колхозной молодежью. ● Трифон Вахтангович Ростиашвили — токарь Тбилисского авиационного завода имени Димитрова и его ученик Малхаз Харадзе. ● На ступенях Смольного Герой Социалистического Труда, бывший наставник молодых электросиловцев Степан Степанович Витченко и его преемник Владимир Целуев со своей бригадой. ● Макеевский металлургический завод. Герой Социалистического Труда, сталевар-наставник Василий Семенович Кирьян и машинист заливочного крана Иван Линкин обсуждают рационализаторское предложение.

Фото Н. Ананьева, Н. Козловского, Б. Покровского, Г. Розова, В. Сальмре, И. Тункеля, Э. Эттингера.

СЕРГЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ СЕВЕРИНЦЕВ считает, что человеку, который захочет стать наставником, возможно, и тяжело придется сначала, потому что ему надо все время следить за собой, заставлять себя делать то, что, может быть, и не очень хочется делать, помнить о том, что у одного сейчас горе, а с другим надо разучить новую песню. И, пожалуй, главная черта характера наставника —

Душевная щедрость

— Мы делаем моторы со Знаком качества. И люди у нас должны быть с этим самым Знаком: хорошие люди. И многое тут зависит от того, какой пример в жизни покажешь подопечному. «Делай, как я» — это не только в авиации. Это и в жизни.

Я в свое время много занимался спортом да и сейчас время от времени играю в футбол за сборную завода. Самые озорные и так называемые трудные ребята постоянно трутся около меня: я понимаю, что интересую их не как хороший заливщик, а как нападающий. Что ж, пусть так, главное, чтоб они были рядом, а остальное, как говорится, дело техники.

Возьмем, скажем, Сергея Н. Лодырь был первостатейный, но о хавбеках и форвардах поговорить любил. На этом я его, как говорится, и подловил. «Хочешь, научу крученой подаче?» Он аж засиял. Начал ходить со мной на стадион, за ним увязались другие: так и организовалась цеховая команда. А к соревнованиям мы допускаем только тех, кто хорошо работает, не имеет замечаний в быту и т. п. Пришлось ребятам подтягиваться. Так с помощью спорта я и вывел их в люди.

Или другой случай. Есть у нас парень — Коля Л. Работник был, мягко скажем, не из лучших. А как малость выпьет, начинает петь. Да так здорово, что все просят исполнить свою любимую. Я, грешным делом, тоже пою, правда, на трезвую голову и в заводском хоре. Привел его как-то на репетицию, руководитель послушал и ахнул — это же готовый запевала! И у него появилось желание петь в хоре. А в хор брали не только тех, кто славен голосом, но и трудолюбив. Теперь Николай работает так, что дай бог каждому.

За нашим «круглым столом» многие говорили о душевной щедрости наставника. Я тоже так считаю: человек, не обладающий этим качеством, не имеет права заниматься с молодежью. Я, например, как только замечу, что парень, так сказать, не в себе, обязательно подожду его у проходной, провожу домой, по дороге поговорю по душам, и если смогу, то обязательно помогу советом или делом.

Девиз наставника: без остатка отдавай себя ученикам — не обеднеешь! А он повторит тебя в своих учениках.

СЕМЕН ОНУФРИЕВИЧ ГОНЧАРКО человек уже немолодой, но пока не покидает своего поста. Профессия хлебороба требует долгого накопления опыта, и если уж приобретаешь его где-то на склоне лет, надо

Передавать свой опыт молодым

— Я прекрасно помню своего первого учителя и наставника, хотя на трактор сел сорок лет назад. Иван Павлович Вербовой был для меня не только идеалом тракториста, я буквально во всем хотел походить на него. Я знал, что Иван Павлович был участником революции, воевал в гражданскую, боролся с кулаками, организовывал первые колхозы... Мог ли я хоть в чем-то ослушаться такого человека?! Много лет спустя, уходя на пенсию, Иван Павлович рекомендовал на свое место меня. Это было такой наградой, что отрабатываю ее до сих пор.

А рассказываю это вот почему: меня очень волнует проблема личности наставника. Что греха таить, наверное, каждый из присутствующих может привести примеры, когда наставников назначали поспешно, не разобравшись толком, что это за человек. Не пьет, хорошо работает, примерный семьянин — чем не наставник? А ведь этого мало, очень мало. Вспомните, что говорил товарищ Л. И. Брежнев на XVII съезде ВЛКСМ. О доброй воле он говорил, о призвании души, о таланте педагога, о богатом жизненном опыте...

Ну какой жизненный опыт у двадцатипятилетнего парня? Его самого еще учить да учить. А между тем есть немало случаев, когда таких ребят назначают наставниками. Не согласен я с этим, решительно не согласен!

Землю надо знать и любить, а это приходит с годами, этому надо молодым учиться у старших.

Помню, как растерянно бродил вокруг своего поля Борис Тригуб — толковый, старательный тракторист, но уж больно шустрый. Пришел он к нам после профтехучилища, молодой, горячий, ни себя, ни трактор не жалеет. Приглядываюсь — споро работает хлопец, но пашет, как говорится, мелко. Конечно же, можно было вмешаться, устроить взбучку. Но я промолчал. Решил так: пусть сама земля научит, это будет урок на всю жизнь. Не могу сказать, что через год Борис стал классным специалистом. Повозиться с ним пришлось, и немало, но парень был на верном пути. Это ведь только на первый взгляд работа тракториста простая, а на самом деле тут столько тонкостей, что иной раз жизни мало, чтоб все познать. Одно дело — научить ездить на тракторе или комбайне — это сделают и в ПТУ,— и совсем другое — воспитать настоящего мастера. Тут уж без наставника никак не обойтись!

У каждого старого мастера есть мечта: найти такого ученика, который бы повторил тебя и пошел дальше. Хлеборобов я воспитал немало, и хлеборобов хороших, но Борис Тригуб — один, он мастер.

«Воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться...» Запали в душу эти слова, и все тут. Мне уже за шестьдесят, и я очень счастлив, что жизнь прожил не зря: вспахал много полей и оставил учеников, которые продолжат мое дело.



ВАСИЛИЙ СЕМЕНОВИЧ КИРЬЯН уверен: подобно тому, как сталеварское дело никогда до конца, до тонкости не поймешь, не раскусишь, пока не получишь навыка, не выработаешь нюх, чутье, так и

Наставничество и шаблон несовместимы

— Сначала было так: в бригаде одна молодежь, работает с огоньком. Но случались и нарушения, в основном из-за озорства. Бывало, что человек провинился и ему грозило увольнение с завода. Я всегда брал на себя миссию защитника. Говорил: если мы сейчас не уделим ему внимания, не поможем, уйдет на улицу, и будет в городе одним хулиганом больше. Чаще ко мне прислушивались и отдавали провинившегося под мою опеку. И тут мы действовали своими методами. Так я вошел в доверие к молодежи. А это очень важно.

Когда приходят на работу новенькие, я к ним: «Как будем повышать свои знания?» Это насчет учебы. Некоторые сразу соглашаются, но однажды случилось, что несколько новеньких наотрез отказались учиться. Тогда я им говорю: «Ну ладно, раз такое дело, пойдем вместе в техникум сдавать экзамены». Сказал и испугался: трудно мне, все же за сорок. А с другой стороны, что же я все агитирую, а сам не учусь? Пошли вместе. Теперь на четвертый курс перешли.

Часто приходится вмешиваться в семейные дела подопечных. Вот такой случай. Я был на третьем курсе, первый семестр. Паренька исключают за неуспеваемость. Я обратился к руководству техникума с просьбой не исключать. Говорю: «Слово даю, исправится». Бригаду нашу знают, поверили. Настало время писать курсовую работу, парень приходит и говорит: «Всю ночь занимался!» А потом появляется его супруга и жалуется, что он всю ночь где-то пил. Говорю ей: «Иди, тебя никто не видел». А сам собрал ребят в узком кругу, и начинаем беседу с парнем. Да так спокойно, к совести взываем. Пробрало все же. И экзамен сдал, и в семье порядок.

Иногда приходится прибегать к помощи парткома или комитета комсомола. А в другой раз, наоборот, просим их не вмешиваться, чтобы мы смогли сами разобраться и принять меры. И получается... Человек начинает чувствовать себя в долгу перед коллективом, исправляется.

Закончился разговор за «круглым столом». Выступавшие не просто рассказывали, они и горячо спорили друг с другом, остро ставили вопросы. Что же такое наставник! Кто это — бригадир, помощник мастера! Что это — какая-то административная должность или общественная работа! Почему бригадира Иванова, скажем, называют наставником, а бригадира Петрова — просто бригадиром! И кого они воспитывают — только так называемых трудных или любого, кто придет в бригаду! Кто и по какому принципу определяет, кого из новичков послать в бригаду наставника! Что главное в его работе — помочь парню овладеть профессией или помочь найти правильную жизненную позицию! Или и то и другое — в комплексе! Таких вопросов много, их больше, чем мы здесь назвали, они вызывают раздумья и у наставников и у их подопечных. И к этим раздумьям мы призываем читателей.

...Наставник! Это очень емкая, многогранная тема. И вас, читатели, тех, кого она волнует, мы приглашаем продолжить разговор, поделиться вашими мыслями. Страницами, которые вы сейчас прочли, тема не исчерпана. Василий Семенович Кирьян, рассказывая об одном совещании по наставничеству, сказал: «Мы два дня беседовали и хотели выработать единую программу, но ничего не выработали, потому что здесь не шаблон нужен, а чутье, умение и самое главное — желание». Вот об этом чутье, умении и желании, о готовности наставлять молодежь на путь истинный и достойный нашего замечательного времени просим вас написать нам.

Беседу за «круглым столом» «Огонька» записали: И. Месхи, Б. Сопельняк, Н. Храброва, А. Щербаков.

МЫ ДРУЗЬЯ С ТОБОЮ

ИЗ ВЕНГЕРСКОЙ ТЕТРАДИ

Максим ГЕТТУЕВ



ПЛОЩАДЬ ГАГАРИНА

Все как будто ясно, да куда там!
Не пойму,
Ты молод или стар,
Город с именем замысловатым,
Белый город —
Секешфёхервар?
Все как будто ясно —
Я же знаю:
Прошлое — не только тлен и прах.
Древних римлян,
Путь свой начиная,
Видел ты на этих площадях.
Соблюдая строй,
В молчаньи строгом,
Словно из конца в конец земли,
По тяжелым каменным дорогам
Легионы римские текли.
И поныне на дорогах этих,
Удивляя и волнуя взгляд,
Память о промчавшихся столетьях
Мшистые развалины хранят.
Как непрост —
То светлый, то ненастный —
Переменчивый удел земной!
Короли отсюда самовластно —
Было время —
Правили страной.
Годы, годы,
Взором потревожь их,
И былое оживет вдали.
Имена помазанников божьих
В биографию твою вошли.
И, в анналы вписанный недаром,
Ты уводишь в прошлое опять.
И выходит,
Что могу я старым,
Секешфёхервар,
Тебя назвать.
Да и как иначе?
Словно воды,
Безвозвратно катятся года...
Только молоды твои заводы,
Слава трудовая молода.
Четкою законченностью линий
Радуют огромные цеха.
И течет горячий алюминий
Плавно,
Как мелодия стиха.
И сверкает небо голубое,
И легко,
У мира на виду
Я, сердечно встреченный тобою,
Площадью Гагарина иду.
Породнившись с космонавтом,
Словно
Символом исполненной мечты,
Благодарно, радостно, любовно
Именем его гордишься ты.
На земле живет он,
Не старея,
И, судьбой бессмертьем наделен,
Молодостью вечною своею
Щедро делится с тобою он.
Я иду, поднявшись на рассвете,
Улица нарядна и пряма.
И, смеясь, бегут навстречу дети,
И лучатся новые дома.
И забыть об этом я не вправе,—
Смотришь ты вперед,
А не назад.
Потому,
Душою не лукавя,
Молодым назвать тебя я рад.

ВИНОГРАДАРЬ

Мы друзья с тобою —
Надо ль
Лишний раз твердить о том?
Вижу,
Старый виноградарь,
Для меня открыт твой дом.
Наши страны не чужие,
И одни пути у нас.
Я пришел к тебе впервые,
Но приду еще не раз.
Сторона твоя привольна,
Новый день встает,
Звеня.
Широко и хлебосольно
Принимаешь ты меня.
Принимаешь,
Как соседа,
С кем знаком уже давно.
Льется добрая беседа,
Льется доброе вино.
Нам порой бывало туго,
Все случалось —
Знаешь сам.
Есть о чем сказать друг другу,
Есть чего припомнить нам.
Рюмок поднято немало,
Все быстрей часы летят.
Солнце вроде только встало,
А горит уже закат.
Вдаль ведет меня дорога,
Как натянутая нить.
Но от этого порога
Не спешу я уходить.
Долго жмем друг другу руки,
Так, чтоб их тепло сберечь.
И для нас слова разлуки —
Обещанье новых встреч.
О тебе теперь повсюду
Помнить буду,
Старина,
Как вовеки не забуду
Вкус токайского вина.

ЦЕПНОЙ МОСТ

Согласитесь,
Какой
Удивительный вид!
Мост цепной над рекой
Величаво висит.
На него то и знай
С восхищеньем немым
Смотрит синий Дунай,
Протекая под ним.
Смотрят тысячи звезд,
Смотрят тысячи глаз.
Не устал этот мост
Привораживать нас.
Я такого не знал —
Постигаю едва,
Как тяжелый металл
Превратить в кружева.
Как прервать немоту
Окантовки витой
На высоком мосту,
Что повис над водой.
Легок он и покат,
И узоры — что вязь.
Люди долго стоят,
За ограду держась.
Путь хотя и открыт,
Зорок будь до поры!
Здесь машина летит,
Словно лыжник с горы.
Замечаете вы —
Мост как будто крылат,
И железные львы
Строго мост сторожат.
И дожди
И пурга —
Было все на веку.
Но, связав берега,
Он украсил реку.
Сквозь сумятицу дня
По цепному мосту
К людям,
Ждущим меня,
Я спокойно иду.
Даль зовет,
Голуба,
Кружева под рукой.
Но не рвется тропа
Над широкой рекой.
Тем поклон поясной
Кто ее сотворил,
Протянул над волной
Вдоль чугунных перил!
Скромной песней своей —
Пусть слова в ней просты —
Славлю добрых людей,
Возводящих мосты.
Тех, что в поте лица,
Встав над яростью рек,
Берега и сердца
Породнили навек.
Труд их крут и суров,
Сложно их ремесло.
Но без тех мастеров
Было б жить тяжело.

АЛЬФЕЛЬД

Альфельд, Альфельд!
Вкус полынный,
Смутный запах чабреца.
Неоглядная равнина —
Нет ей края и конца.
Дым зеленый над землею,
Под ногами россыпь рос.
Здесь причудливо былое
С днем сегодняшним сплелось.
Степь копытами примята,
И повсюду мне видны
От зари и до заката
Мчащиеся табуны.
Древний замок в лунном свете
Возникает в стороне,
И минувшие столетья
Возвращаются ко мне.
Альфельд —
Щедрая равнина,
Буйный цвет,
Пыланье дня.
Для чего мне здесь машина —
Дайте лучше мне коня!
Чтоб горяч он был,
Как пламя,
И послушен седоку,
Чтоб лететь за табунами
По степному большаку.
И с табунщиком усталым
Разговор вести в седле,
Как с почтенным аксакалом
На родной моей земле.
И, сбивая с трав росинки,
В поздний час,
В конце пути,
По извилистой тропинке
К замку, спешившись, прийти.
К старым липам,
Что веками
Возвышались над рекой,
И обветренные камни
Тронуть ласково рукой...

В МУЗЕЕ ФАРФОРА

Такое сотрется не скоро
Из памяти:
Солнечным днем
Один по музею фарфора
Бродил я,
Забыв обо всем.
Бродил по нему молчаливо,
Глядел с изумленьем вокруг.
Воистину
Дивное диво —
Дела человеческих рук!
И нежные нити узора
И роспись кувшинов и ваз —
Все дорого было для взора,
Ласкало и тешило глаз.
Все было похоже на чудо,
Слепило,
Как льющийся свет.
Но в сердце запал почему-то
Неброский скульптурный портрет.
На нем,
Затерявшемся в зале,
Узнал я веселых бойцов,
Которых смешит на привале
Бывалый солдат-острослов.
Смешит их в далекой сторонке
Наш Теркин,
А здешний фарфор
Тот смех,
Белозубый и звонкий,
Хранит для людей до сих пор.
И было, не скрою, приятно,
Что подвиг нельзя зачеркнуть,
Что он не забылся,
Наш ратный,
Наш ставший легендою путь.
Сгорают багряные зори,
И день улетает за днем.
А Теркин живет на фарфоре,
И годы ему нипочем.

Перевел с балкарского
Яков СЕРПИН.

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ДЖУЛИ ОТРЕ

ГЛАВА 7

Нет смысла да и ни к чему подробно рассказывать, как мне удалось уговорить Билли одолжить Джули тромбон и как Джули отказался от этого, по его словам, «дурацкого» инструмента: он, мол, хуже, чем старый аккордеон Питерса. Ну, и пришлось мне отнести эту старую медяшку обратно и попросить какой-нибудь другой инструмент. Билли послал меня к черту. Что он о себе воображает, этот псих из библейского квартала? Я не умел ни ему объяснить, что такое Джули, ни Джули — что такое он, Билли, и потому сказал Джули: не желаю больше за него отдуваться. Пускай сам разговаривает с этим Билли.

— Ладно,— пожал плечами Джули.

В четверг после школы Джули сунул свое банджо в сумку, и мы отправились на лесной склад, где работал Билли.

— Вот и он,— сказал я Билли.— Это он и есть.

Билли с недавнего времени носил толстые темные очки, как у модного в те дни киноактера Гарольда Ллойда. Думаю, Билли надеялся очками скрыть нервный тик. Лицо его дергалось, словно подчиняясь какому-то внутреннему ритму. И он все время моргал, и так же беспокойно подергивались большие пальцы рук.

— Ну что, нахаленок? — обратился он к Джули.— Чего тебе надо?

Джули не ответил. Просто стоял и молчал.

— У него банджо,— сказал я Билли.

— Ладно, у него банджо. У нас у самих есть банджист,— сказал Билли.— А чем тебе не угодил тромбон, который я послал?

Я думал, Джули уже начинает жалеть о своей затее, но он вытащил из сумки банджо и сел на сложенные бревна.

— Только не здесь,— запротестовал Билли.

Джули даже не взглянул на него, просто заиграл на своем длинношеем банджо, точно на пятиструнном клавесине. Я уже несколько месяцев не слышал, как он играет, сейчас он исполнял какие-то очень сложные вариации чарльстона и полдесятка других подхваченных им мелодий. То был неистовый, но четкий — на три четверти или на шесть восьмых — синкопированный ритм, и уж, конечно, Билли никогда ничего подобного не слыхал. Да и я тоже, потому что заурядные джазовые мелодии Джули разработал в классическом контрапункте, и они совершенно преобразились — нечто в этом роде я услыхал двадцать лет спустя, когда музыканты классической школы снизошли до джаза и стали с ним экспериментировать.

Остановился Джули так же внезапно, как начал, и отложил банджо, словно оно ему больше ни к чему.

— Вот это да! — произнес Билли.— Черт возьми, где ты выучился такой бешеной игре? Где, а?

— Какие-нибудь другие инструменты у вас есть? — спросил Джули, и сейчас, когда Билли пытался поговорить с ним, пропасть, отделявшая его от всего остального мира, бросалась в глаза как никогда.

— Ты — банджист,— сказал Билли.— Как это у тебя получается, не понимаю. Сумасшествие какое-то, но до чего здорово, в жизни такого не слыхал! Черт возьми! Где ты так выучился?

— А других инструментов у вас нет? — твердил свое Джули.

— Да на что тебе другие, ты ж настоящий банджист! — возмутился Билли. Потом, видно, что-то вспомнил и спросил потише:— А что, по вашей вере на банджо играть не полагается?

Напрасно он это сказал: Джули молча поднялся и пошел было прочь.

— Погоди! — в отчаянии крикнул Билли.— Я дам тебе другой инструмент. Но ты хоть скажи, на что он тебе?

— Играть,— ответил Джули.

— Ну ясно, а ты что, хочешь играть в нашем джазе? Это, что ли, у тебя на уме?

Как будто самое простое объяснение, но, зная Джули, я понимал: едва ли дело в этом. Уж слишком это было бы нелепо. Мне по-прежнему казалось, что Джули просто хочет испробовать другие инструменты, только и всего.

— Ладно, буду с вами играть,— сказал Джули, словно то была плата, за которую Билли соглашался одолжить инструменты.

— Ну нет, не надо. Я вовсе не говорил, что хочу, чтоб ты с нами играл. На банджо ты играть умеешь, но...

— Нет,— сказал Джули.— Мне нужны другие инструменты.

Джули совсем не умел объяснять, чего хочет, не умел спорить, и поняв, что на том все и кончится, я вмешался.

— Дай ему какой хочешь инструмент, он на любом сыграет,— сказал я Билли.

— А банджо ему чем плохо? — не соглашался Билли.

Джули опять собрался уходить, но душа завзятого джазиста не могла такое вынести.

— Ладно, ладно,— сказал Билли.— У меня есть запасная ля-бемольная труба, а у Джека Синглтона застрял мой старый кларнет, могу тебе одолжить.

— В них надо дуть? — с сомнением спросил Джули.

Билли не понял, чем тот недоволен, и, нервно подергивая большими пальцами рук, пояснил:

— Конечно, в них надо дуть. А ты как думал?

— А других инструментов, чтоб не дуть, у вас нет?

— Ты что ж, никогда не играл ни на каком духовом инструменте?

— Не беспокойся,— поспешно сказал я Билли.— Ты только дай ему кларнет и трубу, вот увидишь, недели через три он вовсю будет играть.

— Ну и ну, кажется, я тебе верю,— сказал Билли, снял очки и покрутил ими в воздухе, словно хотел сохранить неизменно звучащий у него в душе ритм. Потом велел Джули прийти завтра до восьми утра к нему домой, и он даст ему оба инструмента.— Только ты с ними так не обращайся,— сказал он и показал на сумку, из которой торчало банджо.

Джули не привык прислушиваться к выговорам, он просто повернулся и пошел прочь, я — за ним, а Билли остался один со своими ритмами, озадаченный и недоумевающий.

На том они и расстались и, насколько я знаю, с тех пор три недели не виделись, а потом Джули вечером после школы зазвал меня к себе и сказал:

— Я хочу, чтоб ты кое-что спросил у Билли.

— Ну нет! — вскинулся я.— На этот раз спрашивай сам. Мне некогда.

Мне сейчас было не до него: на носу экзамены.

— А мне от него ничего не надо,— сказал Джули.— Я только хочу кое-что спросить про трубу.

— А что такое? — поинтересовался я.

— У меня звук не получается,— объяснил он.— В субботу вечером я ходил слушать городской оркестр, смотрел, как Джим Бизли играет на трубе. А сам дую, дую — и ничего не выходит.

Он показал, как он это делает, я рассмеялся.

— А что ж ты сам не спросишь Билли? Он бы тебе показал, как с ней обращаться.

— Он отберет у меня трубу, а она мне еще нужна.

И, как всегда в таких случаях, властно распорядился, чтоб я все-таки сходил к Билли.

— Ладно уж, ладно. Но это в последний раз, Джули. Самый последний.

Джули пожал плечами, что было равносильно доброму слову, и в понедельник после обеда я отправился на лесной склад и спросил Билли, как полагается дуть в трубу.

— Три условия,— сказал Билли.— Первым делом надо набрать полные легкие воздуха, а потом, надувая щеки, изменять силу звука и наконец так сложить губы, чтоб они были вроде клапана. Вроде мундштука.

Я пересказал это Джули, но он явно ничего не понял. Он никогда не мог взять в толк никакие технические объяснения, и неделю спустя Билли сказал мне, что как-то утром, уходя на работу, нашел у себя на пороге трубу, которую он давал Джули.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35—37.

Так кончилась история с трубой, и я был разочарован, ведь я не сомневался, что Джули и с этим инструментом справится без труда. Но еще оставался кларнет — от него Джули, видно, пока не отказался.

В любое другое время я бы непременно пошел поглядел, чем там занимается Джули, но до экзаменов оставались считанные дни, надо было готовиться вовсю. Я давным-давно не заходил к Джули и про кларнет даже не вспоминал. По правде сказать, если уж говорить о Джули, мне куда интересней было, что происходит в школе между ним и Бетт. Раза три-четыре в неделю Бетт оставалась теперь после уроков и натаскивала Джули по истории, английскому, французскому и по математике, в которой он все схватывал на лету.

Глядя на это, мы все только радовались: нас больше не мучили угрызения совести, хоть мы и не могли бы объяснить, с чего нам чувствовать себя в ответе за Джули. И однако мы знали: Бетт старается понапрасну. Она и сама явно это понимала, и, похоже, они не бросали этих занятий только оттого, что не могли ни дня провести врозь. К тому времени дружба их была уже вполне откровенна и очевидна, ее признали все мы и даже наши учителя — чудо, единственное в своем роде, хотя и вполне естественное. Кто же мог заподозрить в чем-то дурном нашу примерную Бетт? Кто стал бы подозревать в нечистых помыслах нашего благочестивого Джули? Не замечалось никаких признаков юношеской страсти: ни попыток украдкой коснуться друг друга, ни обмена лукавыми взглядами. Нас незачем было убеждать в чистоте их отношений, мы и так это знали. А присматривался я к ним потому, что любопытно было, что будет дальше и надолго ли все это. По правде сказать, я ждал: уж, наверно, миссис Кристо не утерпит и вмешается.

И я не удивился, услыхав, что однажды, в пятницу, после обеда, когда мясная лавка была уже закрыта, миссис Кристо зашла к мистеру Морни.

Кое-что я узнал об этом посещении во время суда над Джули, когда мой отец коротко допрашивал мистера Морни. Но куда больше мне стало известно от Бетт. Ничего особенного она мне не рассказала, лишь в немногих словах описала, как было дело, и все же на меня тотчас дохнуло запахом мускуса, неотделимым от этого пышного экзотического тела, облаченного в черный шелковистый миткаль: миссис Кристо подошла к заднему крыльцу мясной лавки, оттуда лестница вела в комнаты, где жила Бетт с отцом.

— Что-нибудь случилось? — спросил мистер Морни, увидев миссис Кристо.

Она прижимала туго свернутый платочек то к груди, то к плечу.

— Нет-нет. Ничего не случилось, мистер Морни,— задыхаясь, промолвила миссис Кристо.— Я насчет наших детей... вашей и моего...

— Входите,— сказал мистер Морни, уже не сомневаясь, что с кем-то из детей, а то и с обоими, что-то стряслось.

О мистере Морни в нашем городе никто не сказал бы худого слова, но все же он был человек преуспевающий, вдовец, завидная партия, а миссис Кристо — сама любовь, щедрость и благоухание, так что с его стороны было большой смелостью пригласить ее войти, не побоявшись скандала. Она вошла, села и тут же похвалила и его славный дом и славную дочку. Весь город знает, какая она славная девочка.

— Я так рада, — по обыкновению глубоко вздыхая, сказала миссис Кристо,— так рада, что у Джули такая славная подружка.

— Бетт говорила мне, что помогает ему заниматься,— отозвался мистер Морни.

— Мне тоже об этом говорили,— прошептала миссис Кристо.— Об этом-то я и хотела с вами поговорить.

— Вот как? А в чем дело, миссис Кристо? Вы этого не одобряете?

— Ну что вы! Я так довольна. Но не лучше ли, чтоб Бетт приходила к нам? Или Джули к вам? Может быть, так будет легче уберечь их от дурных влияний?

— От каких таких дурных влияний?

— Ну, право, не знаю,— смешалась миссис Кристо. (И когда Бетт передавала мне их беседу, я так и слышал резкий неотвязный голос доктора Хоумза.) — Но в наше время надо быть очень осторожными. Стоит только выйти за ворота. И ведь сколько для них искушений, мистер Морни. Разве угадаешь, где их подстерегает какой-нибудь ужасный соблазн?

— Если они хорошие дети, миссис Кристо, можно за них не беспокоиться,— сказал он.— Бетт хорошая девочка, и, я уверен, Джули хороший сын.

— Грех повсюду,— возразила миссис Кристо, прижав пухлую руку к покрытой золотистым загаром груди.— К нему ведет много дорог, мистер Морни, и детей наших всегда может увлечь что-нибудь ужасное.

— Что ужасное?

— Сама не знаю. Просто что-нибудь ужасное. Так уж вы, пожалуйста, помогите мне. Если б вы разрешили Джули иногда приходить к вам сюда, чтоб он видел, как славно вы живете. А ваша дочка может приходить к нам, когда захочет.

— Я всегда буду рад видеть у нас Джули, миссис Кристо. Можете не сомневаться.

— Ох, я знала, вы меня поймете,— сказала миссис Кристо.— Вы добрый человек, мистер Морни. Это все знают. И я так рада, что у Джули теперь есть добрая подружка.

И тут, словно вдруг испугавшись, что ее может в этом доме застать Джули, она заторопилась уходить.

— Может, выпьете чашечку чаю? — предложил мистер Морни.

— Нет, нет. Мне пора...

В дверях мистер Морни пообещал сделать для Джули все, что сможет.

— Присылайте его по утрам в субботу — пожалуй, у меня найдется для него какая-нибудь работенка,— сказал он.— Понятно, если он хочет немного заработать.

Миссис Кристо затрепетала на дорожке, точно засмущавшаяся девушка.

— Ну, как же,— сказала она.— Я непременно его пришлю. Только, пожалуйста, не говорите Джули, что я у вас была. Будет так славно, гораздо лучше, если его позовет ваша Бетт, как, по-вашему?

— Как вам угодно,— ответил мистер Морни, хотя понимал: завтра же о том, что она приходила к нему, будет знать полгорода, а стало быть, рано или поздно узнает и Джули.

И в самом деле, кто-то видел, как она входила в дом мясника, вероятно, Парсонс, смотритель лужайки для игры в шары, что находилась напротив мясной лавки Морни. Мистер Парсонс был всем известный забавник, подстрекатель и сплетник, и, скорей всего, он-то и обратил все в злую шутку.

Несколько дней спустя на крыльце почты я столкнулся с Бетт, и она спросила меня, что такое с Джули.

— Он со мной не разговаривает. Даже не глядит на меня. Что случилось, Кит? — жалобно спросила она.

— Почем я знаю, Бетт? Он ничего мне не говорил.

— Но уж, наверно, что-то случилось. Он чем-то очень расстроен.

Я знал, чем он расстроен: весь город уже знал, что миссис Кристо приходила к мистеру Морни. Но объяснять, как это должно было подействовать на Джули, я не стал, не хотел впутываться.

— Ты знаешь, что его мать была у твоего отца? — осторожно спросил я.

— Конечно. Отец мне говорил.

— А зачем она приходила? Не знаешь?

Тогда Бетт и говорит:

— Она спрашивала отца, можно ли Джули иногда приходить к нам в гости. И нельзя ли мне приходить туда. Вот и все.

— Куда туда? К ним домой?

— Да...

— А ты Джули рассказала?

— Нет. Миссис Кристо просила отца не рассказывать,— ответила Бетт, и ясно было: она просто не в силах понять поведение Джули, так что я не выдержал и сказал, в чем, по-моему, дело.

— Джули, видно, узнал про это. А значит, она ему все испортила.

— Что испортила?

Как мог я объяснить ей ту странную жизнь, что шла в его доме, как мог передать то, что понял, долго и пристально к ней присматриваясь? Мог ли поделиться с Бетт своей теорией «добродетель против насилия»? Или рассказать, как ожесточенно Джули противился «силам небесным»?

— Он не любит, когда мать вмешивается,— только и сказал я.

— Но от меня-то он почему отворачивается, Кит?

— Потому что... потому что...— Я все не мог решиться.— Черт возьми, Бетт! Это уже давно и очень сложно, и ты тут ни при чем. Уж очень все запутано у него с матерью.

— Ничего не понимаю,— сказала она.

— Потерпи немного,— посоветовал я.— Он это переварит.

— Ты правда так думаешь?— грустно спросила Бетт.

— Конечно.

И, пользуясь случаем, я задал Бетт вопрос, который хотел задать давным-давно:

— Скажи-ка, Бетт...

— Да?

— О чем вы разговариваете с Джули, когда вы одни?

Как и следовало ожидать, она покраснела. Но подумала и, тоже как и следовало ожидать, ответила честно:

— Понимаешь, Кит, когда ты с Джули, дело не в том, о чем вы говорите. Просто ты с ним. Вот и все.

— Да, верно,—согласился я.

В конце концов все мы чувствовали то же самое. Мы все радовались, когда Джули с нами, и ничего другого от него и не требовалось — только чтоб он был тут же. Однако это был не полный ответ, Джули с Бетт явно соединяло что-то еще. Сперва я так и хотел ей сказать, но сразу же решил уйти от греха: как бы не стали про нас с ней сплетничать. В ту пору я был влюблен в дочку почтмейстера и побоялся, что востроглазые кумушки станут хитро перешептываться, рассуждать насчет секса и все испортят.

ШЕННЫЙ

ГЛАВА 8

Вероятно, только я один понимал, как напряжены, насыщены были отношения Джули с матерью. В своей борьбе с боговдохновением он безжалостно пресекал все тайные попытки матери обрести союзницу в Бетт. Он отгородился от них обеих.



Для Бетт это был тяжкий удар. Но когда половина экзаменов осталась позади, мы с Джули снова стали видеться гораздо чаще: меня он не считал участником вражеских козней. И мы вернулись к нашей поленнице — немалое облегчение после Черной калькуттской ямы и прочей зубрежки, а когда я пришел туда во второй раз, Джули принес сразу банджо и кларнет, значит, мысли его были заняты отнюдь не только Бетт или матерью.

Старый кларнет Билли был в тоне «до», и два отверстия были расколоты, с таким плохоньким инструментом не очень-то многого достигнешь. Но на этот раз у Джули была хотя бы вся хроматическая гамма. Больше того, кларнет обладал поразительными возможностями для транспонировки, так что теперь у Джули было два инструмента с весьма широким звуковым диапазоном и он мог бы вволю исследовать мир музыки. Но в тот день ему позарез нужно было проверить кое-что из его тайной алгебры, так нужно, что он даже решил прибегнуть к моей помощи.

— Положи пальцы вот сюда, сюда и сюда, потом ущипни вот эту струну, а потом все струны вместе,— сказал он.

Я хотел положить банджо на колени, но он не позволил. Потребовал, чтобы я положил его на землю, и сам стоял над ним наклонясь.

— Да ведь это неправильно,— сказал я.

— Нет, правильно,— с досадой возразил он.— Делай, как я говорю.

Я попробовал, но и сложная музыка и странный способ исполнения оказались мне не под силу. Наверно, я еще и не принимал все это всерьез, для меня это была просто забава. Подумаешь, сидим на поленнице в пыльном дворе. Но Джули упрямо пытался услышать что-то, ведомое ему одному, и беспомощность моя его злила.

— Не так, не так! — кричал он.— Ты не понимаешь...

Он начертил на песке струны банджо, на струнах — ноты (квадратики и треугольники), потом начертил еще один ряд струн и еще ноты и стал тыкать в них пальцем, показывать, что мне делать.

— Да разве это музыка, разве ноты так пишут? — сказал я.— Навыдумывал невесть что.

— А мне нужно именно это,— возразил он.

Этого я не мог. И не только потому, что задача была слишком сложная: в банджо и вообще в струнных инструментах я так же не разбирался, как Джули в общепринятом нотном письме.

Но одновременно с моими неуклюжими попытками исполнить то, чего он от меня хотел, он играл на кларнете — и вот это было поразительно. Он полностью овладел кларнетом, по крайней мере знал все, что можно из него выжать. Он вовсе не стремился к совершенному исполнению, но даже не понимая, чтó это за музыка, я изумился — такая она была прихотливая и сложная. Джули чужда была какая-либо лирика и чувствительность. Он по-прежнему возводил из звуков пирамиды, складывал целые глыбы — вероятно, такой он придумал способ инструментовки. На беду, того, что он строил согласно своей музыкальной алгебре, он не мог услышать. И чем ясней ему становилось, что я обманул его ожидания, тем больше он выходил из себя, и под конец мы уже обвиняли друг друга в тупости, невежестве и неуклюжести.

— Ну неужели ты не можешь пошевелить пальцами? — кричал Джули.— Я сам неуклюжий, не лучше Джекки Смита, но это и я могу. Вот, смотри!

И он показал на банджо, чего от меня хочет. Но поздно. Понимай я тогда больше, я был бы терпеливей, и Джули открыл бы мне больше своей музыки. Но попытка его слишком быстро разбилась о наше взаимное непонимание, и он махнул на все рукой, вдруг задрал кларнет кверху, совсем как Билли, и яростно заиграл джазовые ритмы, которые от него слышал, да так, словно всю жизнь только этим и занимался, хотя и они звучали у Джули как-то отвлеченно.

— Только это тебе и понятно,— свирепо бросил он, словно я был для него олицетворением всесветного джаза.

— Это по крайней мере что-то знакомое,— сказал я.

— А что толку? — закричал он.

Но я утихомирил его, спросив, слышал ли Билли, как он играет на кларнете.

— Нет. Но ты поди к нему и спроси, можно ли мне еще подержать кларнет у себя.

— Спрашивай сам.

— Ну почему ты всегда так говоришь? Тебе ж нетрудно его спросить.

— А тебе трудно? Не век же мне быть у тебя на посылках! Да и чего ты беспокоишься? Кларнет-то у тебя, верно?

— А потом явится полицейский Питерс и скажет, я его украл.

— Билли не натравит на тебя Питерса, сам знаешь.

— Откуда мне знать?

Спорить с Джули было бесполезно, и я еще раз согласился поговорить с Билли.

— Но только если ты кое-что мне объяснишь,— сказал я.

— Что еще?

— Почему ты поссорился с Бетт Морни?

— Я не ссорился,— ответил он.

— Тогда почему ты с ней больше не разговариваешь?

Джули встал с колоды.

— Я не обязан с ней разговаривать,— сказал он.

— Да что она тебе такого сделала?

— Нечего было ее отцу вмешиваться!

— А как это он вмешался?

— Он хочет, чтоб по субботам я работал у него в лавке.

— Ну и что? Он же будет тебе платить.

— Он хочет, чтоб она приходила сюда.

— Кто? Бетт? — Я прикинулся, будто ничего знать не знаю, но Джули не проведешь.

— Чего ради они вмешиваются? — с горечью сказал он.— Какое им до нас дело?

В ту пору характер у Джули становился еще трудней, никак не угадаешь,чего от него ждать, и, продолжай я расспрашивать про Бетт, он, чего доброго, и со мной перестал бы разговаривать.

— Ну, все-таки,— начал я,— все-таки...— и прикусил язык. И опять ничего не прояснилось — с Джули всегда так бывало. Но я не удержался и закинул другую удочку:— Знаешь, если Билли услышит, как ты играешь на кларнете, он в лепешку расшибется, а уговорит тебя выступать с «Веселыми парнями».

— Я не против,— невозмутимо ответил Джули.

— Ты правда стал бы играть с «Веселыми парнями»?

— Да...

— Джаз?..

— Что угодно. Не все ли равно?

Я не верил своим ушам.

— А что скажут твоя мать и доктор Хоумз? — спросил я.

Зря спросил.

— При чем они тут? — сухо сказал Джули.— Чего ты их приплел?

Встал и пошел прочь. Я — за ним, но он вошел в кухню и захлопнул дверь у меня перед носом. Я постоял минуту-другую, повернулся и пошел к калитке. Почти тотчас кухонная дверь снова хлопнула, и у меня за спиной послышались торопливые шаги. Я знал, чьи это шаги, и мгновение спустя уже тонул в нежном объятии, в душном аромате.

— Кит,— сказала миссис Кристо,— куда ты?..

— Меня дома ждут к чаю, миссис Кристо.

— Вы с Джули что, поссорились? Я видела вас из кухни.

— Нет-нет.

— Бедняжка Джули, ему последнее время не больно-то весело,— прошептала она.— Но ты на него не обижайся. Через денек-другой он придет в себя.

— Он и сейчас ничего, миссис Кристо,— сказал я и попятился к воротам, я чувствовал: чего-то ей от меня надо.

— Он про Бетт Морни говорил с тобой?

— Нет...— Я все пятился.

— В воскресенье она придет к нам пить чай,— сказала миссис Кристо.— Может, ты тоже придешь, а, Кит?

— Наверно, не смогу, миссис Кристо. Мне надо помогать отцу.

— Понимаю, Кит. Но, может, ты разок отпросишься? Пожалуйста, Кит...

— Постараюсь,— сказал я и выскользнул за калитку.

Я бежал, и мне еще слышались в ее тихом дыхании все сладостные искушения жизни. Бежал и удивлялся: как это выносит Джули?

В то воскресенье я к нему не пошел и после всегда жалел об этом. Но кое-что мне рассказала Бетт, которая пришла туда в четыре часа, одетая, как и положено по воскресеньям: простое темно-синее платье с белым воротничком, белая сумочка, белые туфли. Один писатель сказал про свою героиню, что глаза ее говорили каждому встречному мужчине: мне известны все тайны жизни, и я готова ими поделиться. А я помню Бетт в этом синем платье, и в отличие от этой героини глаза Бетт говорили, что нет у нее никаких тайн. Ей не только самой нечего было скрывать, но при виде ее почему-то становилось ясно: ей вовсе и незачем знать ничего такого, что следует скрывать. Она жила, словно осененная незримым крылом, но в тот день, когда она пришла туда в своем синем платьице и белых туфельках, Джули дома не оказалось.

— Неужели ты надеялась, что он будет тебя ждать? — спросил я, выслушав ее рассказ.

— Сама не знаю, Кит. Но очень жаль, что его не было, я совсем не знала, что сказать миссис Кристо и ее жильцам.

Когда кто-нибудь из семнадцати-восемнадцатилетних ребят нашего городка хотел на время скрыться из глаз, он шел к реке и переплывал на остров или забирался в заросли кустарника. Тут уж никто не найдет. Но Джули не тянуло ни к реке, ни в заросли, и в тот день он пошел на кладбище, оно у нас было за ипподромом. В сущности, не так уж это и странно: по воскресеньям кладбище наше (наш Делос) исправно посещали родственники, друзья, целые семьи и на поросших травой могилах приносили дары умершим. Даже наши огородники-китайцы ставили чаши с рисом на потрескавшиеся могильные камни своих сородичей. Один из ребят семейства Рэйвенов увидел Джули и спросил, какого черта он тут околачивается.

— Ищу Скребка,— ответил Джули.

Известно было, что Скребок поедает рис, который китайцы оставляют на могилах, но в тот день Скребка там не было. Потом кто-то видел Джули у школы: он бродил по опустевшему двору, и теперь за ним по пятам следовал Скребок. А часов в пять он сидел на ограде возле католической церкви и, казалось, кого-то ждал.

— Что ты тут делаешь, Джули, скажи на милость? — окликнул его торговец мануфактурой Уилсон. (Он проезжал мимо в своей машине.) — Тут же владения Сатаны.

Джули словно не слышал.

Мистера Уилсона хлебом не корми, дай кого-нибудь поддеть.

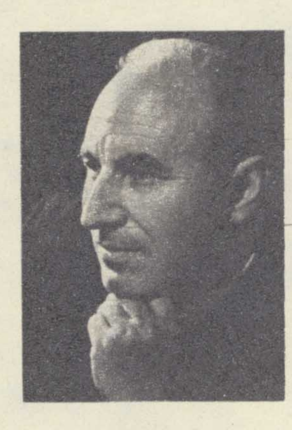
— Если этот ваш Хоумз проведает, что ты здесь был, тебе здорово достанется! — крикнул он.— Придется ему еще раз окунать тебя в реку...

Джули и не поглядел на него. А суть в том, что он слушал, как в церкви идет служба и монахини (они преподавали в городской католической школе) поют литании — выговор у них самый что ни на есть австралийский, но такого пения в нашем городке нигде больше не услышишь. Порой голубоглазая сестра Мария Игнейтиус начинала играть на маленьком органе, и казалось, то не на инструменте играют, а кто-то смеется, прижав к губам большую стеклянную свирель. Другой церковной музыки наш город не знал, а сюда, если сидеть на ограде и внимательно прислушиваться, она доносилась вполне явственно.

Перевела с английского
Р. ОБЛОНСКАЯ.

Продолжение следует.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. О. ШОГЕНЦУКОВА



ВЕРНЫЙ ПУТЬ

Удивительно свежа, по-комсомольски молода и энергична муза народного поэта Кабардино-Балкарии, руководителя республиканской писательской организации Адама Огурлиевича Шогенцукова, прожившего трудную и вместе с тем яркую и счастливую жизнь. Он родился и вырос в глухом горном селе. Рассказы и песни односельчан о былых подвигах маленького горского народа, о его борьбе за независимость были тем толчком, который разбудил в Шогенцукове поэтический дар. И вот в 1940 году выходит первый сборник стихов молодого кабардино-балкарского поэта — «Цветем». Однако, как признавался сам Шогенцуков, тогда еще «твердости не обрела рука, глаза не отыскали цели». Как и у многих советских поэтов и писателей той поры, его муза закалилась в Великой Отечественной войне.

Нелегкая стезя досталась мне —
В огне, в дыму, в чаду, под скрежет стали
Я шел, не дрогнув сердцем.
На войне
Мы правду от неправды защищали.
Того, кто в жизни выбрал
верный путь,
Ни бедствиям, ни горю не согнуть.

После войны поэт активно работает в литературе. Один за другим появляются сборники стихов — «Песни сердца», «Дороги дружбы», «Восхождение», «Предгрозье», «Тебе, мой друг»...

С суровых военных лет стала звучать в поэзии Шогенцукова тема интернационального братства народов, которой поэт верен и по сей день. В стихах и поэмах Шогенцукова эта тема прекрасно сочетается с национальными традициями. Читатель услышит в стихах поэта фольклорные мотивы, увидит в его лирике и романтическую природу прекрасного Кавказа, и черты национальной истории горцев, и, конечно, людей, сегодня творящих историю. Их характеры, их дела — в сердце поэзии Адама Шогенцукова. Высоким романтизмом проникнуты строки поэта, посвященные созидательному труду наших современников.

С середины 50-х годов Шогенцуков начинает писать прозу. Его повесть «Весна Софият» имела большой успех у читателя и была переведена на многие языки народов нашей страны.

Адам Шогенцуков создал и несколько драматургических произведений. Спектакли по его пьесам пользуются популярностью в театрах республики.

Гора лет становится все выше и выше, но Адам Огурлиевич Шогенцуков полон творческой энергии. В каждой его новой книге живет высокое и трудное искусство — чувствовать своего современника и уметь передать его устремления в динамичных, ярких образах.

Николай НИКИШИН



«Искусство Аполлинария Васнецова, обладавшего даром видеть и воскрешать живой трепет жизни ушедших веков, было проникнуто подлинно вдохновенным теплом и правдой... Оно не только не умрет, а, наоборот, чем дальше будет существовать — тем будет ценимее».

К. Ф. Юон.

«ЛЮБЛЮ ВСЕ НАРОДНОЕ...»

Лидия БЕСПАЛОВА,
кандидат искусствоведения

В одном из тихих московских переулков, неподалеку от шумного Садового кольца, в старинном доме более тридцати лет жил и работал известный художник-пейзажист и певец старой Москвы Аполлинарий Михайлович Васнецов.

В его доме бывали многие художники — М. Нестеров, А. Архипов, К. Коровин, С. Жуковский, писатели И. Бунин и В. Гиляровский, историки И. Забелин, В. Ключевский и другие деятели русской культуры.

Ныне в этой квартире, в доме номер 6 по Фурманному переулку, открыт Мемориальный музей А. М. Васнецова. В четырех комнатах собраны интересные экспонаты — картины и рисунки художника, мебель, сделанная по его эскизам, личные вещи. Все это бережно сохранили и передали в дар музею сын живописца Всеволод Аполлинариевич и его жена Екатерина Константиновна Васнецовы. Они же с большой любовью и вкусом сделали экспозицию. Их неустанными заботами и вниманием здесь создана атмосфера радушия, гостеприимства. Число посетителей этого небольшого музея с каждым годом становится все больше, люди идут сюда на встречу с настоящим, большим искусством.

Не спеша рассматривая работы, развешанные на стенах и лежащие в витринах, слушая рассказ экскурсовода о жизни художника, мысленно перешагнем в прошлое, за границу нашего века...

В глуши Вятской губернии, среди холмистой северной природы, затерялось село Рябово. Там родились два истинно русских живописца — Виктор и Аполлинарий Васнецовы, являющиеся гордостью нашей культуры. И не случайно творчество обоих братьев своими корнями уходит в самую глубину народной жизни. В былинном эпосе черпал темы для своих лучших произведений старший брат — Виктор Михайлович, в эпических пейзажах и картинах из истории Москвы «нашел себя» младший — Аполлинарий Михайлович. И «оба они,— по словам К. Юона,— ясновидцы и поэты ушедшего в историю прошлого русского народа».

В одной из комнат Мемориального музея висит небольшой рисунок «Идеальная деревня будущего», исполненный ровно сто лет назад. На нем изображена широкая деревенская улица, обсаженная деревьями, крестьянские дома с большими окнами, общественный двор. Подаль — школа и здание, похожее на клуб. Всюду чистота и порядок. Интересно, что деревню будущего Васнецов мыслил без церкви. Под рисунком полустертая надпись: «Жаль только — жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе. «Железная дорога». Некрасов».

Появление такого рисунка не случайно для Васнецова, он связан с его увлечением народничеством. Влияние этих идей, с которыми он познакомился в Вятке, в кружке молодежи, занимавшейся самообразованием, было настолько сильным, что А. Васнецов решил «круто повернуть руль жизни»— бросить живопись и «идти в народ». Больше года он учительствовал в селе неподалеку от Вятки. Но, убедившись, что крестьяне и пропагандисты-народники не понимают друг друга, по его словам, «разуверился в народничестве» и долго еще переживал крушение своих идеалов.

Позже он писал по этому поводу: «Корабли народничества были сожжены, хотя, по-видимому, не без остатка — любовь к Родине, к народу не сгорела». Демократические убеждения Васнецова, сформировавшиеся в те годы, проходят через всю его судьбу и творчество, проявляясь в постоянном интересе к жизни народа, его истории, фольклору.

Двадцатидвухлетним юношей приехал Аполлинарий в Москву к брату — Виктору Михайловичу. В течение нескольких лет он проводил с ним летние месяцы в Ахтырке, около Абрамцева, посещал имение гостеприимного С. Мамонтова, где сблизился с участниками «Мамонтовского кружка»— В. Поленовым, И. Репиным, И. Остроуховым, В. Серовым. «Среда художников, около которых я вырос, блестела звездами первой величины»,— вспоминал потом Васнецов.

Живописная природа и уклад жизни в Абрамцеве привлекали живописцев. Репин собирал здесь этюдный материал для картины «Крестный ход в Курской губернии», Виктор Васнецов начал работу над монументальным полотном «Богатыри», Серов с увлечением писал портрет Веры Мамонтовой —«Девочки с персиками». «Мамонтовцев» объединяла общность духовных интересов — любовь к русской литературе, музыке, театру, живописи, народному творчеству. Младшему Васнецову все это было близко и понятно. Очевидно, истоки последующего увлечения художника русской историей и архитектурой, поисками национальной красоты в пейзаже следует искать в «абрамцевском» периоде его жизни.

Дружеские отношения с семьей Мамонтовых у Аполлинария Васнецова сохранились и в дальнейшем. В его декорациях была поставлена «Хованщина» в Московской частной русской опере, основанной Саввой Ивановичем.

Но это было позже. А пока в Ахтырке юноша много писал с натуры, совершенствуя профессиональное мастерство. Особенно чутко относились к молодому живописцу Поленов, обращавший его внимание на красочное многообразие мира, и Репин, советы которого «всегда были ярки и верны».

Среди работ того времени интересны небольшие этюды облаков. Васнецов писал их рано утром и в полдень, вечером и лунной ночью, в жаркий день и при грозовой погоде, добиваясь тонкости цвета. То они бледно-розовые или нежно-охристые, то зеленоватые или темно-серые, то ослепительно белые. Вот почему в последующих картинах художника небо всегда написано превосходно, определяя то или иное состояние природы. Созданный в Ахтырке поэтичный пейзаж «Лесная тропинка» явился его своеобразным отчетом перед «абрамцевскими» учителями и показывает, как много он достиг в освоении живописных навыков.

Кроме Абрамцева, Васнецов любил уезжать на лето в село Демьяново близ Клина, имение В. Танеева — социолога и философа, брата известного композитора С. Танеева.

По воспоминаниям Всеволода Аполлинариевича, в Демьянове его отцу особенно хорошо работалось. Чудесная природа средней полосы России и общение с высокообразованными людьми — самим хозяи-

А. Васнецов. 1856—1933. ОЗЕРО. 1902.

Государственная Третьяковская галерея.

СУМЕРКИ. 1889.

Киевский музей русского искусства.



А. Васнецов. ВСЕСВЯТСКИЙ КАМЕННЫЙ МОСТ. КОНЕЦ XVII ВЕКА. 1901.



Ярославский художественный музей.

А. Васнецов. СЕВЕРНЫЙ КРАЙ. 1899.

Государственный Русский музей.

ЛЕСНАЯ ТРОПИНКА. 1885.

Государственная Третьяковская галерея.



ном, московскими и петербургскими учеными, которые снимали здесь дачи,— создавали благоприятную обстановку для творчества. Более других был близок А. Васнецов с К. Тимирязевым; они любили совершать вместе дальние прогулки, беседуя на научные темы.

Демьяновские этюды создавались «для души». В них столько искреннего, интимного чувства, звучного, яркого цвета, тонкой воздушности, что уже много лет ими восхищаются все, кто посещает квартиру Васнецовых.

Как и всякий большой мастер, художник знал «муки творчества», был строгим себе судьей и лишь однажды положительно отозвался о собственной картине. Это был пейзаж «Сумерки». В письме к И. Терещенко он писал: «Сумерки» считаю все-таки самой лучшей картиной из всего, что я сделал до сих пор». Действительно, появление этого произведения было весьма знаменательно. В нем, как в фокусе, сосредоточились многие черты лучших пейзажей Васнецова последующих лет. Вечернее небо, наполовину затянутое облаками, темнеющее поле, одинокий сумрачный дуб и человек, сидящий на обочине дороги. Вот, кажется, и все. Лаконичный сюжет, но вглядитесь, как, постепенно сгущаясь, легкие сумерки плотно окутывают притихшую землю. Все замерло, все проникнуто молчаливым покоем погружающейся в сон природы. И в то же время при внешнем спокойствии пейзажа его внутренняя жизнь чрезвычайно напряжена. Вот легкий ветерок чуть тронул верхушки деревьев, шевельнул волосы путника. Вдали зажегся огонек. Темнота сгущается, затихают дневные звуки, и лишь неверный розовато-молочный свет луны, усиливаясь и становясь все ярче и холоднее, медленно заливает землю, погружая ее в таинство ночи. Показывая зыбкую грань дня и ночи, переход природы из одного состояния в другое, Васнецов заставляет зрителя ощутить течение времени. Принцип развития действия во времени в дальнейшем станет чрезвычайно важным качеством его эпических пейзажей. Композиционная слаженность и живописные достоинства «Сумерек» явились большим достижением художника.

Васнецов любил путешествовать, побывал во многих уголках России и за границей, не расставаясь с карандашом, кистью, походным мольбертом. Сохранилась карта, на ней рукой художника отмечены пункты, где он работал,— их более ста. Пожалуй, самой плодотворной стала для него поездка по Уралу. Он привез оттуда интересные этюды, которые были использованы затем в уральских пейзажах, показанных впервые на выставках Товарищества передвижников и неизменно радовавших зрителей.

Поездкой по Уралу навеян и пейзаж «Северный край». Его содержание как бы раскрыто самим живописцем в «Путевых очерках по Уралу». «Природа России разгулялась здесь во всю ширь,— замечал он.— Если леса, то они выросли здесь страшные, дремучие, и холмы поднялись до облаков, и реки потекли многоводные, до черноты глубокие, могучими извивами теряясь на горизонте, а дали раскинулись на многие десятки верст, далеко уходя в холодную синеву».

Давайте посмотрим с высокого берега реки на расстилающуюся перед нами панораму. Отблески затухающего багрового заката в последний раз озарили суровый край. Природа замерла в ожидании темноты. Согнулась и как бы застыла, не выпрямившись, огромная замшелая сосна с надломившейся вершиной; спокойна гладь широкой реки, ничто не нарушает тишину безлюдного простора. Резкое сочетание сине-зеленых тонов с оранжево-красным закатным небом и его отражением в реке придает картине особую выразительность и приподнятость.

«Северный край»— один из наиболее значительных эпических пейзажей Васнецова; художник показал в нем многовековую жизнь природы, время, наложившее на нее свой отпечаток. Картина перекликается с далекой жизнью народа, его былинами и преданиями.

Иной характер носит эпический пейзаж «Озеро». Возможно, его мотив навеян поэтической легендой об озере Светлояр, которое якобы появилось на месте града Китежа, ушедшего под землю, но не сдавшегося врагу. «Озеро» писалось, когда художник работал над декорациями к опере С. Василенко «Град Китеж».

В низких сырых берегах застыло озеро, окруженное темным лесом. Старые ели с изогнутыми ветвями кажутся вырезанными на фоне предвечернего неба. Неслышными шагами бродит по берегу женщина, собирая странные белые цветы. Сказочность и одновременно реалистическая правда пейзажа придают полотну своеобразие и таинственность, словно оно хранит след минувших событий; в нем отзвуки «чуда», погребения града Китежа в молчаливых водах.

Целен и красив колорит пейзажа, построенный на сочетании двух основных цветов — зеленого и белого, взятых почти без полутонов. Двумя-тремя плотными мазками художник талантливо передает грубую кору елей, мохнатую тяжесть хвои, нежные пятна цветов.

...После деревенской жизни, оказавшись в 1878 году в Москве, А. Васнецов был поражен стариной архитектурой города. С 90-х годов прошлого века и до своих последних дней он работал над картинами, посвященными истории Москвы, тоже по существу своему пейзажами.

«Почему,— писал он в автобиографии,— я занялся старой Москвой и так увлекся ею?.. Может быть, потому, что я люблю все родное, народное... Но едва ли не главной причиной было то, что я вообще люблю науку: собирать материал, классифицировать факты, изучать их».

С энтузиазмом ученого — историка и археолога — разыскивает А. Васнецов сведения о прошлом города. Рассматривает через лупу старинные планы Москвы XVI и XVII веков, гравюры, миниатюры Лицевого свода XVI века, жития святых, изучает облик навсегда исчезнувших зданий. Творческое воображение художника помогло ему воссоздать недостающие факты и детали. В отличие от других живописцев, писавших старую Москву, Васнецова интересовал ее архитектурный пейзаж. Созданные им картины занимают особое место в русском искусстве.

Известный историк Москвы П. Сытин говорил: «О картинах А. М. Васнецова, изображающих историческое прошлое Москвы, конечно, нельзя сказать: «Так точно и было!» Однако вполне можно сказать: «Так могло быть!» Или даже более утвердительно: «Так, наверное, и было!»

Одна из лучших работ этого цикла —«Всесвятский каменный мост. Конец XVII века». Построенный в 1692 году, этот мост поражал современников грандиозностью и новизной строительной техники, его называли «седьмым чудом света». Шесть каменных быков с ледорезами, возведенных на дубовых сваях, были связаны между собой арками, которые образовали шесть пролетов. На правом берегу, изображенном в картине, сооружение заканчивалось двумя шатровыми башнями, представлявшими предмостное укрепление: они возвышались над шестью проезжими воротами. Вдоль всего моста шла крытая галерея, в ней размещались лавки с товарами и пивные кружала, внизу находились царские мельницы. В помещениях шестиворотной башни находились корчемный приказ и корчемные тюрьмы. Всесвятский мост, расположенный неподалеку от нынешнего Большого Каменного, был оживленным местом. Москвичи любили здесь гулять, любуясь видом на Кремль и Москву-реку, тут же постоянно толпились крикливые торговцы с лотками.

В картине Васнецова мост показан со стороны Замоскворечья в том виде, каким был после окончания строительства. На полотне — зимний день, все покрыто только что выпавшим снегом. Скована льдом Москва-река. С моста спускается веселая толпа скоморохов в ярких одеждах. Их пляски сопровождаются ударами в бубны и прибаутками. Жители останавливаются, пропуская весельчаков, от деревянной часовенки на шум бегут мальчишки. Как и в других исторических пейзажах Васнецова, зритель стремится рассмотреть архитектуру построек: виднеющиеся вдали сооружения Кремля с колокольней Ивана Великого, каменные строения Белого города, теснящиеся деревянные дома Замоскворечья, баньку с колодцем-журавлем, приютившуюся у самой реки. Москва белокаменная, город, достигший расцвета в конце XVII века... Его красоту, величие стремился передать художник.

Он продолжал работать и для театра. Здесь также проявился тонкий вкус живописца, его глубокое знание русской старины. Вместе с К. Коровиным он создал декорации к «Сказанию о невидимом граде Китеже и деве Февронии» для Мариинского и Большого театров, в частной опере Зимина в декорациях Васнецова шли «Опричник» и «Царская невеста».

После кончины И. Левитана Васнецов руководил пейзажным классом в московском Училище живописи, ваяния и зодчества и проработал там семнадцать лет. Будучи человеком высокой моральной чистоты и бескомпромиссного служения искусству, Аполлинарий Михайлович пользовался огромным авторитетом среди учеников. В его мастерской учились С. Герасимов, В. Крайнев, В. Мешков, Б. Яковлев и другие художники, ставшие затем крупными мастерами советской пейзажной живописи.

В те же годы Аполлинарий Михайлович принял деятельное участие в организации Союза русских художников, сыгравшего существенную роль наряду с Товариществом передвижников в борьбе за сохранение традиций реалистического искусства в предреволюционные годы.

В его книге «Художество. Опыт анализа понятий, определяющих искусство живописи», которая была издана в 1908 году, затронуты актуальные вопросы современного А. Васнецову искусства. Подвергая резкой критике произведения модернистов и декадентов, автор страстно отстаивает реализм. Написанная живо, полемично, книга эта ценна и как документ, свидетельствующий о теоретической обоснованности русского искусства в те остропротиворечивые годы.

Октябрьскую революцию Васнецов встретил в шестидесятилетнем возрасте и, невзирая на пошатнувшееся здоровье, принял активное участие в строительстве новой жизни. «Надо... всем нам, и молодым и старикам,— говорил он,— всячески сохранять наше великое художественное достояние и передать его в пользование народа в наилучшем состоянии».

Много времени и сил отдавал он работе в Комиссии по изучению старой Москвы при Московском археологическом обществе. Выступал с научными докладами о прошлом столицы, сопровождая их своими картинами и рисунками, рассказывал о памятниках старины, участвовал в археологических раскопках во время строительства метрополитена.

Он был одним из инициаторов создания Московского коммунального музея (теперь это Музей истории и реконструкции Москвы) и выполнил для него цикл картин, показывающих постепенное изменение архитектуры города с XII до XVIII столетия. Среди них — несколько произведений, посвященных Кремлю.

Правда, эти работы менее эмоциональны по сравнению с более ранними, так как художник решает в них задачи научно-документального характера. Он строго определяет место каждого памятника в картине в соответствии со старинными планами и гравюрами, точно передает рельеф местности того времени, более скрупулезно прорисовывает детали и узоры архитектуры. Оригинальна техника этих акварелей: мастер делал рисунок, углем фиксировал его, затем наносил акварельные краски.

В последние годы жизни Васнецову трудно было выезжать из Москвы, он писал этюды в городских парках — Лефортовском, Свешниковском, Найденовском, а также в Новодевичьем монастыре, Коломенском и в самом городе, сохранив для нас в живописи примечательные уголки современной ему Москвы.

В этих прекрасных пейзажах много искрящейся радости жизни, солнца, света, мажорного звучания чистых цветов. Они стали его лебединой песней. Аполлинарий Михайлович скончался 23 января 1933 года на семьдесят седьмом году жизни.

* * *

Воскресный день. В Мемориальном музее-квартире А. М. Васнецова, как всегда, много народа. Листаем книгу отзывов, полную благодарных записей. Вот одна из них: «Посетив музей академика живописи А. М. Васнецова, побывали в мире прекрасного, почувствовали всю широту и глубину русской жизни. Как важно сохранить такое наследие для молодого поколения. Земной поклон ушедшему, но живущему среди нас художнику!»

Л. ШВЕЦОВА

«МЕТЕЛИЦА» НА СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛЕ

К уда ни глянь — горы. Нет числа причудливо застывшим каменным изваяниям и лентам рек у их подножия. Все, кажется, неподвижно и мертво. После торосов тундра представляется подарком. Сани сами катят, не надо так утепляться и надевать маски, но видимости все же нет. Десятиминутный отдых, и снова в путь. И снова остановка. Татьяне нужно выходить на связь. Поставили палатку, антенну, приготовили обед и залегли. Ветер рвет наш домик. Очень холодно. Зря, конечно, не сделали снежную стенку.

Все залезли в палатку и стали «лечиться». Одни смазывают лица кремом, другие протирают спиртом. У многих отеки, потрескались губы. Но настроение отличное. Никто не ноет.

Готовим новые маски для лица: солнце яркое, как бы не сгореть. Заполнили медицинские листки — и спать!

21 мая. 23.00. Уходим в «молоко». Ветер взбесился. Леденеет лицо. На волосах — сосульки. Идем цепочкой, ориентируясь по впереди идущему. След заметает моментально. Лед тает на лице, и ледяная вода течет за воротник. Утепляемся кто как может. Много спусков. На спусках снимаем залепленные снегом очки — ничего не видно. Тундра, как море: холмы напоминают огромные волны.

графировать его. Но сейчас ведь ночь, и птицы не хотят летать. Что делать — наш график расходится с птичьим!

Сварили борщ в автоклаве — самодельной скороварке. Запах восхитительный, а крышка не открывается. Видимо, давление упало, и крышка словно приварилась. А есть хочется. Шуточки, остроты. Глотаем слюни, а крышка ни с места. Валя с Мариной что-то колдуют и велят всем отойти в сторону. И вдруг крышка вместе с борщом вылетает из кастрюли. Крик ужаса: «Неужели все вылилось?!» И затем обрадованно: «Нет, кое-что осталось!»

После обеда «работаем на медицину». Заполняем листки психологического состояния, измеряем пульс и т. д. Таня играет на гитаре, сочиняет новую песню.

22 мая. 23.00. Перед стартом решили сфотографироваться на фоне птичьего базара. Римма пляшет вокруг нас с кинокамерой. Валя пытается изобразить собачий вой, чтобы поднять чаек. Увы, чайки спят. Действительно, край непуганых птиц. Римма расстраивается до слез.

Опять спуски и подъемы. Видимости никакой. Штурман в таких случаях говорит: «Не за что уцепиться»,— то есть сориентироваться. Все гуще и сильнее колючий снег. Ветер становится злее.

Одолели 10 переходов. Марина перед сном выдала нам солененькой рыбки. Это премия. Сильно вымокли. С трудом ставим палатку. Она словно парус. Соорудили снежную стенку вокруг, чтоб нас не унесло вместе с палаткой. После ужина стали сушиться. Под солнцем и ветром все просыхает быстро. Арктика нам помогает.

23 мая. Восьмой день. Спали хорошо. Тепло и спокойно. Прошли немного и уперлись в крутой затяжной подъем. Берем его штурмом, без остановки, ибо сани при задержке мгновенно тянут вниз. На пригорке останавливаемся для отдыха. Шацкая лезет в заветный мешочек. Мы все следим за ней: чем порадует? Она извлекает из мешка — о чудо! — леденцы. Радуемся как дети. Заветный мешочек — это полученные перед вылетом подарки московских друзей. Мы не знаем, что там, в мешочке. Обычно это шутливые пожелания и сласти. В те минуты, когда становится особенно тяжко, когда ноги, кажется, уже не идут дальше, заветный мешочек прибавляет силы.

Подъем кончился, но ведь, как правило, после подъема спуск. Сани обгоняют, сбивают с ног. Вместе летим кувырком. Наконец, выходим на ровную площадку, похожую на пляж, где вместо золотого песка — черная и серая

ближе. На краю лунки — нерпа. Римма сбрасывает рюкзак, отстегивает нарты, хватает кинокамеру — и к лунке. Но нерпа исчезла в полынье.

...Привал. Ночевка. Быстро ставим палатку и антенну. Таня греет аккумуляторы. Услышали морзянку, значит, связь есть. Ребята с Челюскина просят сообщить координаты и самочувствие. Устали, хочется спать, но надо привести в порядок и себя и свои вещи. А еще надо заполнить дневник и медицинский лист.

24 мая. 22.00. На улице тепло. Собрались и быстро позавтракали. Торошение небольшое — 3 балла. Идем весело. На небе радуга. Солнце совсем не заходит за тучи. Снег блестит. Скольжение хорошее. Вскоре увидели два огромных айсберга. Краснофлотских островов не видно, а берег острова Большевик все удаляется. Идем по проливу Шокальского. Солнышко начинает пригревать, и лыжи скользят все хуже. Опять след медведя! Уже который раз! Идем и оглядываемся по сторонам — за каким торосом он притаился?

На отдыхе Томашевская рисует шарж на Римму, которая просит медведя подойти поближе и позировать для кино. Таня Ревтова сразу же сочинила стихотворную подпись к шаржу.

С каждым переходом чувствуешь все большую усталость и смотришь не по сторонам, а под ноги и на оранжевый мешок впереди идущего. А когда уж очень тяжко, то начинаешь мечтать о чем-нибудь приятном. Как правило, о тех, кто остался дома, о том, что в Москве весна, тепло. И можно поесть не сублимированные продукты. На отдыхе кто-нибудь вздохнет: «А в Москве сейчас дождичек теплый идет». Галя Рожальская вспоминает, как с Ириной Соловьевой в прошлом переходе по Таймыру в такие минуты они всегда говорили о своих малышках. Ирина об Алешке и Аленке, а Галя о внучке Оксанке. Шацкая рассказывает о Шокальском, профессоре, который занимался проблемами освоения Северного морского пути. В честь его и назван пролив, который мы сейчас пересекаем.

...Идем плотнее. Всем хочется есть. Ждем долгожданной команды: «Привал». Такая команда последовала в 9.30 утра. Все шли и сочиняли меню. Большинством голосов решили: каша молочная геркулес. На десерт семечки.

Погода установилась. Тепло, безветренно, Галя с Мариной в купальниках позируют Римме. Девчонки моют ноги снегом. Валя Шацкая не удержалась и за палаткой устроила се-

На «десятиминутке» Шацкая напомнила, что по этому берегу прошел знаменитый исследователь Севера Николай Урванцев. Интересно, какая тогда была погода?

В прошлом году, когда мы шли по Таймыру, нам больше везло: путь был ровнее, да и ветра такого не было. Ира Соловьева даже на ходу Блока читала. А сколько стихов сочинили! Правда, и сейчас Таня Ревтова почти на каждом привале выдает стихотворные экспромты.

После нескольких переходов вышли на солнечную сторону. Останавливаемся в изумительном по красоте месте. Каньон, береговые скалы резко обрываются, блестят на солнце. Рядом птичий базар. Римма пытается сфото-

галька и небольшие латки снега. Тянем сани по гальке. Ниже — терраса и снова крутой спуск. Вот это зрелище! Марина следует первой. За ней быстро спускается Шацкая, но, не удержав сани, пускает их самоходом. Они быстро летят по застругам припая и благополучно выкатываются на ровное место.

Галя спускается зигзагами, но не она управляет санями, а они ею. По застругам ее несет со страшной силой. Рывок — и она летит прямо носом и только метров через шесть останавливается.

Солнце спряталось за тучи, пасмурно. Подул ветерок. Идем долго вдоль террасы. Дня через два должны подойти к Краснофлотским островам.

Вдали зашевелилась черная точка. Подходим

бе маленькую снежную баньку. В палатке подомашнему уютно и тепло. Все спят в мешках, готовясь к завтрашнему переходу. Шурочка попросила теплой воды помыть ноги. Просьбу эту расценили как пижонство. Валя предложила помыть снегом. Скрепя сердце Шура уходит за палатку.

После снежной баньки все ожили, стали активными, шустрыми.

Таня проводит очередной сеанс связи. Молодцы ребята с Челюскина, Володя Макаров и Миша Михаленков. Регулярно выходят на связь, а затем передают наши сообщения в Москву. На всем пути мы чувствуем их внимание и заботу. Как хорошо, что мы не одиноки в этом бескрайнем суровом краю!

25 мая. 22.00. На улице по-прежнему тепло.

Окончание. См. № 37.

Сборы быстрые. Завтра мы должны быть на Краснофлотских островах. Мы знаем, что о нас беспокоятся, и должны прийти туда в срок. Настроение хорошее, идем к теплу и людям. Еще одна нерпа играет на снегу. Римма кинулась с кинокамерой в обход лунки, но нерпа очень осторожна, и опять ничего не удалось снять.

На отдыхе между переходами чувствуешь, как ноют плечи и кисти рук. Походили босиком по снегу. Очень здорово. Сегодня переход продолжается десять часов. Идем с шуточками. Пришло, кажется, как говорят, второе дыхание. Но вот на горизонте земля. Это самый южный из Краснофлотских островов. Называется Гребень. Девочки ушли на разведку. Вернулись и решили встать на отдых. Татьяне скоро на связь.

Поели, поспали — и в путь-дорогу. У Марины болит нога. Хромает. Все ободряют ее, как могут. Идем вдоль островов. Наш путь к четвертому, где полярная станция. Между вторым и третьим островами — голубой айсберг. Снова появились торосы высотой 5—6 метров. Обходим их и все ждем, когда покажется наш долгожданный остров. Часто встречаются нерпы, но Римму с кинокамерой они чуют за версту.

Идем вдоль торосов и наконец-то видим остров, а на нем дома. Нас встречают на вездеходе. Но почему он остановился? Неужели застрял? Подходим, знакомимся. Радист Володя Бобровский и механик Василий Павлович.

— Ну, кто кого спасать будет?— смеется Галка Рожальская.— Мы вас или вы нас?

С удовольствием грузим на вездеход нарты и налегке шагаем к станции, где нас уже ждут третий день. На станции живет всего пять человек. Кроме радиста и механика, начальник станции Людмила Николаевна Кондратьева, инженер-гидролог Михаил Аркадьевич Дранкин и повар Мария Михайловна Михалева. Она радушно угощает нас такими вкусными булочками и пельменями, что у нас слюнки текут. Мария Михайловна, как только радист услышал наш разговор с Челюскиным, сразу же замесила тесто. И все эти дни она ждала нашего прибытия. Ждала нас и банька.

26 мая. Едим и спим целый день. Знакомимся с работой на станции. Здесь живут действительно мужественные люди. Изо дня в день, в любую погоду, каждые три часа от них должна поступать информация.

Уже давно мы ходим по Северу. И самые сильные впечатления — от встреч с полярниками. Вот иные говорят: «Поехал на Север за длинным рублем». Да, кому-то вначале может показаться, что за длинным, но в конце концов дело-то, оказывается, не в деньгах. Люди любят Арктику, хотя и не говорят об этом. Делают свою работу тихо, без шума, незаметно, не кричат: вот, мол, мы какие!

27 мая. 2 часа ночи. Вот и закончилась наша дневка. Отдохнули, попрощались с гостеприимными хозяевами — и снова в путь. Мария Михайловна уговаривает взять с собой массу вкусных вещей. Мы благодарим и берем только теплый каравай — от него отказаться нет сил.

Поземка слабо крутит снег, наметая его извилистыми слоями. Причудливо изогнувшийся, петляющий рисунок напоминает следы змей. От ледяного ветра захватывает дух, жжет лицо. Какая свистопляска! Неужели до самого конца маршрута Арктика будет испытывать нашу стойкость? Мокрый снег, тяжелые лыжи подлипают, идешь как на платформах толщиной сантиметров в 10—15. Движемся вдоль островов очень медленно. Прошли тринадцать километров и остановились у мыса Свердлова. Татьяне нужно выходить на связь.

Пока поели, ветер переменился, начало подмораживать, и открылся во всем блеске Университетский ледник.

Промокли, промерзли. Ставим палатку, сушимся. Таня греет на животе аккумулятор. Связь у нас с Челюскиным регулярная, как выяснилось, нас слушают и на Ватутине и на Краснофлотских островах. Таня довольна. Все передают нам приветы от коротковолновиков из разных городов страны. Сегодня, правда, слышимость не очень хорошая. Но все равно каждый сеанс связи — это тепло, родные, Москва. Где-то там далеко шагает по земле весна, расцветают сады, зеленеют леса. Здесь же природа еще охвачена зимним оцепенением. Под ногами толстый зеленый лед. Колючий ветер. Лучи солнца, с трудом пробиваясь к земле, бессильно блуждают среди торосов.

Долго не можем уснуть. Идет дискуссия по поводу масок. Лица у нас коричневые, обветренные. Опять в Москве будут спрашивать, не на юге ли мы были. У Риммы шелушатся нос и щеки, так что проблема масок для нас очень важна. Шацкая с присущей ей мудростью предлагает пустить в ход карнавальный нос с усами. Галя Рожальская хочет испытать маски Деда Мороза, лисы, волка, медведей. Долго смеемся.

28 мая. 19 часов. Подъем. Решили идти дальше. Все перепуталось, день и ночь. Забыли, когда завтрак, обед, ужин. Торопимся. Передали, что нас ждут на Ватутине и что числа третьего оттуда будет оказия — редкий самолет. А нам топать еще километров 150. Успеем ли?

Сегодня прошли километров 25. Надо поднажать! А погода не радует. Ветер пронизывает насквозь, не защитишься. Проходим Оленьи острова и останавливаемся на ночевку. У Марины болит нога, опухла, но она шутит и рисует на себя шаржи. Попили перед сном чайку. Вспоминали прежние походы. Тяжело, но никто не жалеет о том, что мы сейчас находимся в тундре, а не дома, у телевизора. Кто-то говорит: «Туризм — лучший отдых». Дружный смех.

29 мая. Прошли 25 километров. По-прежнему не радует погода. Идем морем, по торосам, но в пределах видимости берега. Утешаем себя тем, что по сравнению с проливом Вилькицкого эти торосы для нас ерунда. Мороз до 7 градусов. Валя лавирует между торосами, а мы стараемся не отстать от нашего штурмана. Идем по азимуту до мыса Зверевой. Слева под лучами солнца сверкает купол ледника Университетский. Время от времени над нами пролетают чайки. Ночуем в бухте с симпатичным названием — Удобная. Правда, восторгов по поводу удобств не испытываем.

Связываемся через ватутинцев с челюскинцами, получаем от них приветы. Вечером снова в путь.

30 мая. Рассчитывали встать пораньше, но не получилось. Прошли 22 километра. Каждый день собираемся сочинить водевиль. Но пока ничего не выходит. Некогда! Ночуем в заливе Макарова.

31 мая. 21.45. Прошли 32 километра. Дежурная Таня тихо вылезла из мешка и ушла за снегом. Значит, скоро подъем. Залезаю в мешок поглубже — хотя бы еще минут десять поспать.

Идем быстро. Снег мягкий. Кругом белым-бело и ничего не видно. Начали сочинять попурри на тему советских песен.

К концу перехода солнышко выглянуло из-за туч. Все заискрилось, засверкало, торосы переливаются изумрудами.

Сидим, ждем ужина. Эх, видели бы мамы, с каким наслаждением мы уплетаем геркулесовую кашу, которую дома упорно отвергаем. А пока Шацкая «травит» истории. Смеемся до колик. Она же вылитый кот Базилио! Кожаная коричневая маска, защитные очки, правый глаз перевязан косынкой.

1 июня. Сегодня — День защиты детей. Очень тепло. У нас большой переход. Идем хорошо, лыжи скользят. Вышли к озеру, убедились, что мы действительно дошли до мыса Кржижановского. Хорошо виден ледник. Погода солнечная, и начинается подлип. Приходится останавливаться и очищать лыжи. Идем вдоль берега.

На отдыхе отмечаем праздник. Таня надувает два шарика — красный и синий. Ветер подхватывает их и уносит все дальше и дальше к белым медведям.

До Ватутина осталось километров 30. Это по прямой, а зигзагами, может, и на два дня.

Стоянка. Сегодня связи нет. Марина дежурная. Что-то она подарит нам в честь праздника? Получаем по кусочку копченой рыбки. Римма напоминает Марине о заветном мешочке. Настаиваем и мы. Наконец она сжалилась, извлекла пачку печенья — это Ира Соловьева передала «на черный день». А у нас сегодня светлый день — праздник. И мы с удовольствием съедаем Ирино печенье. Перечитываем ее записку: «Здравствуйте, лягушечки» (Стало быть, путешественницы.) Как идется-можется? Завидно ведь мне! Недлинной вам дороги!»

2 июня. Сегодня мы должны быть на станции Ватутина, где расположена Вторая комплексная арктическая гидрографическая экспедиция. Идем весело. Солнышко ласково светит. Ветра нет. Тепло. Раздеваемся, загораем. Прошли один переход. Опять усиливается ветер. Горы в серых, как заплатки, тучах. Переход кончился незаметно, всю дорогу болтали, сочиняли песню и вот, наконец, увидели землю, на ней маяк, правее домики. Шли к ним долго-долго.

На станции все спят. Встречает нас Олег Александрович Козлович, инженер-гидролог. Предложил на выбор баню или завтрак. Выбираем баню. Так как еще слишком рано, выделили нам отдельный дом на полозьях. Из баньки тянется дымок. После водной процедуры сразу в столовую, стол уже накрыт. Едят девочки не спеша, удивляя полярников. Что так мало?

После сна долго приводим себя в порядок, из рюкзаков вытащили расчески, губную помаду и даже пудру. Нам же предстоит знакомство с хозяевами станции. Оказывается, Римма Диденко некоторых полярников знает: она была здесь в 1972 году, тогда эта экспедиция здорово выручила их.

Взаимный обмен подарками, вымпелами. Начальник экспедиции Иван Иванович Чевыкалов работает на Севере с 1939 года. Где только не побывал этот интереснейший человек! На Новой Земле. С моря Лаптевых доходил до реки Яны. На мысе Сибирском, Таймыре, Новосибирских островах, острове Врангеля. И вот уже десять лет на Северной Земле. Рассказывал он много и увлекательно. После встреч с такими людьми хочется еще не раз возвращаться в Арктику. А нас расспрашивали о «Ме-

Розовая чайка

Я спокойно в столице весь век свой жила
И аллеями парков довольна была,
Но однажды вдруг Север явился ко мне
Розовой чайкой во сне.

И напрасно ребята твердили о том,
Что не женское дело ходить с рюкзаком,
А Север все чаще являлся ко мне
Розовой чайкой во сне.

Я ушла в Заполярье, в голубые снега,
По Быррангам ходила,
морем Лаптевых шла,
И приветствовал Север, являясь ко мне
Розовой чайкой во сне.

Нет, когда-нибудь все же я сюда убегу,
Потому что иначе я уже не могу.
Зовет к себе Север, являясь ко мне
Розовой чайкой во сне.

Стаю розовых чаек я с собой захвачу,
Привезу их в столицу и там отпущу,
Я хочу, чтобы Север не только ко мне
Являлся чайкой во сне,
Розовой чайкой во сне...

Стихи
Татьяны РЕВТОВОЙ,
участницы перехода

НЕИЗВЕСТНЫЙ СПИСОК «ГОРЯ ОТ УМА»

— Хотите увидеть список «Горя от ума», которому почти полтора века?

Эти слова услышал я недавно от одной коренной москвички, в доме которой сохранилась собиравшаяся несколькими поколениями библиотека.

— Тетрадка с комедией Грибоедова,— продолжала она,— хранится в нашей семье с середины минувшего века, а в тексте есть, по-моему, любопытные разночтения.

Я, конечно, знал, что сохранились рукописные списки «Горя от ума». Но увидеть их в наше время можно, пожалуй, лишь в государственных хранилищах и у коллекционеров, посвящающих немало энергии розыску и приобретению предметов своих увлечений. Но согласитесь, это несколько разные вещи — получить рукопись от научного сотрудника читального зала, рассматривать ее под стеклом у энтузиаста-собирателя, владельца, быть может, десятка невесть как попавших в коллекцию раритетов или прочесть строки комедии в доме, где пролежала она на своем привычном месте в старом секретере многие десятилетия.

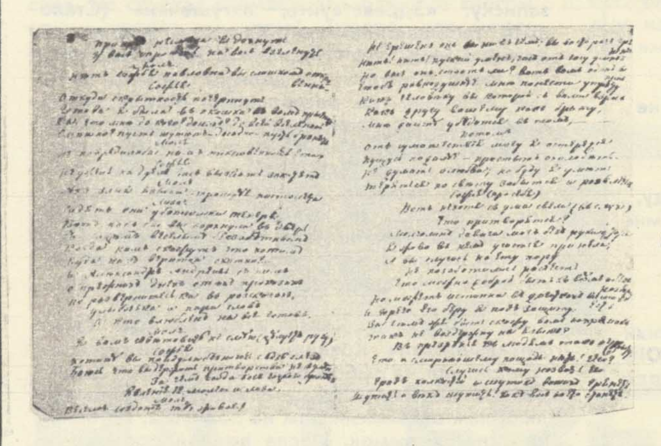
И вот тетрадь со списком «Горя от ума» передо мной. Сшитые суровой ниткой полулисты плотной синей бумаги, на которой кое-где немного потускневшими черными чернилами уверенной скорописью воспроизведены строки Грибоедова. Если посмотреть листы на свет, проступают водяные знаки: там, где тетрадь сшита — буквы Ф К Н Ц, посредине некоторых листов своеобразный герб бумагоделательной фабрики, а в углах цифры «1830». Значит, бумага выпущена в 1830 году. Таким образом, мы можем примерно датировать этот список, безымянный, как и большинство из дошедших до нас списков комедии. Прежде чем рассказать о нем, надо хотя бы вкратце вспомнить судьбу текста комедии Грибоедова.

Когда-то рукописные списки с нее разлетелись по России. Убедившись в том, что надежды напечатать «Горе от ума» нет, Грибоедов решил дать желающим возможность переписать комедию. Андрей Андреевич Жандр, драматург и в прошлом соавтор Грибоедова — им принадлежит пьеса «Притворная неверность»,— писал: «Когда Грибоедов приехал в Петербург и в уме своем переделал свою комедию, он написал такие ужасные брульоны, что разобраться было невозможно. Видя, что гениальнейшее создание чуть не гибнет, я у него выпросил его полулисты. Он их отдал с совершенною беспечностью. У меня была под руками целая канцелярия; она списала «Горе от ума» и обогатилась, потому что требовалось множество списков. Главный список, поправленный рукою самого Грибоедова, находится у меня». Так возникла «Жандровская рукопись», правленный автором окончательный текст комедии.

Существует еще один, самый ранний из дошедших до нас текстов «Горя от ума», так называемый «Музейный автограф», который А. С. Грибоедов оставил у своего друга С. Н. Бегичева в Москве перед отъездом в Петербург. Один из крупнейших исследователей творчества Грибоедова, Н. К. Пиксанов, установил, что между «Музейным автографом» и «Жандровской рукописью» была еще и «посредствующая» редакция «Горя от ума». Та, в которую вносил автор изменения по приезде в Петербург, еще не разрешая всем, кто пожелает, копировать ее.

Если от «Музейного автографа» сохранился единственный список, то посредствующую редакцию исследователи уже могут изучать в рукописной традиции — по тем, подобным нашему, спискам, в которых прослеживаются характерные признаки посредствующей редакции, автограф которой бесследно исчез. Вариант последнего монолога Чацкого именно тот «архаизм», то свидетельство, которое говорит, что Грибоедов все же разрешил копирование «Жандровской рукописи» до того момента, как сделал в ней последние решительные изменения. Вот как выглядит отрывок из этого монолога Чацкого в рассматриваемом нами списке (начальные строки не сохранились, печатается с соблюдением некоторых особенностей орфографии и пунктуации списка):

...Уж глубоко натвержено
искусство,
Не сердцем поискать, а взвесить
и расчесть
И торговать собой в замужество.
Нет, нет! Остаться я намерен был
у вас,
Любовник миленький, которого
подчас
Могли бы — несмотря, что
в возрасте он зрелом.
Беречь и пеленать и посылать
за делом.
Муж мальчик, муж слуга,
из жениных пажей,
Высокий идеал московских всех
мужей.
Но боже мой! Кого себе избрали,
Когда размыслю, что вы
предпочли
За что меня взманили, завлекли
Повергли в бездну зол, мученья
и печали...



Этим листам почти полтора века.

Таков тот (за мелкими разночтениями) текст монолога Чацкого, который Грибоедов вырезал из «Жандровской рукописи», чтобы заменить его окончательным. Эти строки Грибоедова сберегли списки, подобные нашему.

Я вновь перелистываю синие листы старой бумаги и думаю о судьбе произведения, о котором декабрист А. А. Бестужев сказал: «Будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных». Впервые комедия Грибоедова была напечатана в 1833 году с грубыми цензурными искажениями. Но рукописная традиция ее текста сохранялась еще долго. Переписчики бережно восстанавливали искалеченные и выброшенные цензурой места.

Этот список хранит еще немало загадок. Возможно, восходит он к одному из декабристов, который в ссылке переписывал каким-то образом попавшую в Сибирь комедию. Тщательное изучение списка может раскрыть нечто новое для творческой истории «Горя от ума» и, самое главное, рассказать о людях, которые пристально вчитывались в комедию Грибоедова, находя в ней те «либеральные идеи», которые лежали в основе движения декабристов.

Этот список — еще один скромный, безымянный рукописный памятник великому русскому писателю, о творении которого Н. М. Языков писал: «Это произведение, делающее честь нашему времени и уму русскому...»

Вл. ВЕЛЬЯШЕВ

А. С. Грибоедов за два года до гибели.

телице», о том, где мы бывали, почему нас тянет на Север.

Сколько было в этот вечер песен, воспоминаний, разговоров по душам! А затем мы выбрали из большой фильмотеки фильм «Любили ли вы?» и с удовольствием приобщились к цивилизации. Спать легли в два ночи.

3 июня. Снова в путь. Впереди остров Средний. Туда мы доберемся на предоставленном нам вездеходе. Выстроились для парада. Оставили на память вымпел с автографами и капсулу с землей из могилы Неизвестного солдата и Мамаева кургана. Вручаем ее Ивану Ивановичу. Ватутинцы тронуты нашим вниманием. Им не хочется отпускать нас. Шутят: «Среди нас есть женихи».

В небо взлетают ракеты. До скорой встречи! Обещаем вернуться к ним на будущий год. Впереди путь недолгий — 60 километров.

4 июня. Пока мы отдыхали, полярники устроили для нас ужин. Было весело и тепло. А ночью нас увозит к себе на вездеходе на полярную станцию острова Голомянный ее начальник Лев Наумович Пеклер. Станция — 3 домика. Посмотрели мы их аппаратуру, отметили четкость в работе. Хорошо организованный цикл дежурств. Лев Наумович с 1948 года в Арктике. Работал на островах Визе, Ушакова, в бухте Зимовочной. На Голомянном уже 6 лет. На Голомянном еще одна приятная встреча — Римма Фурсова, радистка, которую «Метелица» встречала в прошлом году на полярной станции. Разговоры, воспоминания.

Вернулись на Средний. Там нас уже ждут полярники с купола ледника Вавилова. Вместе с ними побывали на острове Домашнем у памятника Ушакову. Посмотрели на дом, где жили Ушаков, Урванцев, радист Ходов и охотник Журавлев — участники первой Североземельской экспедиции.

5 июня. С минуты на минуту ждут самолет.

...Получаем поздравительные радиограммы из Москвы, нас горячо поздравляют шефы — огоньковцы. Получили поздравление от журнала «Радио». Мы не раз тепло вспоминали Бориса Степанова и Геннадия Шульгина из лаборатории журнала «Радио» — создателей радиостанции «Радио-76», используемой нами в этом переходе. Спасибо вам! Станция не подвела.

...Мы торжественно вручаем представителям купола Вавилова наш подарок: красивый носовой платочек с розочками и нашими автографами. Сделали дарственную надпись, освежили платочек духами. Пора выходить. Погружаем вещи в машину. Скоро самолет — и прощай, Северная Земля!

...И вот мы летим! У нас отдельный салон в хвосте самолета. Летчики приглашают попить чайку. Нам и весело и немного грустно. Там, внизу под крылом, — наши следы. Все позади. Перед глазами наплывающие друг на друга лица друзей, встреченных в этом походе. Сколько их! И как хорошо, что они есть!..

читатель продолжает разговор

УРОКИ ЖИЗНИ

Я слышала разные суждения людей, прочитавших в «Огоньке» (№ 21 за 1976 год) очерк о перевертышах. Всех, конечно, волнует главный вопрос — кто виноват? Одни категорически утверждают: «Семья! Она, и только она». Но тут же раздается голос родителей: «А школа? Учитель? Школьная комсомольская организация?» Потом до меня доносится голос уже немолодого человека: «А коллектив, потворствующий мещанству? Я тоже чувствую себя виноватым». И вспоминает, как проглядел своего большого друга: «Мещанское болото засосало... На моих глазах. И не без моего участия. У него тоже могла такая Люся вырасти».

Конечно, нет однозначного ответа на этот острый вопрос — «Кто виноват?» Доля вины ложится и на плечи педагогов.

Как часто мы вместе с родителями обольщаемся отличными отметками. Тем более, если они сочетаются с активной общественной работой. И как тяжко бывает, когда вдруг жизнь неожиданно открывает тебе, педагогу, глаза: «Тут, оказывается, уже появилась ржавчина, успевшая основательно тронуть ребячью душу». А ведь в такой ситуации можно просмотреть «перевертыша».

Когда восстанавливаешь в памяти минувшее, еще и еще раз убеждаешься в том, что при формировании души нет мелочей. Как бы ни был ты перегружен, забота об успеваемости учеников не должна заслонять заботу об их идейном, трудовом, гражданственном, нравственном воспитании. И тут, повторяю, для педагога нет мелочей. Здесь требуется зоркий глаз, чуткое ухо. Нельзя быть только урокодателем. И бывает до боли обидно, когда иная мама смотрит на тебя именно с этой позиции. Мамы и папы ходят в школу, чтобы поинтересоваться, как учатся их дети. И часто их больше всего интересуют отметки. Если они хороши — тогда улыбаются. Плохие — разговор о том, как их исправить. И недосуг иным мамам обстоятельно поговорить с классным руководителем обо всем, что связано с нравственным воспитанием ребенка.

Бывает так: заведешь разговор о зарождающихся, а иногда и явных симптомах мещанства, эгоизма, нигилизма, а тебе отвечают: «Меня волнует главное: в прошлой четверти было «три» по литературе. А что сейчас? Ведь сын в институт будет поступать...»

Эх, мама, не быть вам счастливой матерью, коль только это тревожит вас!

...Я преподаю литературу. На одном из уроков я должна была вести разговор о поэтическом новаторстве В. В. Маяковского. Прозвенел звонок. Последним вошел ученик с портфелем, туго набитым книгами. Вдруг ручка оборвалась, и портфель с грохотом упал. Раздался смех: «Наше производство!» — послышалось справа. Реплику подал Виктор С. Мой вопрос к нему мгновенно погасил смех десятиклассников: «А сами-то мы всегда ли делаем все на совесть?»

Состоялся оживленный разговор об ответственности за порученное дело, о чувстве хозяина страны и о многом другом. Витя выслушал от товарищей немало острых слов.

— Критиковать умеешь,—сказал Виктору его сосед.— А стол весь исписал, да так, что не отмоешь.

...А как же урок литературы? Звучал ли на нем голос Маяковского? Да еще как! Все существо поэта-гражданина вновь восстало против мещанства, критиканства, ибо хотел поэт, чтобы «у советских собственная гордость» была. «Нам не надо брюзжащего». Учись, вырастай, будь умелым, честным, патриотом будь. И каждый пусть сделает так, чтобы лучше советского не было. А рядом ты с пурпурной книжицей: «Читайте, завидуйте...»

Формально запланированный урок не состоялся. Но учитель не мог пройти мимо такой вспышки ребячьих разговоров. Состоялся урок жизни, имеющий отношение и к творчеству поэта. А к новаторству Маяковского мы вернулись на следующем уроке. И никто меня за это не мог упрекнуть.

К чему я это вспомнила? К сожалению, мы, педагоги, иногда забываем, что отличный ученик — это не только ученик с отличными отметками. И в погоне за ними (этот пресловутый, до сих пор остающийся главным мерилом качества нашей работы, процент успеваемости) порой не учитываем, что отличный ученик — это будущая личность, и значимость ее определяется не только уровнем знаний, образования, но и категориями нравственными, морально-этическими.

Трудно переоценить роль педагога в идейном, трудовом, нравственном воспитании учеников. Задача эта сложная — ликвидировать разрыв между образованием и воспитанием. А чего греха таить — далеко не всякий высокообразованный человек обладает высокими моральными качествами.

Мне было приятно узнать, что для начальной школы разработана методика ознакомления учащихся общеобразовательных школ с материалами XXV съезда КПСС, создана «Азбука нравственного воспитания». Министерство просвещения СССР, Академия педагогических наук должны помочь учителю — и молодому и ветерану — познать основы семейной педагогики. У нас еще мало знакомят учителя с тем, как ему работать с родителями. А ведь это все не так просто. Здесь стыкуются педагогика и психология, философия и социология.

И тем не менее нельзя сложнейший процесс нравственного воспитания школьников целиком оставлять на попечение учителя.

...Вспоминается мне моя бывшая ученица Вера К. После каникул пришла в школу с красивыми золотыми серьгами в ушах. А класс-то был четвертый! После уроков я попросила девочку остаться.

— Верочка, зачем тебе серьги? Носит ли их кто-нибудь в классе? Сочетаются ли они со школьной формой? Поверь мне — они тебя не украшают.

Был у нас разговор долгий. Но она, видимо, ничего не поняла. Вера и прическу изменила, чтобы серьги были более приметны.

От меня она ушла молча. А сережки по-прежнему блестели в ушах моей ученицы и на следующем уроке. Вера упорствовала. Я попросила маму зайти в школу. Она пришла. Снова долгий разговор. Теперь уже людей взрослых. Евгения Петровна упорствовала, как и ее дочь.

— Вы говорите, что в школе нельзя носить серьги. Рано... С этим я, может, еще и соглашусь. Но то, что серьги не идут Верочке — это неправда. Лицо у Веры круглое, но я думаю, что овал лица ее изменится.

Вот о чем думала мать четвероклассницы! И вообще Евгения Петровна считала, что я зря трачу время, что они в семье все уже решили и менять свое решение не будут. «Мы не любим дарить дочери безделушки. Она одна у нас».

Я поняла — маму не убедишь, не перевоспитаешь. А девочку-то жаль...

У Веры дома отдельная комната. Гарнитур, ковер, палас, хрустальная люстра. Сердце радуется: жить люди стали хорошо. И тут же горечь, досада: почему родители проявляют такую заботу обо всех этих атрибутах в комнате Веры, а не замечают, что дочь их не любит читать. Дома много хрусталя, а книг почти нет, даже в детской комнате.

— Я не собираюсь копить книги,— отрезала Евгения Петровна.— От них одна лишь пыль. Если понадобится книга, можно пойти в библиотеку.

Что правда, то правда. Книги места занимают много, пылью покрываются, если за ними не ухаживать. Но ведь и люстра покрывается пылью. И все же нет большего богатства в доме, чем книги. И книг не было в этом доме не потому, что они пыль собирают. Вера, как и мама, просто не любит их читать.

Я помню экскурсию класса в Музей Васнецова. Вера не пошла. И вдруг неожиданно повышенный интерес к музею: «А в Оружейную палату у нас будет экскурсия?» — спросила она однажды. Нетрудно было догадаться, что влекло Веру в Оружейную палату: драгоценности...

...Прошло время. Серьги исчезли из ушей Веры. Девочка знала, что я тому «виной», и долго была холодна ко мне. Но однажды, в походе, уже в девятом классе, в доверительном разговоре призналась:

— Помните, в седьмом классе я неделю не ходила в школу? Я тогда принесла справку... Маме дал ее знакомый врач. Но я не болела. Я очень хотела иметь сапоги-чулки. И поставила маме ультиматум — пока их не купят, в школу не пойду. Мама испугалась и купила. А вам не понравилось то, что я, семиклассница, и уже щеголихой стала. Я это заметила. Перестала носить их в школу. Еще и потому, что на меня все ребята косо смотрели. В классе такие сапоги были только у меня.

Девочка сама начинала понимать многое.

...Одна из мам, беседуя со мной, справедливо заметила, что проблема неомещанства — проблема сложная. Рост материального благосостояния порой отрицательно влияет на психологию некоторых родителей и детей.

— Мои родители не могли купить мне браслет, серьги. Не те были достатки,— сказала как-то мне Вера Петровна Н., работавшая дворником. Она обслуживала три участка и получала 180 рублей. Участки один грязнее другого, но достаток у нее был.— Почему же я должна отказывать дочке?

И не отказывала. И Оля приходила на школьный вечер расфуфыренная.

Я спросила Веру Петровну: «Не слишком ли вы загружаете Олю домашними хлопотами?» Девочке с трудом давалась математика.

— Ну что вы,—горячо сказала мама,— я ее от всех домашних дел освобождаю. Тяжело мне, но ее не утруждаю. И в воскресенье!

— Да вы же губите свою Олю, белоручкой растите ее! Она и считает, что родители должны ей все дать — и красивое платье, и сапожки, и часы. И мама все для нее должна делать. Хвататься за сердце, вставать на рассвете и бежать с одного участка на другой. Вы понимаете, какого эгоиста растите? Это же добро во зло.

Мама понимала, но беспомощно разводила руками: «Одна она у меня...»

И это тоже проблема: «Одна она у меня». К сожалению, и демография работает против нас, педагогов. Во многих семьях сейчас один ребенок. В лучшем случае — два. Как правило, микроклимат в такой малодетной семье отнюдь не способствует правильному трудовому и нравственному воспитанию ребенка.

Вот о чем думается, когда ищешь ответ на вопрос: что порождает «перевертышей»?

Н. АРУТЮНЯН,
учительница средней школы № 120.

Москва.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ
Фото А. БОЧИНИНА



ИНСТИ

Будь женщина строителем или журналисткой, летчицей или маляром, профессором или студенткой и даже космонавтом, физиком-теоретиком или министром, она всегда подумает не только, что ей надо делать и говорить, но и как она при этом выглядит. Таково свойство женской натуры. И, скажем прямо, это не недостаток, а огромное достоинство, в нем скрыт секрет вечной женственности и обаяния.

Москва. Калининский проспект, дом № 25. Этот адрес хорошо знают все, кто не хочет утерять молодость. Здесь, пожалуй, на самом людном месте города, находится косметологическая лечебница, которую по праву называют Институтом красоты. Меня привели сюда дела журнала, и я сначала думала, что посетители подобных учреждений получают здесь лишь полезные советы относительно «своего» крема и рецепта нужной питательной маски для лица. Каково же было мое удивление, когда заместитель главного врача кандидат медицинских наук Людмила Савельевна Щербакова посоветовала мне побеседовать с больными, записавшимися и к терапевту.

— Он принимает с восьми утра до девяти тридцати вечера.

— В какой поликлинике?

— У нас. На втором этаже.

Так я впервые встретилась с тем, что здесь наряду с дерматологами работают терапевты, онкологи, эндокринологи, анестезиологи, хирурги, гинекологи, специалисты по эстетической физкультуре и специальной невропатологии, геронтологи — словом, медики самых различных направлений. И в то же время они все являются косметологами.

Главный врач лечебницы Инна Ивановна Кольгуненко — заслуженный врач республики, кандидат медицинских наук, специалист-дерматолог с большим стажем работы. Ее внешность — счастливый дар для медика: сразу веришь. Она умеет расположить к себе, заставить поделиться сокровенными мыслями, тайными волнениями.

— Самое ценное в мире,— говорит она,— это человеческое общение, умение работать для людей, делать их счастливее. У многих из нас работа такова, что, помимо чисто профессиональных знаний, требует умения общаться с людьми, вызывать их на ответную реакцию доверия. Надо воспитывать в себе приветливость, доброжелательность, постоянно находиться в хорошем настроении. У всех бывают и личные неудачи, и болезни, и горе, но ведь окружающие тебя люди в этом не виноваты. Надо жить большим делом, творчеством, а не углубляться в собственные страдания. Все эти качества можно в себе выковать. Каждый человек должен заниматься своим психовоспитанием Кстати, хорошее настроение и творческий труд — самые мощные стимулы к сохранению молодости.

«Что ж, сама Инна Ивановна полностью постигла свою науку»,— думаю я...

Лечебница существует с 1930 года. Создание этого учреждения было вызвано к жизни потребностями социалистического общества и по мере роста благосостояния народа, культурного роста менялась и лечебница, углублялись ее задачи.

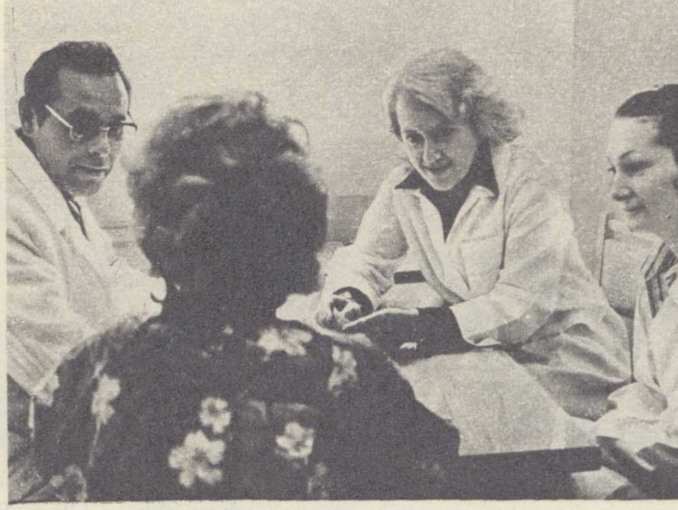
Основное направление работы — предупреждение и изучение преждевременного старения внешнего облика человека. Сюда входит и гигиеническая косметология, которая учит ухаживать за собой, геронтология и генетические исследования, помогающие выяснить, какие группы людей и почему стареют раньше, как влияет на это наследственность. Наука и практика идут рядом, помогают друг другу.

Методы лечения самые различные — массажи, разнообразные кремы и маски, созданные по разработанным здесь же рецептам, ультразвук и многие другие физиотерапевтические методы. Применяются и различные внутренние средства. Большое место в работе занимает хирургическая коррекция различных дефектов внешности: операции по поводу возрастных изменений, различных деформаций носа, ушей, подбородка, лечение рубцов, пятен, опухолей кожи, костно-пластические операции, лечение облысения. И всегда надо учитывать, что здесь оперируют только практически здоровых людей.

Красота внешнего облика человека зависит не только от черт его лица, не меньшее значение имеет стройность фигуры, легкость походки. Специалисты весьма осторожно относятся к лекарственным препаратам против ожирения и лечат своих пациентов диетой и целенаправленными физическими упражнениями. Здесь работает кабинет эстетической физкультуры, где на специальных аппаратах можно создать дозированную нагрузку на ту или иную группу мышц. Подобные занятия содействуют не просто похуданию, а выравнивают недостатки фигуры, делают человека более стройным, красивым. Ведь часто бывает, что снижение веса само по себе еще нельзя считать объективным показателем удачного хода лечения.

Я ходила по кабинетам, беседовала с пациентами и врачами, и мои первоначальные представления о работе лечебницы менялись. Сначала я думала, что встречу здесь только женщин. Но это оказалось совсем не так. Особенно с прошлого года, Года женщины, мужчины тоже захотели быть красивыми и составили почти одну треть пациентов.

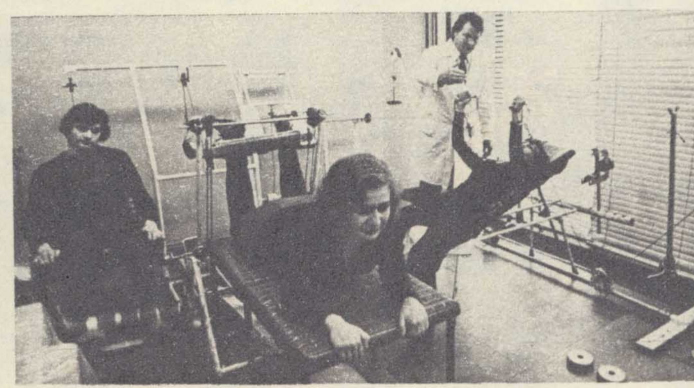
Что же касается женщин, то они далеко не «кинозвезды» или великие актрисы. Это люди самых



Комиссия осматривает больного. Главный врач И. И. Кольгуненко (в центре), заведующий хирургическим отделением поликлиники А. С. Шмелев и заместитель главного врача Л. С. Щербакова.



Перед операцией. Операционная сестра С. Ф. Пиуновская.



Будем стройными и здоровыми.

ТУТ КРАСОТЫ

различных специальностей. Например, в прошлом году в лечебницу за помощью обращалось почти две с половиной тысячи человек из сельской местности.

Косметологическую лечебницу на Калининском проспекте знают почти все москвичи, но здесь побывало и более тридцати с половиной тысяч жителей из других районов страны. С тысячами из них ведется постоянная переписка, даются консультации, советы.

Ведутся в лечебнице и научные исследования, открываются новые отделения, разрабатываются новые методы. В последнее время большое внимание уделяется профилактике различных аллергических заболеваний, вызванных кремами и шампунями.

С 1968 года активно развивается детская косметология. Например, за первые три месяца 1976 года в лечебнице побывало 2188 детей от трех до восемнадцати лет. В конце этого года открывается самостоятельное отделение на улице Герцена, дом 12, первое в Советском Союзе.

Детская косметология — чрезвычайно гуманное направление работы. Ведь речь идет не просто об устранении того или иного недостатка внешности ребенка, речь идет о гармоничном развитии человека, о воспитании его без каких-либо психологических комплексов.

У детей удивительно развито восприятие красоты, ребенок иногда тяжело переживает свой (часто очень легкоустранимый) недостаток, может стать замкнутым, легкоранимым, у него меняется характер, он теряет веру в себя. Поэтому так важно сразу обратиться к врачу, который поможет устранить дефекты внешности ребенка.

...Я уходила домой, когда уже стемнело. На Калининском проспекте зажглись вечерние рекламы, уютно светились окна ресторанов и кафе. Москвичи отдыхали. Но в косметологической лечебнице было по-прежнему людно. Врачи заканчивают прием в 9 часов 30 минут вечера. Такое расписание принято, чтобы рабочие и служащие могли посещать лечебницу. Она открыта и в воскресенье.

И ПОЭЗИЯ, И ИСТОРИЯ...

Т. ТРОИЦКАЯ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Под торжественные звуки хорала медленно раздвигается занавес. Перед глазами зрителей возникает графическое изображение Парижа времен религиозных войн; этот второй занавес служит фоном спектакля «Гугеноты» на сцене Государственного академического театра оперы и балета УССР имени Т. Г. Шевченко.

Москвичи много лет не слышали романтического произведения Мейербера, требующего от исполнителей сильных голосов и большого напряжения. Здесь много арий, дуэтов, мало пауз; музыканты шутят, что арий в «Гугенотах» хватит на десять опер. Огромная музыкальная культура нужна, чтобы с таким блеском и вкусом осуществить сложную постановку.

Опера «Гугеноты» поставлена главным режиссером Д. Смоличем (художник — Ф. Нирод, дирижер — И. Гамкало). Это художник с ярким индивидуальным почерком. Долго работает он в театре и создал много интересных спектаклей. Лучшие традиции оперного искусства театра имени Шевченко нашли свое отражение в этой постановке. Раздольная напевность, красота и благородство звучания соединяются с чистотой и стройностью интонации. Дает себя знать и многолетняя работа главного хормейстера Л. Венедиктова, крупнейшего современного мастера хорового искусства; более 70 опер прошли при его участии за годы работы в театре. В исполнении хора чувствуется многовековое наследие национальной песенной культуры, недаром же Гоголь писал: песня для Украины — это все: и поэзия, и история, и отцовская могила.

Целый месяц выступал Киевский театр оперы и балета в Москве, на сцене Большого театра и в Кремлевском Дворце съездов; пятнадцать оперных и балетных спектаклей, которые почти не повторяли московскую афишу, привез в столицу театр — один из старейших в нашей стране. На его подмостках прославились Зоя Гайдай и Бэла Руденко, Юрий Гуляев и Борис Гмыря...

Особый интерес проявляет коллектив к современным произведениям — многие советские оперы обрели здесь свою сценическую жизнь. Шостакович восторженно принял в 1974 году постановку своей «Катерины Измайловой»; «Огонек» рассказывал, каким значительным событием стала опера для всего коллектива. А в нынешнем году журнал сообщил о премьере «Тихого Дона» И. Дзержинского и о вдохновенном искусстве Константина Симеонова, который дирижировал обоими спектаклями.

Многие оперы украинского советского композитора Г. Майбороды шли на сцене шевченковцев. Режиссер Д. Смолич, дирижер С. Турчак и художник Ф. Нирод осуществили постановку «Ярослава Мудрого», где живописно и выразительно представили Киевскую Русь XI века с ее героями, ее жизнью... Заглавную партию Ярослава в этой опере прекрасно исполняет артист А. Загребельный. Много чувства и подлинного драматизма в пении С. Дубровина (Никита), лирична Н. Куделя (Елизавета). С большой эмоциональностью выступает Г. Ципола в роли жены князя Ингигерды.

Уже много лет идет на сцене неувядаемый «Запорожец за Дунаем» С. Гулак-Артемовского, но зрители неизменно встречают его бурными аплодисментами — столь точно воплощает он старую Украину с ее неподражаемым, чисто украинским народным юмором, незаметно переходящим от веселья к грусти, и столь ярки и колоритны сценические образы В. Грицюка (Иван Карась), В. Любимовой (Одарка), Е. Колесник (Оксана) и Д. Гнатюка (Султан).

Волнует блестящий дуэт Е. Мирошниченко, певицы тонкой и глубокой, с темпераментным А. Соловьяненко, артистом, обладающим красивым голосом и сочетающим совершенную технику с глубоким чувством, в опере «Лючия ди Ламмермур» Г. Доницетти.

Еще до войны при оперном театре состоялся первый выпуск учеников хореографического училища. Балетные представления заняли на сцене постоянное место. Школа ленинградского хореографического искусства, ее традиции (первой руководительницей была Г. А. Березова, ученица знаменитой А. Я. Вагановой) стали главным в воспитании киевских танцовщиков.

Долго украшением киевского балета была А. Гаврилова; одаренная самой природой классическая танцовщица, она отличалась редким сценическим обаянием. Публика встречала ее восторженно, а молодые артисты учились у нее. Она много сделала для театра как педагог. С молодежью ныне занимается Е. Потапова, балерина, обладающая исключительной техникой и большим сценическим опытом.

Глубокое изучение и постижение культуры русской хореографии, развитие ее лучших, наиболее плодотворных, прогрессивных принципов — вот чем характеризуется нынешнее танцевальное искусство киевлян. Над балетными постановками работают А. Шекера — главный балетмейстер, выпускник ГИТИСа, Г. Майоров — воспитанник Ленинградской консерватории.

Балеты А. Шекеры — «Раймонда» А. Глазунова, «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева, «Легенда о любви» А. Меликова, «Лилея» К. Данькевича очень танцевальны; постановщик обладает ярким хореографическим почерком, он всегда ищет новое, экспериментирует.

Давно москвичи не видели «Раймонду». Это балет зрелищно-пышный, роскошный. В нем заняты ведущие артисты труппы: В. Калиновская (Раймонда), В. Круглов (де Бриенн), А. Гавриленко (Белая дама). Оформлен спектакль художником Е. Лысиком. Его декорации и костюмы создают впечатляющий зрительный образ: у него все для танца, все во имя танца. Оставляя незакрытым огромный планшет сцены, он создает ощущение простора, дает свободу для полета и прыжков, вихревых вращений. Единство колорита достигается продуманностью каждой детали, каждого цветового пятна. Испанский танец Н. Умановой и В. Рыбия пронизан прихотливой и вкрадчивой грацией, танцоры утонченны, изысканны, обаятельны.

Интересны работы молодого балетмейстера Г. Майорова, особенно одноактный балет «Рассветная поэма» на музыку известного украинского композитора В. Косенко. Балетмейстер мыслит оригинально, остро чувствует современность; у него есть концепция, которой он следует не формально, а выражает ее образно, ярко. Содержание этой миниатюры — вечная тема балета: любовь. В мире двадцатых годов рушится старое, рождается новое; Юноша мечется в поисках идеала, его одолевают сомнения. Побеждает любовь к Девушке, ее красота и уверенность в правде нового дня; призраки отступают, рождается будущее, полное солнца и счастья.

Маленький этот балет сделан на одном дыхании: балетмейстер все решает по принципу танцевального симфонизма; мысли, психология героев, сила человеческих чувств выражены сложными пластическими средствами. Хрупкая и такая воздушная, что вот-вот будто отделится от земли и улетит — такова Девушка — героиня балета в исполнении Л. Сморгачевой. Не танцует, а, кажется, взвивается вверх Е. Косменко — Юноша. Ни одно движение, взгляд, жест не вступают в противоречие с музыкой у танцовщиц Т. Качаловой (Мазурка), Л. Шатиловой (Пиццикато), Н. Костенко (Консолосьон) и С. Приходько (Этюд). Смотришь на их танцы и видишь виртуозную технику, но именно она рождает Красоту.

В постановке Майорова идут и два детских балета: «Белоснежка и семь гномов» польского композитора Б. Павловского и «Чиполлино» Карэна Хачатуряна. Детей здесь привлекает острый сюжет, где действие прямо-таки хлещет через край, а взрослых — обилие танца, яркая театральность в лучшем значении слова. Постановщик помогает каждому исполнителю найти и наиболее полно выразить себя. Неотразим Е. Косменко в роли Чиполлино; танцы, прыжки — это чудо: кажется, он не прыгает, а летит через сцену. Мастерски ведет свою роль Е. Ковтун — граф Вишенка. Восхищает его воздушная легкость и стремительность. Ковтун — один из лучших танцовщиков. Все исполняемые им партии оставляют неизгладимое впечатление. Таков его Ромео, Принц («Лебединое озеро»), Альберт («Жизель»)... С большим изяществом танцует Т. Таякина, создавая образ полудетской любви своей героини, совсем еще девочки. Весьма удались постановщику гротесковые, пародийные образы: принц Лимон (В. Литвинов), синьор Помидор (С. Мирочник), стражники (В. Клочко, В. Мезенцев, И. Погорелый)... Этот яркий, насыщенный стремительным каскадом событий балет оставляет светлое, радостное ощущение.

Праздничны и все другие спектакли киевлян. Каждый по-своему интересен и оригинален.

— Гастроли, — сказал директор театра Владимир Филиппович Кулаков, — это всегда серьезный творческий отчет. По тому теплому приему, который нам оказывали зрители, можно считать, что они прошли удачно. Для нас это особенно важно еще и потому, что в нынешнем году мы будем отмечать пятьдесят лет с того дня, как наш театр получил высокое право называться Государственным.

●

Балет «Чиполлино». Музыка Карэна Хачатуряна.

Заслуженная артистка УССР, лауреат Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко Евдокия Колесник.

Народная артистка УССР Алла Лагода — Китри в балете «Дон Кихот».





Михаил ОДИНЦОВ,
дважды Герой
Советского Союза,
генерал-лейтенант авиации

ТОГДА, В 42-М...

Разбор обстоятельств гибели группы Горохова ничего неожиданного не дал. Пилоты, имеющие боевой опыт, высказались против непрерывного бреющего полета. Малая высота здесь, в степи, не прятала самолеты от глаз врага.

Комиссар полка был за то, чтобы поднять высоту полета,— это облегчило бы истребителям наблюдение за ИЛами, позволило бы им идти до цели одной группой и помогать друг другу. Ну, а если общий бой не получится, то «мессершмитты» вынуждены будут делить свои силы на ИЛов и истребителей. Это ослабит их удар.

Несмотря на то, что полк продолжал боевые действия и по-прежнему нес потери в людях и самолетах, Митрохин на свой страх и риск послал Русанова на У-2 к истребителям, чтобы попытаться найти с ними общий язык. Митрохин очень надеялся, что ему как-то удастся сблизить интересы сторон и найти приемлемое решение.

Русанов вернулся в полк уже в сумерки и теперь докладывал Митрохину о результатах своего полета:

— Обвинять истребителей в том, что они уклоняются от боя, нельзя. Потери у них тоже немалые. Воздушные бои ведут они почти в каждом вылете. Но беда в том, что они дерутся в одном месте, а мы в другом. Как только немцы навязывают им бой, они нас теряют на фоне земли. Я им говорю: идите ниже, рядом с нами, тогда будет легче смотреть. А они: не можем. И правы по-своему. Самолет деревянный, не как у нас. Там каждая пуля бьет навылет. Но не только это. Они говорят, что огонь с земли еще не самая главная опасность. ЛаГГ разгоняется долго. И если им идти с нами рядом, на малой скорости, то они с «мессершмиттом» ничего не сделают, а будут биты. Вот они и лезут вверх, а там скорость держат побольше и за счет моторов и за счет высоты. Просят одно: поднять высоту нашего полета. Требование справедливое, на мой взгляд. Какая у нас будет новая опасность? А никакой. Практически ведь немцы до линии фронта нападать не успевают. Нам же легче будет ориентироваться, лучше организовать взаимодействие с истребителями, цель искать проще. А огонь с земли, наверное, будет даже менее опасен, так как нам маневрировать свободней. Атака же с пикирования намного эффективней.

— Все ты правильно говоришь. Комиссар и люди за это. Но Горлов категорически запретил. Мельник за «ересь» и строптивость вызван в дивизию к своему начальству. Ему там сейчас наверняка несладко... Ладно. Иди отдыхать, а я подожду комиссара. Если он ничего нового не добился, то денек потерпим, а там, наверное, рискнем. Лишь бы остались силы на пробу. Завтра я сам первым слетаю по старой тактике. Еще раз посмотрю...

Когда солнце появилось над горизонтом, летчики были уже в самолетах.

Осипова включили в боевой расчет на этот вылет ведомым у командира полка, и теперь он сидел в кабине, ждал ракеты — сигнала на запуск мотора. Солнце поднялось сбоку и осветило мокрую, росой умытую траву. Воздух наполнился голубой дымкой, которая размывала очертания самолетов на другом краю аэродрома, делая их дальше, невесомей, как бы парящими в воздухе, потому что там, вдалеке, зеленый цвет травы постепенно тоже переходил в белесо-голубой у земли, а выше виднелось чистое голубое сияние неба.

Осипов оторвался от созерцания этой мирной картины, перевел взгляд в кабину, но не успел сосредоточиться на ее осмотре. Глаза выхватили из всего окружающего лишь гашетки пушек, пулеметов и реактивных снарядов, красный колпачок над кнопкой сброса бомб. Он закрыл глаза, откинулся на спинку сиденья. И тут же услышал голос техника: «Командир, уснул?». Петров стоял у передней кромки крыла. Одной рукой он держался за ствол пушки, а второй взялся за указатель положения выпущенного шасси. Осипов не успел ничего ответить, как тот уже был на крыле, у кабины.

— Нет, не сплю. Думаю.

— О чем, если не секрет?

— Да так, о разном. О том, что вот взошло солнце, осветило землю и греет мне голову и щеку. Так было и так будет: рассвет, день, ночь. А нас, может, не будет... У тебя, Петров, дети есть?

— Нет,— несколько удивленно ответил Петров.

— А хоть одно дерево ты когда-нибудь посадил?

— Не пришлось.

— Может, и не придется.

— Не сложно, командир, перед боевым вылетом?

— Да нет. Оно, может, и лучше... Не все выживем, но выживем обязательно.

Петров положил руку Осипову на плечо, нагнулся и из кабины посмотрел, чисто ли лобовое стекло. Через тонкий комбинезон почувствовал жесткое, костистое плечо летчика, молодого, но рано повзрослевшего в огне войны. Он был рад неожиданной откровенности своего командира, но вместе с радостью появилось и беспокойство: как же он сейчас пойдет в бой, когда в голове у него сплошная лирика?

— Ладно, Матвей, давай перестраиваться, думай о полете.

— Да я все продумал. Командир дал подробные указания, как действовать будем. Не беспокойся. Одно другому не мешает. Будет ракета, и пока запустим мотор, все это вылетит из головы, и останется только работа...

Митрохин повел восьмерку на железнодорожную станцию. Все, о чем говорили в эти дни, вновь было перед глазами, как при повторном просмотре кинофильма: взлет и сбор группы, приход на аэродром истребителей и полет с ними к линии фронта. Он поглядывал наверх, где шли ЛаГГи, и видел повторение давно знакомого: чем ближе была линия фронта, тем выше уходили истребители, и у него все меньше оставалось шансов на совместный с ними бой.

Проскочив низом еще сонную линию фронта, он плотнее прижал самолеты к земле и стал готовить себя к атаке. До цели оставалось около сорока километров — почти восемь минут полета. Это могло быть и мало и очень много: все зависело от того, встретит ли он, а точнее, успеют ли его встретить до станции немецкие истребители. Раннее утро как будто создавало благоприятные условия — неожиданность. Но все может быть и наоборот. Посмотрел назад, вверх: ЛаГГи хоть и высоко, но шли его маршрутом. Стало повеселее. Навстречу летели поля и пыльные, ожившие от движения врага проселки, наискось унеслась назад маленькая речушка. Промелькнули сбоку разноцветные светлячки снарядов или пуль. А потом из-за густой дорожной посадки, прямо под самолетом, появился полевой немецкий аэродром, и Митрохин вздрогнул от неожиданно увиденного. Под ним, на зелени невспаханной степи, вдоль дороги, взлетали немецкие истребители, а еще больше их стояло в стороне. Стрелять уже было невозможно. Теперь без сложного и длительного маневрирования он с ними уже ничего сделать не мог. С горечью подумал: «Вчера этого аэродрома никто не видел. Теперь быть беде — до цели-то еще далеко, а от них так просто не уйдешь».

Митрохин взглянул вверх — ЛаГГи всей четверкой через огонь зенитной артиллерии падали на взлетавших «мессеров». Нажал кнопку передатчика и, сдерживая волнение, нарочито спокойным голосом передал:

— «Горбатые», я Митрохин, первых отсекут. А дальше пойдем сами.

Он попытался увидеть, что делается позади группы, но близость земли, опасность столкновения с ней не давали ему оглянуться.

Помог понять обстановку и подстегнул нервы голос Русанова:

Продолжение. См. «Огонек» № 37.

● Заслуженная артистка УССР Наталья Уманова — персиянка в опере «Хованщина». ● Народный артист УССР Валерий Ковтун и заслуженная артистка УССР Татьяна Таякина в балете «Жизель». ● Заслуженный артист УССР Евгений Косменко — Чиполлино.

— Командир, шестерка сто девятых догоняет.

— Далеко? Успеем дойти до цели?

— Наверное, успеем.

Еще несколько секунд — и от красных станционных зданий, что показались между деревьями, брызнули сполохи огня: зенитчики защищали себя и станцию.

Митрохин довернулся на центр станции, чтобы поточнее бросить бомбы, а пушками и РСами пытался прижать зенитчиков к земле. Но те находились уже с боков, и самолетный огонь был им не страшен. Нажал кнопку сброса, и серия из шести «соток» пошла к земле.

— Разворот домой!

А сам уже знал, что развернуться ему будет трудно: педали руля поворота болтались свободно — где-то были перебиты тросы.

— Русанов! У меня с управлением непорядок. Уводи группу!

— Вместе пойдем.

— Приказываю, уводи! Осипов останется.

— Понял.

Матвей посмотрел на удаляющиеся самолеты и увидел, как после прекращения огня с земли на них бросились немецкие истребители. Резко развернул машину и верхом перешел на другую сторону самолета командира: за ними тоже увязалась четверка желто-зеленых смертельно жалящих стрекоз. Камуфляж был необычный, значит, появилась какая-то новая часть. Но откуда они и кто, с опытом или новички?

Митрохин потихоньку, блинчиком, разворачивался вслед ушедшей группе, а Матвею нужно было опять идти в змейку. Иначе не увидишь, что делается за хвостом. А не увидишь — собьют первой же очередью.

Немцы не торопились с атакой. Наверное, договаривались, что делать, и их спокойствие говорило об уверенности в исходе предстоящего боя. Осипов воспользовался предоставленным временем и для гарантии перезарядил пулеметы и пушки. Наконец первая пара пошла в атаку сразу на оба ИЛа, и нужно было решать, что делать. Сманеврировать самому, оставить без защиты Митрохина — тогда его сразу собьют. Это не годилось. Определив, какой самолет атакует подбитого, Осипов пошел на него. Немец на близком расстоянии попал Матвею в прицел. Он увидел на фюзеляже нарисованную карту — пиковый туз — и нажал на гашетки. Немец дернул машину вверх и вышел из атаки. Сзади по самолету Матвея хлестнула очередь, и он рванул машину в сторону. Вывернулся!

Где командир? Митрохин буквально полз по земле, а за самолетом тянулся белесый дымок: выливалось или горело масло. А мотор без масла долго работать не будет. От злости на себя Матвей задохнулся. Как же так: на самолете врага видел все заклепки и не попал! Но думать было некогда: в атаке сразу два истребителя, но теперь били только его. Матвей убрал обороты мотора и крутнул машину на дальнего немца. Над головой пронеслась огненная очередь. Впереди желтый диск вращающегося винта тянул за собой головастика к машине Митрохина. Резкое движение ног — и самолет врага закрыл все стекло кабины. Мотор «сто девятого» на выхлопе коптил. Дал очередь — и от мотора и кабины полетели клочья. А по самолету Матвея вновь застучало молотом железо, выброшенное пушками врага, в кабине что-то хлопнуло.

Новый разворот — врагов уже осталось трое. А командир? ИЛ Митрохина продолжал полет над самой землей. Вид у него был, как у пожилого старьевщика, несущего на себе мешок с барахлом: в разных местах на крыльях и фюзеляже болтались какие-то тряпки и палки. Значит, еще раз попало. Сверху проскочил знакомый «пиковый туз», дал очередь по Митрохину и ушел вперед. Что же он хочет делать? А сзади опять атака по ведущему и ведомому. Очередь прошла мимо. Доворот на второго истребителя и огонь — немец вышел из атаки. Назад Матвею смотреть уже некогда: «пиковый туз», забравшись повыше, сделал переворот и пошел вниз, в лоб Митрохину. Сверкнула молнией мысль: если попадет, то убьет. По всему было видно, что атакуемый ИЛ огнем «тузу» уже не ответит: управление, наверное, побито, мотор коптит, скорость — чуть только в воздухе держит. Немец пикировал сверху, самолет его быстро рос в размерах. Осипов поймал мотор истребителя на вертикальную линию прицела, чуть подождал и со злостью нажал гашетки. Пушки и пулеметы вновь послушно рявкнули, и Матвей понял, что попал: на желто-зеленом поле крыльев «туза» что-то блеснуло, а самолет резко крутанулся и пропал сзади. Новый разворот — теперь уже только два истребителя врага, и вновь они в атаке. «Как только бедный «илюха» все это терпит, летит и не разваливается!» Внизу промелькнула огненная и пыльная линия фронта. И сразу ИЛ Митрохина запахал сначала хвостом, а потом и мотором землю. Сел или упал? Осипов положил машину в крутой вираж и ждал. Открылся фонарь, и командир полка махнул ему рукой. На сердце стало легче. А немцы? Где они? Рядом нет. Наверное, кончилось у них горючее или снаряды.

...Матвей заходил на посадку. Когда решил выпускать шасси, то не надеялся на удачу, потому что оба крыла были в пробоинах. Но все оказалось в порядке: зашипел воздух в системе, и шасси вышли. Едва колеса коснулись земли, Осипов понял, что резина на них повреждена, и выключил мотор. Самолет, пробежав метров сто пятьдесят, начал разворачиваться вправо. Попытка удержать его тормозами на прямой ничего не дала. Теперь Матвей сидел в кабине и ждал, когда машина остановится. Препятствий близко не было. Тревожило только одно: выдержало бы левое колесо, а то можно еще и перевернуться. Пятнадцать — двадцать секунд пробега показались ему очень длинными. Самолет трясло на разбитых колесах, и он быстро описал полный круг. Наконец тряска и пробег кончились, и в наступившей тишине слышалось только жужжание гироскопических приборов да что-то шипело снизу. Пока к самолету бежали люди, Матвей вылез из кабины, спрыгнул на землю и быстро обошел вокруг — посмотрел, что сделали снаряды врага. Обшивка крыльев и фюзеляж походили на решето, винт продырявлен в нескольких местах, одно колесо разбито. Целы только броня мотора и кабины. Погладил рукой обводы мотора, прижался к ним щекой, как к живому существу:

— Спасибо, дорогой. Еще поживем и повоюем. Давай держись.

Подбежал Петров, обнял Осипова:

— Цел, командир? А Митрохин?

— На вынужденную сел на нашей территории. Все дома?

— Нет, еще один не вернулся — Горбатов.

Подошла полуторка: надо было ехать на КП полка.

...Митрохин прилетел в полк вечером на У-2. На вынужденную сел он сразу за своими окопами. Ему повезло: ни ранений, ни синяков, ни шишек, а ИЛ пропал. Убрать его в тыл под огнем было невозможно. Пехота в этом месте стала отходить и сама подожгла самолет, чтобы не оставлять противнику.

...Кончился разбор боевого дня. Матвей пребывал в состоянии радостного смущения. Утром, даже не дослушав доклада, его скоропалительно отругал начальник штаба за то, что он бросил командира полка в бою или в трудной обстановке и вернулся один. Матвей знал, что в «бросил» никто не верит, но настроение и радость возвращения домой были испорчены. Он не стал подробно докладывать о воздушном бое и сбитых им самолетах, а показал только точку на карте, где сел Митрохин. Горечь незаслуженной обиды была еще сильнее оттого, что погиб Горбатов. Сделанные им после этого еще два вылета так и не смогли вывести его из состояния раздражения: обида не проходила. И вот только теперь, когда сам Митрохин разобрал их совместный полет и при всех сказал ему спасибо, Осипов был и рад тому, что справедливость восторжествовала, и стеснялся перед товарищами. Стеснялся не за свои действия, а за то, как они оценены командиром полка. В своем поступке он ничего героического не видел и был уверен, что любой из сидящих на разборе пилотов вел бы себя точно так же.

Поздравления ребят с предстоящей наградой породили у Матвея чувство виноватости перед ними, потому что они воевали нисколько не хуже. И если уж награждать, то они все этого заслуживают.

Однако признание правильности его действий, сознание того, что он представляется за этот вылет к правительственной награде, искренние поздравления товарищей-пилотов, которые не очень-то щедры на похвалу, пробудили в его душе, кроме радостного смущения, и другое чувство — чувство гордости. Оно было порождено не зазнайством, не ощущением своего превосходства над другими. Нет, он по-человечески гордился тем, что удалось справиться с собой и с «мессершмиттами» в таком непростом бою. И радовался, что не только он, но и самолет выдержал тяжелое испытание.

Петров вскоре после вылета прибежал на КП и притащил в своей пилотке бронебойные сердечники и осколки снарядов, которые собрал в фюзеляже и у задней бронеплиты их самолета. В нарушение всех правил заскочил на КП, где сидели летчики и командиры, готовясь к очередному вылету, и высыпал все из пилотки на стол начальника штаба.

— Вот смотрите, почему Осипов живой. А то — «бросил!»— И, не дожидаясь ответа, выскочил из землянки.

Перед Сергеевым на бумагах лежало около полукилограмма разной формы осколков, от которых на КП запахло порохом и боем. Матвей почувствовал, как по спине просквозил холодный ветерок, напряглись мышцы ног.

Неловкость и тишину прервал Мельник:

— Ну, не будем усложнять ситуацию. Погорячился сначала начальник штаба, а теперь техник самолета. И одному и другому было больно... На войне всякое бывает, а люди остаются людьми... Осипов, забирай свой металлолом и распоряжайся им как знаешь. А взаимные обиды надо забыть...

Осипов был увлечен Светланой. Он переживал это чувство впервые и не хотел и не умел ему сопротивляться, хотя понимал всю призрачность возможности дальнейших встреч, продолжения их дружбы — знал, что любой день, а может быть, и следующий вылет могли внести в их жизнь и отношения печальные коррективы. Матвея непрерывно влекло к этой милой девушке, в которой он ценил доброту и целомудрие, нежность и сдержанность. Когда он видел Свету, то все окружающее уходило на второй план, растворялось, и была только она в своем скромном просторном платьице. Взгляд ее больших голубых глаз не искал собеседника, не останавливал его, не испытывал над ним свою власть. Обращенный в себя, он был кроток и мягок. Матвей хотел уловить, в чем же заключается прелесть ее лица. Оно поражало не красотой и правильностью черт и линий, а чем-то совсем другим, что обычно называется обаянием и пленительностью. И чем больше он смотрел на нее, тем очевидней ему представлялось, что она давно ему знакома и напоминает кого-то, кого он хорошо знает.

Матвей не видел Светлану уже два дня. За ужином, опять отдав товарищам свои сто граммов, он наскоро выпил стакан чаю и теперь, отпросившись у командира, торопливо шел к школе. Сложности и заботы войны отодвинулись куда-то вдаль, горделивая смущенность, возникшая на разборе летного дня, сменилась тревогой ожидания предстоящей встречи и боязнью опоздать. Матвей надеялся, что Светлана ждет его. Он был уверен, что небезразличен ей, что она выделила его из всех, приблизила к себе. Но сердце тревожилось, не исключало ошибки, появления каких-нибудь обстоятельств, которые могли все расстроить. Матвей не выдержал этой тревоги. Быстрый шаг показался ему слишком медленным, и он побежал...

Матвей еще издали увидел Светлану на крыльце школы, где он впервые ждал ее вечером. Начавшиеся сумерки уже немного стушевали определенность очертаний, красок, и на фоне стены виделся только силуэт Светланы. Лишь совсем вблизи он разглядел, что она радостно улыбается ему, а широко открытые глаза ждут.

— Света-цветочек, здравствуй! Я быстро умоюсь, и...

— Здравствуй, Матвей. А я предлагаю другое.

— Что же?

— Берите полотенце, и пойдем к речке. А

там решите, что делать: просто умыться или искупаться. (И он и она говорили друг другу то «ты», то «вы».)

— Вот здорово! Я — «за»!

Ни ждать, ни торопиться теперь не нужно — они были вместе и медленно шли вдоль дороги к реке. Скрывшееся за горизонт солнце еще ярко подсвечивало западную часть неба, и на его бордово-желто-голубом просветленном из глубины фоне черными горбами резко выделялся далекий правый берег Оскола. Улица оборвалась, и вместо горклого запаха пыли, жилья и придорожной полыни повеяло луговым воздухом. Пахло водой, зеленью и чем-то прелым. В тишине слышалось кваканье лягушек в почти высохшей старице, а издалека негромко доносился звук работающих автомобильных или танковых моторов да своеобразный бочкообразный гул понтонного моста, по которому сейчас двигались войска.

— Ох и благодать, Света, а где купаться? Ведь до реки еще километра два.

— Мы туда не пойдем. Недалеко есть протока. Еще метров двести.

— Ладно. А вы будете купаться?

— Я — нет. А вам надо. День-то был не только длинный. Небось, и трудный.

— Да как всегда.

— Летали сегодня?

— Летали все. Без этого нельзя.

— Я так каждый день волнуюсь и переживаю! Ведь не бывает дня, чтобы кого-то недосчитались. Просто страх. Ну когда все это кончится?

— Света, неважные пока у нас дела. Наверное, не удержимся, и отступать снова придется. Вам с мамой надо уходить. Езжайте на Урал. Я дам свой адрес, а там мама с родственниками что-нибудь придумают, устроят.

— Моя мама не хочет, говорит, все растеряемся и потом не найдем друг друга... Матвей, вот здесь мы купаемся.

Протока была неширокая. В зеркале воды отражались более светлое, чем вода, небо, оба берега с деревьями и густым кустарником. Плотные тени у берега углубляли дно, а на середине, где быстрое течение, тени дробились блестящей чешуей мелкой ряби, вода светлела и протока как бы мелела.

— Вон мосток. Раздевайтесь на нем, и в воду. Тут неглубоко.

Матвей благодарно посмотрел на нее и опустился по тропинке к мосткам. Он снял ремень с кобурой, расстегнул гимнастерку и оглянулся. Светлана засмеялась.

— Ну хорошо, я отойду, а залезешь в воду — крикни.

Матвей сначала проверил дно, а потом окунулся с головой. Вода за день нагрелась, пахла тиной и рыбой.

Радостно крикнул:

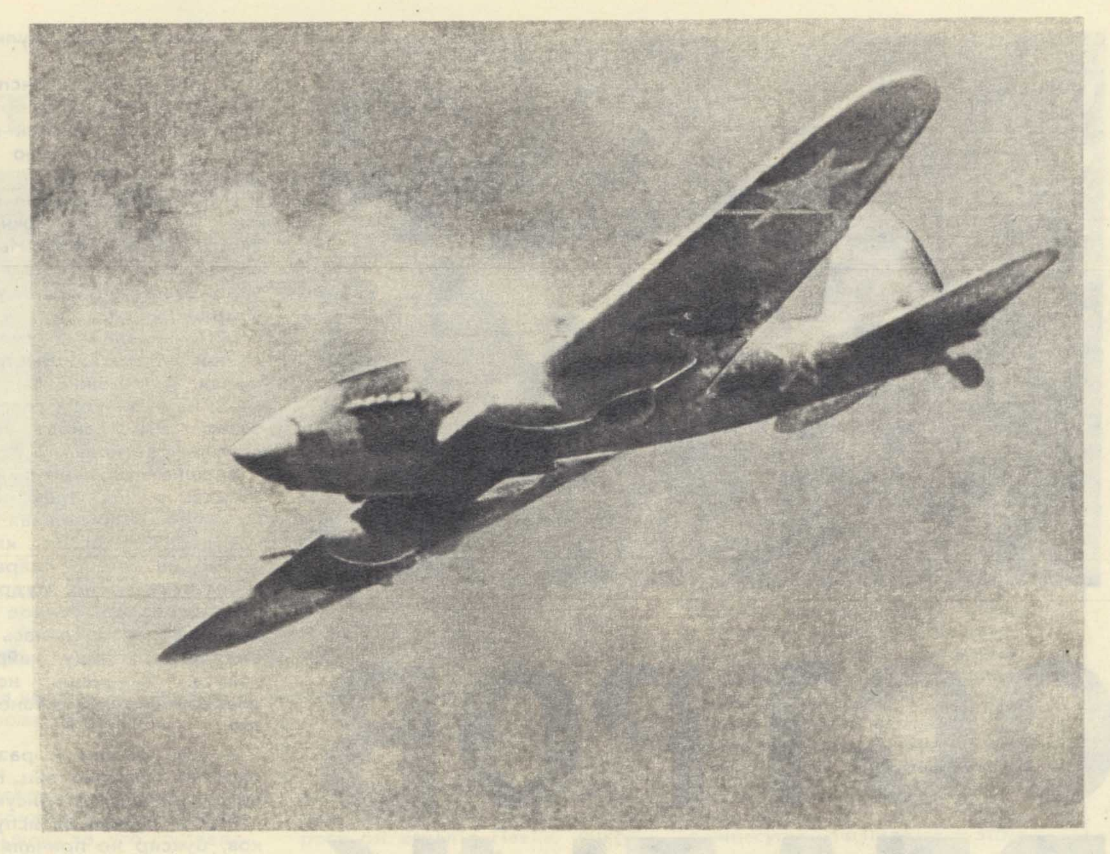
— Я в воде!

И поплыл к другому берегу. Но там, видимо, течение было еще медленнее: дно заросло водорослями, которые цеплялись за руки, ноги, щекотали грудь, и Матвей повернул обратно.

Девушка сидела на высоком берегу, четко вырисовываясь на светлом небе. К бодрости и свежести, охватившим Матвея, прибавилось чувство новой радости оттого, что самая красивая, самая умная (самая-самая!) сейчас смотрит и ждет его.

Светлана глядела на купающегося Матвея, и то ей казалось, что на светлой прогалине между тенями барахтается в воде старший брат, а то вдруг Матвей представлялся ей сыном, который нуждается в ее ласке, заботах и участии. Потом она, спохватившись, вспоминала, что это же совсем чужой человек, которого она узнала всего несколько дней назад, да и видятся они только вечером, по нескольку минут, когда он провожает ее с дежурства домой. Она спрашивала себя: «Почему же я так сильно волнуюсь за него, именно за него, когда он уходит на аэродром? Ведь я знаю всех летчиков и командиров в лицо и по имени, волнуюсь за всех. Но становится страшно, если я начинаю думать, что он сегодня не придет,— каждый день в их общежитии появляются все новые и новые свободные койки... Почему он мне стал таким родным? Почему мне кажется, что я его знаю с самого детства?»

— Матвей! Хватит уже, а то простынешь.



ИЛ-2 в атаке. Фото военных лет.

— Пока не холодно. Ах и хорошо! Будто заново родился!

— Вылезайте быстро. Уже поздно.

Когда Матвей подошел, Светлана сидела к реке спиной.

— Света, я готов. О чем вы задумались?

— Смотрю, как всходит луна. Вот вы говорили только что: «Ах и хорошо, будто заново родился». А разве мы помним о том, как родились? Говорим эти слова часто, а если вдуматься, так полная бессмыслица: никто не помнит, как он родился и что он чувствовал в это время.

— Ну, это уже критиканство.

— Нет, просто я так думаю. И виновата в этом луна.

Матвей сел рядом.

— А почему?

— Восход — для нас ее рождение. Сейчас она огромна, а поднимется над горизонтом и примет свой обычный вид. Человек же родится беспомощным и малюсеньким, хотя, наоборот, его возможности огромны. Правда, каким он будет на небосводе своей жизни: великим или неизвестным, сильным или слабым, счастливым или несчастным — никто при его появлении на свет сказать не может. А тут еще эта война. Где сейчас папа и Микола? Живы ли? Говорят: «На роду написано». Разве всем, кто сейчас находится на фронте, было заранее определено, что ему надо будет воевать, быть убитым или остаться живым?

— Если в это поверить, то надо верить в бога или еще в какую-нибудь чушь. Вот, например, у нас никто не хотел иметь самолет с номером тринадцать, говорят — «чертова дюжина», «несчастливый номер». Разобрали все самолеты, пока я был дежурным по части. А когда освободился и пришел на аэродром, то остался только этот тринадцатый номер. И пришлось его брать, хотя, откровенно скажу, мне тоже не хотелось.

Матвей засмеялся своей мысли.

— Может, меня и самолет не бог, а черти берегут?

Девушка улыбнулась.

— Ну, Матвей, это все выдумки. Пойдемте домой, а то уже поздно. Вам надо отдыхать.

— Да я успею.

— Нет-нет! Если вы не выспитесь, я буду еще больше волноваться и ругать себя. Лучше пойдем.

Светлана встала. Он удивился неожиданно появившемуся желанию обнять и поцеловать девушку, а потом испугался этой мысли, подумав, что обидеть человека легко, но оправдаться перед ним и своей совестью будет трудно.

Они уже прошли весь поселок, но почти не видели домов, деревьев, заборов и дороги, а плыли в лунном сиянии, как по морю, не чувствуя под ногами земли.

Хата Светы появилась неожиданно для них, и они, обескураженные этим, остановились у калитки и растерянно посмотрели друг на друга. Преодолев смущение, Матвей осторожно взял руки Светы в свои, привлек ее к себе. Девушка дозерилась и прижала свой лоб к его груди. От нахлынувших чувств земля под ногами Матвея словно бы качнулась. А потом Света подняла голову, и он увидел ее огромные глаза прямо перед своими и так близко, что от неожиданности отпрянул назад. И тут ему чем-то обожгло щеку, а когда он понял, что это поцелуй, девушки рядом с ним не было. Она стояла за калиткой.

— Матвеюшка, надо идти спать.

— Света!

— До свидания. Иди отдыхай. Я буду ждать тебя всегда.

— Света! Но я не хочу уходить. Это несправедливо.

— И я не хочу, но надо. Уже поздно.

— Спокойной ночи, Света-цветик.

Матвей подчинился. Щека горела, словно от ожога. Сердце громко стучало в грудь. Забыты были все невзгоды, хотелось петь. Первый поцелуй! Матвея никто и он никого еще не целовал. А из детства сохранил в памяти только поцелуй матери при встрече после долгой разлуки. Но еще неизвестно, кто счастливей: тот ли, кто не знает им счета, или он, уральский парень, которому достались в жизни всего лишь два поцелуя.

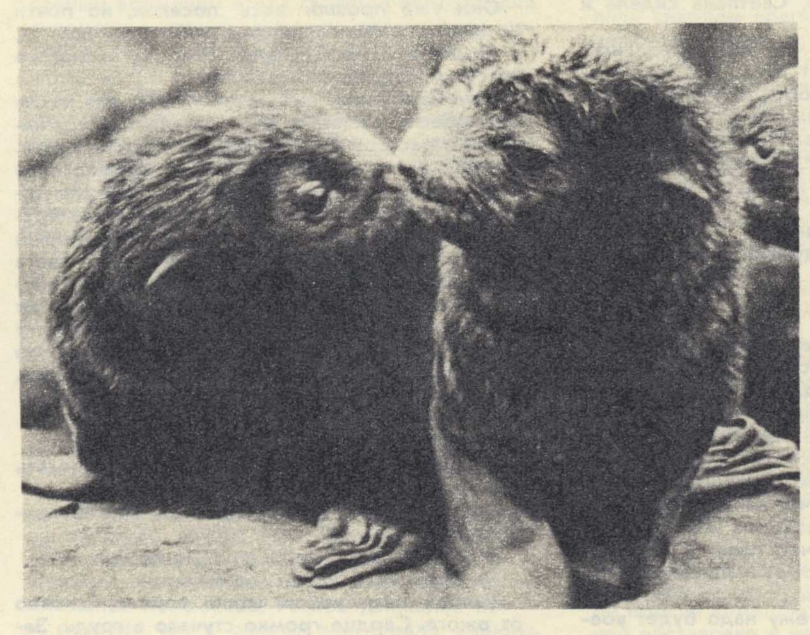
Осипов пришел в общежитие, разделся и лег. И хотя уснуть не мог, это не расстраивало его. Тихая радость тоже была отдыхом, а ему, молодому и сильному, сейчас совсем не хотелось спать. Он вспомнил весь сегодняшний вечер, снова пережил его счастливую, волнующую необычность. Немного поругал себя за то, что не решился поцеловать Свету, а потом сказал себе шепотом: «Молодец, и правильно сделал». Затем почти бездумно закрыл глаза и хотел попытаться уснуть, но тут кто-то вошел в комнату, кашлянул. Матвей узнал начальника штаба полка.

— Пилоты, пора вставать...

Окончание следует.



ОСТРОВ ВЛАДЫК



По секрету...

Л. ЮРИНА
Фото В. ЛЕВИНА.

Маленький, юркий морской буксир «Юкон» идет бойко по свинцовым волнам залива Терпения. Мы направляемся к Тюленьему — заповедному островку, где находится лежбище котиков, одно из трех существующих в мире.

Впереди десятичасовой путь. Есть время перебрать в памяти все, что читала или слышала о чудо-земле, затерявшейся в стороне от торных морских дорог.

Открыли остров русские мореплаватели в начале прошлого века. Через полстолетия о необычных обитателях острова прослышали иностранные зверобои. Они хищнически стали истреблять котиков. К началу нынешнего века на Тюленьем почти не осталось ценных зверей.

В 1957 году представители четырех стран — СССР, США, Канады и Японии — подписали конвенцию о сохранении котиков в северной части Тихого океана.

Сейчас звери находятся под надежной охраной человека. Мы убедились в этом, ступив на борт «Юкона».

— Юрий Ким. Инспектор по охране котиков,— представился нам молодой человек в морской форме.— Контролирую работу промысловиков.

Он недавно окончил биологический факультет Южно-Сахалинского пединститута. Ныне Юрий Ким — строгий представитель конвенционного отдела управления Сахалинрыбвод.

...Неожиданно из туманной мглы возник остров. Он быстро приближался. Уже можно было рассмотреть на скалистом плато птичий базар. Это кайры, неизменные спутники котиков.

Внешне птицы напоминают пингвинов: у них такой же черный фрак и белоснежная манишка. Гнезд они не строят, кладут яйца прямо на камни. Кайры живут в тесноте, скученно. Мудрено не задеть свое или чужое яйцо. Но природа распорядилась разумно: она придала яйцу кайры форму конуса. Заденешь невзначай — оно крутанется и останется на месте.

А как красива и разнообразна окраска кайриных яиц. Нет ни одного одинакового рисунка.

Чтобы шумом не испугать котиков, буксир не причаливает к берегу, а становится на рейд. К «Юкону» подходит бот. Пересаживаемся в шаткую посудину и направляемся к острову. И вот мы в царстве котиков и птиц. Территория чуть больше шестисот метров в длину, около ста в ширину.

Сурова и неприветлива природа острова. Даже в июле промозглая погода, туман. Ни деревца, ни кустика. Здесь нет земли. Только камень, скудный мох да злая трава с острыми, как лезвия, краями.

Полгода остров безжизнен. Но с приходом лета Тюлений оживает. Вслед за птицами сюда возвращаются котики. Они приплывают из южных морей, где провели долгие зимние месяцы.

Первыми показываются могучие самцы-секачи. Тяжело отфыркиваясь после многодневного трудного морского плавания, они не спеша выходят на берег.

Самые старшие, которым по десять лет и больше, прочно занимают места на пляже. Владыки! Подмечена одна закономерность: матерые секачи каждый год занимают одни и те же «квартиры». Владыкам приходится участвовать не в одной жестокой битве, отстаивая свои права на место. Они бьются насмерть. Следы былых яростных побоищ можно увидеть на морде и шкуре самцов-секачей.

Вскоре на родной земле появляются сотни и тысячи молодых котиков. Никто не знает, что влечет зверей к Тюленьему, почему они предпочитают этот остров, очень похожий на множество других.

Самки приплывают на Тюлений, когда пляж уже поделен между владыками. Проходит какое-то время, и вокруг каждого секача волнуется и орет стадо. Подобно могучему великану возвышается над своим семейством самец. Он кажется особенно огромным рядом с небольшими грациозными самками. А их в каждом стаде насчитывается до семидесяти — ста.

В первое время звери представлялись нам одноликой массой, потом мы научились различать их не только по внешнему виду, но и по характерам. У нас появились свои «знакомые», свои любимцы. Некоторым дали имена: Актриса, Малыш, Одноглазый, Добродушный...

Забавно наблюдать за малышами. Рождаются котики зрячими, с огромными, как плошки, глазами. Они жалобно блеют и сразу начинают ковылять на своих еще слабеньких ластах. Детеныши растут не по дням, а по часам. Малыши любят возиться друг с другом, кувыркаться, играть. На пляже они собираются в большие группы — своеобразный детский сад.

Бдительно охраняет свое семейство владыка. Не позволяет легкомысленным самкам нарушать супружескую верность. Как-то мы оказались свидетелями «семейной драмы» в стаде Одноглазого. Воспользовавшись тем, что владыка задремал, одна шустрая самка решилась на побег. Не тут-то было. Дремать-то он дремал, да, оказывается, и внимательно следил за своим гаремом. В два прыжка догнал беглянку, схватил ее за спину и бросил на место. Притихла бедная, прижавшись к песку.

Нет покоя хозяину стада: то наводи порядок среди взбунтовавшихся жен, то усмиряй не в меру расшумевшуюся малышню, а то отстаивай свою семью от посягательств соседа.

Однажды схватились Одноглазый и Добродушный. Характер у первого задиристый, неуживчивый, одним словом, вздорный. Лишился глаза, видимо, в бою. Второй великан — спокойный, флегматичный. Завязался тяжелый бой гигантов. Скорее всего решался пограничный вопрос. Сошлись вплотную, оба приподнялись на ластах. Уже не рев, а какой-то глухой, утробный хрип вырывается из могучих глоток. Достойными оказались противники. Ни один из них не отступил. Бой затих так же неожиданно, как и начался. И вот уже оба врага мирно дремлют в окружении своих подданных.

...Без малого двадцать лет прошло со времени подписания международной конвенции по охране котиков. Меры, принятые человеком, позволили не только сохранить этого ценного морского зверя от полного истребления, но значительно увеличить его поголовье.

Каждое лето лаборатория морских котиков Сахалинского отделения Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографии создает на острове опорный пункт. На Тюленьем построено несколько искусственных площадок и двухъярусных террас, срыто плато. Это расширило лежбище.

...Незаметно пролетели дни нашего пребывания на острове. В столовой, прозванной «Ресторан Сивуч», поели на прощание яичницу из кайриных яиц. Потом пошли прощаться с котиками. Добродушный по обычаю дремал. Одноглазый, хрипло рыча, наводил порядок в своем окружении. Актриса (мы так прозвали одну из самок за ее любовь позировать перед фотоаппаратом) томно нежилась на камнях. Детский сад развлекался. Жизнь стада шла обычным чередом.

...«Юкон» уже далеко отошел от острова, когда справа по борту мы заметили двух резвящихся в волнах котиков. Нам показалось, что звери провожали нас и желали счастливого пути.

гастроли

ИСКАТЬ—ЭТО ТВОРЧЕСТВО

Л. ЛУКЬЯНОВА

Сцена — модель жизни. Всего лишь модель. Почему же тогда сидящий в зале жаждет сердцем своим отозваться на слезы актера, в скорби ищет очищения, не отпускает от себя радость увиденного?

...Мечется Антипа Зыков, бьется, словно зверь в клетке. Угловат и непрост Антипа. Сквозь купечество его нынешнее хорошо видно «мужиково» происхождение. Но он хозяин. Он сам создал свое дело, как создали его Артамонов, Гордеев, Булычов, тоже бывшие мужики, другие герои произведений Горького.

Всю жизнь работал Антипа на свое дело. Работал неистово, яростно. Чуть отклонился — и вот задыхается... Антипу Зыкова играет Николай Михеев. Прекрасно играет. Любит он своего героя и не скрывает любви к нему. Да и сам Горький любил Зыкова, хотя иные критики сгоряча пытались приписать герою этакую закатно-буржуазную отрицательность. Но Зыков — живой человек, и актер словно бы помнит всю его нелегкую жизнь, знает, откуда у Антипы эти, а не другие жесты, повадки, почему тут он поступает так, а не иначе.

Антипа—Михеев работал весь свой век. А сейчас вдруг, на закате, ему захотелось добра, тепла человеческого. Потому он и тянется к Павле, видя ее безгрешность и чистоту. Чиста Павла. Но бездушна ее чистота — она будто лишена плоти, крови, не понимает вкуса и запаха жизни. Павла не понимает того, что понимает и принимает Зыков,— она боится его: она предлагает ему добро на таких условиях, которые он не может принять. Она хочет отнять у Зыкова то, что составляет само его существо: его деятельную душу...



«Золотая карета» Л. Леонова. Н. Радолицкая — Дашенька и Н. Михеев в роли Непряхина.

Фото И. Галанюка.

Глубина горьковской драматургии в полной мере раскрыта Куйбышевским драматическим театром имени Горького, гастролировавшим в Москве.

Сложен и мучителен человеческий поиск себя. Потому так страдают и бьются, выбиваясь из сил, герои пьесы. И умная красавица Софья в отличном исполнении В. Оттович. И ее племянник Михаил—О. Бычков, страдающий от самодурства отца. Но еще больше страдает сам Антипа Зыков. И от бессилия сына и от поздней своей, нерадостной любви. И от своего неумения найти выход, незнания, как помочь всему этому. И даже Павла З. Александровой, вечно боящаяся чего-то, страдает в неспокойном зыковском гнезде.

В финале спектакля нет фанфар, как нет их и в жизни. Антипа снова собирается ворочать делами — так, что земля поколеблется. И слезы его недавние уже высохли. Добра, которого он искал в Павле, Зыков так и не нашел. В нем самом торжествует человеческое: негромко, неполно, но все же...

...В 1851 году первая самарская профессиональная труппа поставила свой первый спектакль. Начавшийся в Москве сезон для театра — юбилейный: 125 лет исполняется этому прекрасному русскому театру. Он не нуждается в рекомендациях — у него свое, прочно завоеванное имя, свой зритель, свои поклонники. Театр находится в поре творческой зрелости — и это не просто затертое клише: в постановках куйбышевцев есть какая-то спокойная мудрость, есть поиск, но нет метаний. Может быть, потому, что театр уже много лет возглавляет народный артист РСФСР Петр Львович Монастырский, художник яркий, глубоко современный, ясно понимающий стремления коллектива, сумевший сплотить вокруг себя единомышленников.

По всей стране ставят сейчас пьесу А. Гельмана «Протокол одного заседания». Пьеса тонкая, очень сценичная, по-настоящему глубокая. Поставили ее и куйбышевцы, посвятив спектакль XXV съезду партии. Спектакль этот отличен от многих других прежде всего мужественной мыслью: ты отвечаешь за все.

Театр любит своего зрителя, он умеет еще и развеселить, обрадовать его. Актеры словно купаются в музыкальной стихии «Левши» (инсценировка В. Константинова и Б. Рацера по мотивам рассказа Н. Лескова), в мягком юморе «Проделок Ханумы» (пьеса А. Цагарели), грустной иронии Б. Шоу в спектакле «Цезарь и Клеопатра»... Театру многое по плечу. Не каждый коллектив может позволить себе ставить «Гамлета», а куйбышевцы поставили. И — получилось. Уверенность режиссуры ощущается в этом спектакле постоянно: здесь нет скомканных, проходных сцен, все значительно и просто. Манера постановщика П. Монастырского строга, несуетна. Он подошел к пьесе без боязни, без оглядки на бывшее, и создал своего Гамлета, и даже такой «изыск», как исполнение главной роли актером из Щецина Вацлавом Улевичем, полностью оправдывает себя. Между участниками спектакля нет языкового барьера, все они прекрасно понимают друг друга: мятущийся принц Эльсинора, говорящий по-польски, и его друг Горацио — С. Кашицын, его враг — Клавдий — М. Лазарев, его любимая Офелия — М. Монахова, говорящие по-русски... Гамлет здесь совсем одинок — тем страшнее его трагедия, тем горше его слабость... Но как же счастливо, совсем не по-актерски улыбался Вацлав Улевич, собирая брошенные ему зрителями цветы!

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

ДЕНЬ ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

АВТОР МАЛЕНЬКОГО ФЕЛЬЕТОНА «ДЕНЬ ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ» («ОГОНЕК» № 29 с. г.) ПИСАЛ О ТОМ, ЧТО УТВЕРДИВШАЯСЯ ПРАКТИКА РАБОТЫ НЕКОТОРЫХ МОСКОВСКИХ МАГАЗИНОВ, КОГДА В НИХ ОТКРЫТА ЛИШЬ ПОЛОВИНА ДВЕРЕЙ, УХУДШАЕТ ОБСЛУЖИВАНИЕ ПОКУПАТЕЛЕЙ.

Исправление недостатков, отмеченных в публикации, идет со скрипом. В буквальном смысле этого слова. Проржавевшие в долгом бездействии дверные замки и петли сопротивлялись как могли. В московской булочной № 610 несколько дней просто не могли найти ключи от замкнутой двери, вход в булочную № 385 так и остался закрытым, несмотря на все заверения: «Откроем завтра». Московским булочным вообще не везет. Вот еще одна — № 386. Работает, но вполдвери, словно ее администрации не касается указание Главного управления торговли Мосгорисполкома. В одном из полученных редакцией писем заместитель начальника главка В. Урусов говорит: «Главное управление торговли предложило руководителям торговых предприятий открыть входные двери и не допускать в дальнейшем подобных фактов». Пока указание товарища Урусова руководителями некоторых столичных магазинов не выполняется. Всего на несколько дней открыл двери молочный магазин № 7, упоминавшийся в публикации. А многие предприятия торговли вообще не отреагировали на выступление журнала и последовавшее после него указание Главторга.

Чем это чревато? Пожалуй, наиболее полный и точный ответ на этот вопрос дает письмо главного архитектора Гипроторга О. Великорецкого, который пишет: «Некоторые директора магазинов пытаются «узким горлышком» регулировать потоки посетителей. При этом они не считаются с настроением покупателей, не стремятся к созданию максимального комфорта». Сужение входов и выходов в зданиях магазинов является грубым нарушением правил эксплуатации магазинов. Правила противопожарной безопасности категорически запрещают сужать входы. А дверь, замечает архитектор,— «визитная карточка» магазина.

Но в некоторых случаях, отмечается в письме, виноваты и проектанты, которые даже не планируют устройства тепловых воздушных завес при входах. Сейчас в Москве только один магазин из шести имеет у входа такие завесы. Остальные не располагают необходимым для нормальной работы инженерным оборудованием входов.

Заместитель начальника Управления организации торговли Министерства торговли РСФСР Л. Артамонова пишет, со ссылкой на Главторг Мосгорисполкома, что «проведена проверка состояния входных дверей магазинов и, в целях правильного регулирования покупательских потоков, руководителей торговых организаций и предприятий обязали не допускать закрытия части дверей, а также использования площади тамбуров не по назначению».

Директор Дзержинского райпищеторга столицы В. Левтонов в своем письме отмечает, что выступление журнала обсуждено в коллективах магазинов. «Критика признана правильной,— пишет он,— руководителям торговых предприятий дано строгое указание — полностью открывать входные двери на протяжении всего рабочего дня». Тов. Левтонов сообщает также о том, что в настоящее время составляется проектно-сметная документация по переоборудованию магазинов, о которых говорилось в «Огоньке».

Затронутая журналом проблема вызвала отклики не только москвичей. Вот письмо из Свердловска от нашей читательницы А. Дубровской: «В магазинах Свердловска двери полуоткрыты-полузакрыты, и пробраться в магазин после работы или в субботние дни — просто проблема. Все магазины города, за исключением универмага и универсамов, сделали для нас, покупателей, дверцы-щелочки. Стоим, ждем, когда выйдут одни, чтобы зайти. Теряем время, нервничаем, а что делать?»

Сообщения о полузакрытых дверях мы получили также из Киева, Челябинска, Горького, некоторых других городов. Поэтому-то удивляет молчание Госторгинспекции — неужели для ее служб на местах осталось незамеченным такое нарушение правил торговли, как полузакрытые двери?

К. БАРЫКИН

Кепка в опале

Начну с того, что подчеркивают специалисты: «Кепка хороша практически для всех времен года и для любого возраста». «Спрос на нее иногда вспыхивает, иногда немного угасает, но никогда не проходит. Не случайно же говорят: классический головной убор».

Значит, кепка нужна и важна? В ответ мне улыбаются: наивный, дескать, вопрос.

Но когда я по телефону договаривался о встрече с директором крупнейшего в стране объединения головных уборов «Зарница» А. П. Орешечкиным, он переспросил меня: речь пойдет только о кепках?

— Да,— подтвердил я.

Приехал. Вхожу к нему в кабинет. Он, похоже, забыл наш телефонный разговор и встретил меня вопросом:

— Что вас интересует?

— Кепка!

Мне показалось, что директор потерял ко мне всякий интерес. Он сказал:

— Познакомьтесь с начальником производственного отдела. Она вам все покажет и расскажет.

Полагая, что все же смогу коечто узнать и у директора, спросил, какая еще московская фабрика выпускает кепки.

— Мы — крупнейшее предприятие. По головным уборам с нами могут конкурировать только ленинградцы — объединение «Ладога».

Коли так, подумал я, значит, на примере «Зарницы» можно проследить за тем, что хорошо в «кепочной индустрии», что плохо.

Пока же с начальником производства М. Г. Каштановой идем в цех. Куда ни посмотрю, всюду кепки. Новенькие, аккуратно простроченные и удручающе одинаковые. И вы их видели, если заходили в магазин, — приплюснутые такие, с небольшим козырьком.

— Лучшая наша модель, «двадцать первая». Уже много лет выпускается. И все время торговля запрашивает.— Марина Георгиевна говорит это не без гордости.

— Много лет? Значит, модель из вчерашнего дня?

...Чтобы получить ответ, отправляюсь к главному художнику объединения Светлане Алексеевне Мельниковой. Из обстоятельного и дельного разговора с ней становятся известны факты, которые и до этого не являлись, думаю, откровением для специалистов.

Прежде всего, подчеркивает она, очень плохо с тканями. Текстильщики словно не замечают особенностей этого производства. Кепочные ткани теперь, по существу, исчезли. Предприятия получают то, что изготовлено для пальто, костюмов, платьев.

— Может, ткань специально для кепки и не надо делать,— говорит, словно убеждая себя, Светлана Алексеевна.— Но хоть давали бы возможность выбрать!

Поехал в Ригу, где один из цехов объединения «Латвия» весьма удачно — модно, современно — шьет кепки. Тут добились того, что смена моделей происходит за считанные дни. Латвийские швейники работают инициативно, с выдумкой, но побороть сложившееся пренебрежение к кепке и им не по силам.

— Увы, отсутствие тканей делает кепку второстепенной,— сказали мне в швейном управлении Министерства легкой промышленности республики.

...Когда обо всех неполадках я говорил с заместителем начальника Росторгодежды В. И. Морозовой, она начала с того же: не из кепочных тканей шьют! И в этом работник торгового ведомства справедливо видит одно из слагаемых низкого качества изделий, их однообразия, невыразительности.

Позволю себе небольшое отступление. Бытовало прежде мнение, что галстук можно сделать из любого материала, был бы шелковист. И шили, а потом списывали: не покупают. Лишь после того, как текстильщики стали работать специально на галстучные предприятия, наметился сдвиг. Не скажу, что все уже решено, но шаг вперед сделан. Полагаю, что в кепочном хозяйстве подобный подход еще нужнее. Пора начать делать специальные ткани. Это сразу выявит все плюсы-минусы моделирования, поможет четко определить: а умеют ли швейники делать то, что нужно? Сейчас они говорят: «Непригодна ткань». И прикрываются этим щитом. Далее. Технология шитья кепки требует материалов с совершенно определенными характеристиками. Пальтовый, как его называют специалисты, ассортимент тканей делает кепки непривлекательными.

Очень плохо с фурнитурой, с той массой мелочей, без которых просто-напросто не обойтись. Нет нужных прокладок, элементарных кнопок (хорошего качества!), нет даже подкладки. Все это в принципе существует, но не попадает на фабрики головных уборов. Находчивые и инициативные рижане, например, за блочками (детальки, которые украшают легкую летнюю кепку и делают ее более качественной) обращаются к соседям, на обувную фабрику.

Мало и хороших моделей. Тут, похоже, виноваты сами предприятия. Они не заботятся о подготовке людей, которым надлежит заниматься кепкой. Дома моделей тоже, судя по всему, почти забыли о существовании этого головного убора. Никто, по сути, не готовит модельеров-конструкторов. Рижанам просто повезло — у них опытный, знающий модельер. Но смены-то ему в той же Риге нет. Во всяком случае, нет равного мастера. А на московском предприятии судьба кепки и вовсе в руках молодого, неопытного еще специалиста. Похоже, это старательный человек. Но одной старательчости мало. Нужны знания, опыт. Но откуда же их взять модельеру, если он почти нигде, кроме как в заводской лаборатории, не бывает? Поинтересовался я, в какие командировки ездил он за последние два-три года, а на меня посмотрели с недоумением и даже с укором. Зачем, дескать?

И мне снисходительно объяснили, что кепка составляет два с половиной процента от объема всей продукции объединения. Пустяк! Если отдавать ей больше сил и времени, их не хватит на основную продукцию.

В итоге интересных, перспективных моделей очень мало, а точнее сказать — нет вовсе. Пресловутая модель «21» выпускается много лет подряд.

— Как давно? — снова спросил я. Никто даже не мог точно ответить. «Лет десять»,— сказал один из работников производственного отдела. «Да нет, двадцать»,— поправил другой. Стали искать справки. Но выяснили лишь, что несколько лет назад на каком-то художественном совете модель «переутвердили».

— Торговля просит! — снова услышал я горделивые нотки.

— Что нам остается делать? — с горечью говорят в Министерстве торговли РСФСР, являющемся основным заказчиком этой продукции.— Кепка популярна. Спрос на нее велик. Мы говорим: дайте новые модели, ищите, экспериментируйте. Охотно поддержим. А нам — все ту же модель «21» и другие, на нее похожие.

Дошло до того, что бреши в кепочной индустрии стали заполнять все, кому не лень. Недавно на одной из ярмарок увидел летние новые кепки. Кто шьет? На ярлыках прочел: «Минречфлот РСФСР, УРС Московского речного пароходства...». Да, спрос диктует, но только не швейникам. И отдают они на откуп кепку кому придется. И то обстоятельство, что речники шьют лучше и быстрее, похоже, в Министерстве легкой промышленности никого не волнует.

«Капля в плане», «доли процента» — не раз я слышал эти определения, словно бы санкционирующие отставание. Они приросли к кепке и оттеснили ее на второй план. Министерства торговли страны и республик обращались к руководителям швейной промышленности. В ответ—молчание. Или ответы, не влекущие за собой конкретных дел.

Кепка оказалась в опале.



У дальневосточных ворот

Владивосток, Находка... Здесь, у дальневосточных ворот в океан, кончается великая транссибирская магистраль, здесь начинаются голубые дороги к портам многих стран мира. Каждый день от причалов Владивостокского морского порта уходит океанский корабль, обработанный досрочно. Дважды орденоносный морской торговый порт в Находке по грузообороту и уровню механизации погрузочно-разгрузочных работ занимает очень важное место в стране.

Дальневосточные портовики отлично освоили обработку контейнеров международных стандартов, которые идут в адреса фирм Англии, Японии, Голландии, Швеции, ФРГ и других стран. А такой смешанный железнодорожно-морской путь резко сокращает время доставки грузов из Западной Европы в Японию и обратно по сравнению с путем через Индийский океан и десятки морей.

Жители Владивостока и Находки каждый день встречают и провожают родных и друзей.

На снимках: Владивосток, порт. Контейнер прибыл из Японии. Железная дорога доставит его в Западную Европу.

Находка. Технику для БАМа разгружают с теплохода «Хо Ши Мин».

Юрий МУРАВИН. Фото автора.

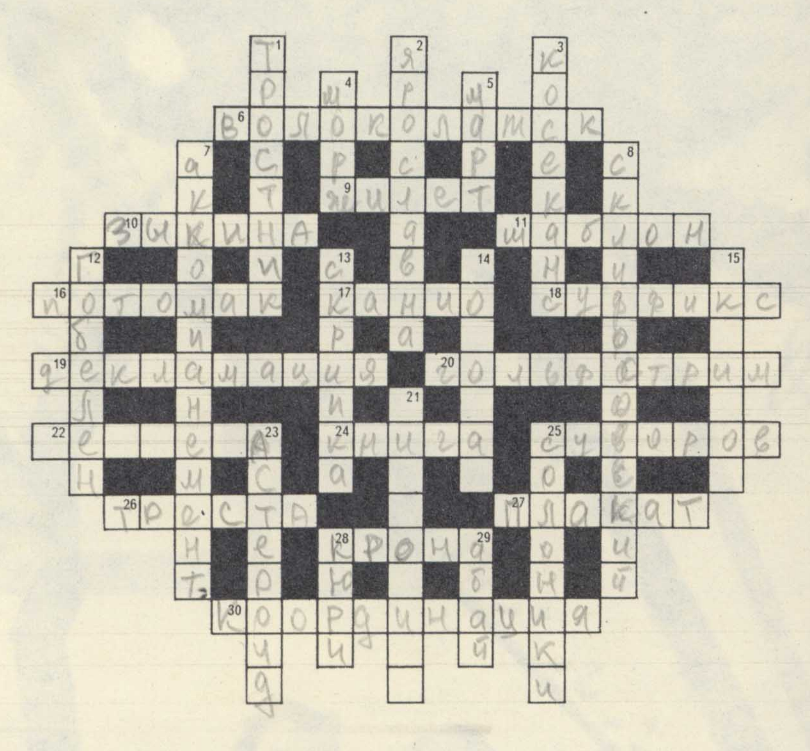
КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

6. Город в Московской области. 9. Мужская одежда. 10. Певица, народная артистка СССР. 11. Образец, по которому изготовляют изделия. 16. Река в США. 17. Действующее лицо оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». 18. Часть слова. 19. Выразительное чтение. 20. Теплое течение в Атлантическом океане. 22. Краски, приготовляемые на яичном желтке. 24. Печатное издание. 25. Великий русский полководец. 26. Солома льна и конопли. 27. Вид изобразительного искусства. 28. Денежная единица ЧССР. 30. Взаимосвязь, согласование.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Злаковое растение. 2. Персонаж «Слова о полку Игореве». 3. Тригонометрическая функция. 4. Морское млекопитающее. 5. Месяц года. 7. Музыкальное сопровождение. 8. Русский хирург. 12. Тканая картина. 13. Струнный инструмент. 14. Птица семейства ястребиных. 15. Стихотворение А. С. Пушкина. 21. Занимательная игра. 23. Малая планета. 25. Порт в Греции. 28. Французский физик. 29. Роман М. О. Ауэзова.



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Бабадаг. 7. Голубь. 8. Фургон. 9. Бартанг. 14. Уланова. 15. Спица. 17. Оксфорд. 18. Граната. 19. Транзит. 20. Рабле. 21. Реостат. 22. «Рогнеда». 24. Мотылек. 26. Камея. 27. Нокдаун. 29. «Калинка». 32. Белуга. 33. Портик. 34. Пастила.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Пальма. 2. «Нашествие». 3. Хайфон. 5. Домино. 6. Корпус. 10. Маргарита. 11. Галактика. 12. Котангенс. 13. Контрабас. 15. «Спартак». 16. Артерия. 23. Амфитеатр. 25. Лайнер. 28. Кармин. 30. Абакан. 31. Купала.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Зрительный зал Государственного академического театра оперы и балета УССР имени Т. Г. Шевченко.
Финальная сцена оперы Г. Майбороды «Ярослав Мудрый».

(См. в номере материал «И поэзия, и история...»)
Фото Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

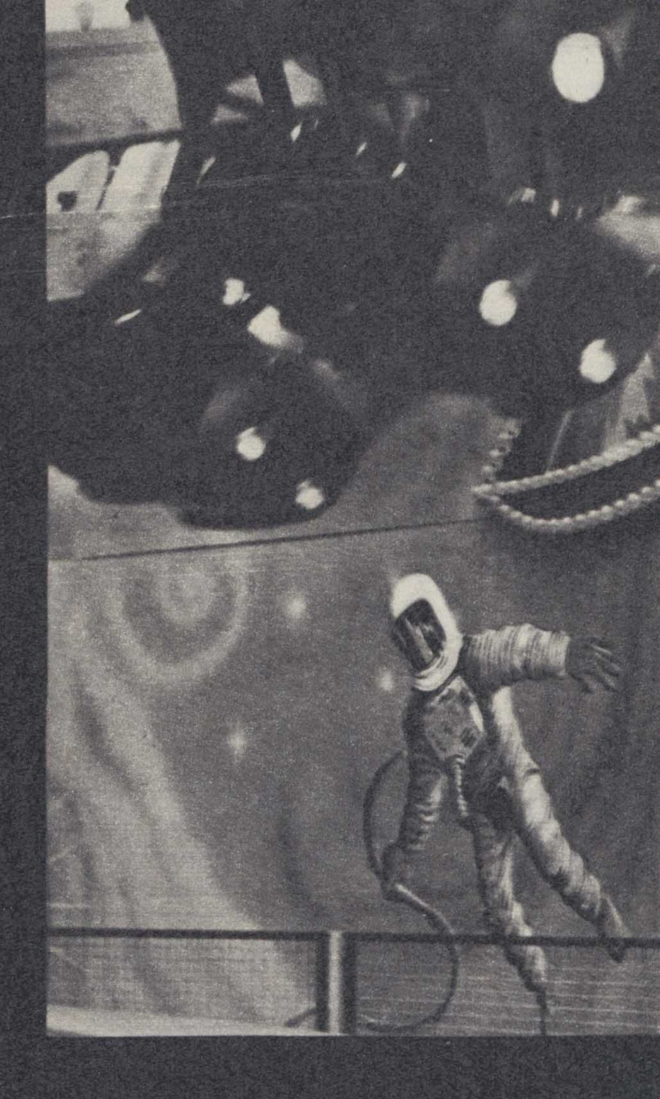
Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 30/VIII — 1976 г. А 00711. Подп. к печ. 15/IX — 1976 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2053. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 2726.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ДВЕ МИНУТЫ НА «САТУРНЕ»



К. КОСТИН
Фото И. ТУНКЕЛЯ

...Ну, доложу я вам, и «монстр»! Устроился я в его кресле, защелкнул нечто заменяющее входную дверцу, и тут началось. Мчится карусель по кругу, набирает скорость — ветер свистит! А затем вся наша «гроздь» кабинок, пять или шесть штук, стала выделывать кренделя: и вверх и резко вниз, вправо, влево да еще норовит перевернуться. Мой сосед хорохорился было, а потом примолк. Только на виражах еще крепче держался за перекладину и тихо, без энтузиазма шептал: «Хорошо!..»

Да, действительно хорошо!.. Особенно когда оказываешься на твердой земле, когда сеанс полета на карусели «монстр-III» окончен.

«Монстр-III» был одним из экспонатов международной специализированной выставки «Аттракцион-76».

И вот уже нас, журналистов, пригласили в кабину другого оригинального экспоната — «Сатурн». Он с бешеной скоростью крутится вокруг оси, сначала около площадки, на которой установлен, а потом встает «на дыбы» и, так мне показалось, стремится забросить тебя куда-нибудь повыше.

Правда, сделать это ему не уда-



ется. «Сатурн»— аттракцион, инженерно выверенный и современный: высокие скорости, оригинальная конструкция с использованием новейших достижений механики. Да и само название —«Сатурн»!

— Такие аттракционы, — комментируют психологи,— действуют благотворно, снимают стрессовые нагрузки, уменьшают нервное напряжение, которым так обильно «заряжает» нас сегодняшний ритм жизни.

Аттракционов тут было много, и самых разных. Отличные, хорошие и не очень. Я катался на «альпенблице»— поезде, несущемся по стальным «горам» с дикой скоростью, словно необъезженная лошадь, которая все время норовит сбросить тебя. Были на выставке и «тихие» забавы. Мы могли на электронном дисплее сыграть в теннис, поохотиться, могли на несколько минут стать ковбоем, — это картины, возникавшие на экране перед дулом электронного пистолета...

Руководитель недавно созданной Центральной научно-исследовательской лаборатории по разработке и внедрению новой аттракционной техники при «Союз-аттракционе» Валентин Павлович Шерстнев сказал нам, что такие выставки помогают развитию индустрии полезных развлечений. А забот у этой индустрии немало: курорты, большие и малые города, ярмарки и парки отдыха с удовольствием организовали бы у себя подобные городки аттракционов.




Цена номера 30 коп.
Индекс 70663